

2023

Том 14. № 2

2023. Vol. 14. No. 2

DOI: [10.19181/vis.2023.14.2](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Процессы формализации
(бюрократизации)
в российском образовании**

/ Бюрократизация
российского образования

/ Современное
когнитивное противостояние

/ Институционализация
культурной традиции

/ Одиночество
в современном городе

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2023

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2023. Том 14. № 2

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2023

© Vestnik instituta sotziologii, 2023

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

Email: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

О выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Тренды российской современности: эмпирика и теоретизация	8
Тема номера: Процессы формализации (бюрократизации) в российском образовании	15
<i>Осипов А. М.</i> Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий	15
<i>Кукушкина А. Г., Осипова А. А.</i> Ролевые модели работников образования в контексте системных бюропатологий	34
<i>Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Надуткина И. Э. Шаповал Ж. А.</i> Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации	50
<i>Дятлов А. В., Ковалёв В. В.</i> Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов	70
<i>Шуклина Е. А., Певная М. В., Минченко Д. В.</i> Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области	92
Массовое сознание в условиях геополитического противостояния	114
<i>Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В.</i> Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса	114
Взаимодействие культур в меняющемся мире	136
<i>Чой Ву Ик.</i> Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России с 2016 по 2021 год	136
<i>Барсова Н. С., Подъячев К. В.</i> Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости	149
Социально-психологические проблемы в современном городе	174
<i>Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Сычева О. А.</i> Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического изучения	174
<i>Панфилова А. О.</i> Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока	191
Трибуна молодого ученого	212
<i>Гречаная А. А.</i> Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей (EVS)	212

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Trends of Russian Modernity: Empiric Research and Theorizing.....	8
Topic of the Issue: Processes of Formalization (Bureaucratization) in Russian Education	15
<i>Osipov A. M.</i> Priorities of Studying Education in the Light of the Problem of Bureaupathologies	15
<i>Kukushkina A. G., Osipova A. A.</i> Role Models of Educators in the Context of Systemic Bureaupathologies	34
<i>Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval Zh. A.</i> Research or Investigation: Perspectives of the Sociology of Higher Education in the Conditions of Bureaucratization and Commercialisation	50
<i>Dyatlov A. V., Kovalev V. V.</i> Efficiency of Management of Higher Education in Russia in the Practices of Application of Managerial Tools.....	70
<i>Shuklina E. A., Pevnaya M. V., Minchenko D. V.</i> The Impact of Education on Youth Volunteer Practices in Conditions of the General Formalisation of the System: The Case of the Sverdlovsk Region.....	92
Mass consciousness in a Geopolitical Confrontation.....	114
<i>Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V.</i> The Phenomenon of Network-Centrism in Conditions of Modern Cognitive Opposition: On the Example of the Analysis of the Kherson Case.....	114
Interculturality in a changing world.....	136
<i>Wooik Choi.</i> Research of Mutual Perception of the Republic of Korea and Russia in the Period 2016–2021	136
<i>Barsova N.S., Podyachev K. V.</i> Participation of Soviet Specialists in the Creation of the Egyptian National Dance School as a Manifestation of Cultural Sensitivity Phenomenon	149
Socio-psychological problems in a modern city	174
<i>Puzanova Z. V., Larina T. I., Sycheva O. A.</i> The Problem of Suicidal Behaviour in the Student Environment: Experience of Empirical Study ..	174
<i>Panfilova A. O.</i> The Problem of Loneliness in the Urban Environment: Experience of Cities in the Russian Far East	191
Young researcher's tribune	212
<i>Grechanaya A. A.</i> Perceptions of Russians and Europeans About Gender Roles in the Context of the Problem of Gender Inequality: A Comparative Analysis on the Data of the European Values Study (EVS) ...	212

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.1

EDN: VHOEZE

Тренды российской современности: эмпирика и теоретизация

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Тренды российской современности: эмпирика и теоретизация // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 8–14. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.1; EDN: VHOEZE

For citation: Aksenova O. V. Trends of Russian modernity: empiric research and theorizing. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 8–14. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.1; EDN: VHOEZE

Тема этого номера: «Процессы формализации (бюрократизации) в российском образовании». Предлагаем сделать эту тему дискуссионной и призываем коллег присоединиться к обсуждению явлений, процессов, тенденций, возникших в российском обществе в результате, казалось бы, совсем недавних, постсоветских перемен. Мы начали с образования, поскольку оно является ключевой для общества сферой, которая определяет будущее и одновременно детерминирована настоящим, его трендами, которые, возможно, окажутся недолговечными.

Категория современности и связанные с ней модернизация, инновации, цифровизация и даже порядковый номер столетия «XXI» долгое время имели лишь положительные коннотации. Это не новый феномен, в особенности для нашей страны, в которой прогресс стал всеобщей ценностью со времен индустриализации. Сомнения в исключительной положительности происходящего возникли недавно, когда последствия реформирования целого ряда отраслей, включая среднее и высшее образование, стали очевидными. Примерно двадцать лет назад обсуждался вопрос, нужно ли заимствовать западные институты или стоит выращивать такие же на отечественной почве и с учетом ее специфики¹. В реальности оба процесса переплетались: болонская система, тестовая проверка знаний, формализация и стандартизация управления образованием есть одновременно результат копирования западных институтов и их укоренения и роста в российских условиях. Формализация в сфере образования характерна для институтов западного модерна и постмодерна, которые и заимствовались. В то же время она, несомненно, уже приобрела и российскую специфику. В статьях темы номера представлены результаты эмпирических исследований и теоретического осмысления этих сложных процессов.

¹ Я. И. Кузьминов, В. В. Радаев, А. А. Яковлев, Е. Г. Ясин. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005.

[Осипов А. М.](#) (Санкт-Петербург) в статье [«Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий»](#) предлагает собственную концепцию, основанную на категории бюропатологий, уже применяемую в социологии. Автор показывает необходимость включения проблемы бюропатологий в число приоритетов российских исследований образования и образовательной политики. Бюропатологии в сфере образования обрели в постсоветское время институциональную форму. По мнению автора, они закреплены в нормативно-правовой, технологической, культурной, ценностной и организационной структурах российского образования. В их числе не сдерживаемая правовыми и общественно-политическими механизмами концентрация полномочий топ-менеджмента и увеличение его явных и латентных привилегий. Эти явления снижают эффективность управления и порождают бюрократические злоупотребления. Также к их числу можно отнести: рост социальной заинтересованности «универсального менеджмента» в укоренении своего всевластия и распространение активного бумажного прессинга как системной управленческой технологии; тенденцию ужесточения бюрократического контроля на фоне кризиса образования – роста затрат, снижающихся качества, социальной доступности и общественной отдачи, потерь кадрового потенциала. Инструментами бюрократии являются: концентрация административных полномочий; имитация активности и полезности вместо реальной деятельности; опора на формально-правовую базу и уход от научного управления; уход от ответственности и деперсонализация менеджмента из-за приоритета регламентов над реальной эффективностью управления и ряд других.

Концепция бюропатологий использована в статье [Кукушкиной А. Г., Осиповой А. А.](#) (Великий Новгород) [«Ролевые модели работников образования в контексте системных бюропатологий»](#). Статья основана на эмпирических исследованиях и раскрывает типичные ролевые модели работников в контексте бюропатологий и их масштабы в профессиональной среде. Авторы полагают, что в распоряжении ученых пока недостаточно данных о социальных последствиях бюропатологий в человеческом измерении: деформации ценностей и отношений, самочувствии на рабочих местах, противоречиях социальной и профессиональной адаптации работников в образовании. Эти последствия носят латентный, но вполне реальный характер. Ввиду преобладающей пассивности работников они не выявляются в образовательной статистике и обязательной отчетности, но оказываются очевидными при изучении социологическими методами. В статье ролевые модели работников образования как реакция на повседневные проявления бюропатологий сгруппированы по ключевым параметрам «активность – пассивность» и «содействие – противодействие». Они включают активное содействие («эффективные менеджеры», «избыточные администраторы», «бумажные паразиты»), пассивное содействие («показушники», «неумелые администраторы», «перегоревшие»), пассивное противодействие («эскейписты», «адаптирующиеся») и активное противодействие («задающие вопросы», «разумные хозяева», «нигилисты» и «ушедшие из профессии»). Модели, ориентированные на противодействие бумажному прессингу, заслуживают, по утверждению авторов, социально-организационной поддержки и дальнейшего изучения.

Статья [Бабинцева В. П., Гайдуковой Г. Н., Надуткиной И. Э., Шаповал Ж. А. \(Белгород\) «Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации»](#) посвящена сложности исследования бюрократизации. В ней представлен анализ проблем, возникающих в связи с определением перспектив социологии высшего образования в контексте особенностей современного этапа развития и кризисных процессов в самом социологическом знании. По мнению авторов, даже глубокое «погружение» исследователей в образовательную среду далеко не всегда позволяет адекватно представить и объяснить развивающиеся в ней процессы, что обусловлено не только ограничениями, связанными со спецификой самой науки и установками исследователей, но и с бюрократизацией образовательной реальности, которая минимизирует и в ряде случаев даже исключает возможность ее социологической интерпретации. Авторы выделяют несколько обстоятельств, определяющих возникновение барьеров при социологическом изучении процессов, протекающих в высшей школе. Это корпоративизация современных вузов в ее «экономико-менеджеральном» измерении; специфика отношения к социологической диагностике и вузовской бюрократии, преподавателей и студентов. Попытка обсудить те или иные аспекты самоорганизации вуза нередко изначально воспринимается участниками как нежелательная. По оценке авторов, в таких условиях любое исследование, ориентированное на получение максимально релевантных реальности, а не заранее заданных заказчиком результатов, приобретает своеобразную форму «социологического расследования». При этом речь идет не о формальной замене терминов, а о существенной корректировке подхода, обусловленной особенностями объекта и предмета познания, возможностями субъекта и той ситуацией, в которой осуществляется диагностика.

[Дятлов А. В., Ковалев В. В. \(Ростов-на-Дону\) в работе «Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов»](#), опираясь на неоинституциональную теорию, проблему формализации образования определяют как менеджеризм. По мнению авторов, менеджеристская идеология за два десятилетия использования ее в качестве управленческой модели стала причиной утраты российским высшим образованием социального предназначения, причем в данном случае речь идет о целенаправленном отказе от традиционных целей высшего образования ради формального исполнения менеджеристских норм. Авторами выявлена жесткая регламентация работы профессорско-преподавательского состава, следствием которого может быть имитационное исполнение предписанных правил профессиональной деятельности студентов. В ходе исследования авторы опровергают эффективность государственного менеджеризма. Обнаруживается неприятие респондентами менеджеристских ценностей, негативное воздействие институциональных барьеров на процесс достижения целей высшего образования, признание неоптимального (неэффективного) характера использования бюджетных средств. Возникают имитационные практики, поскольку профессионалы, вынужденно оказавшиеся перед необходимо-

стью приспособляться к менеджеристским инструментам, вырабатывают адаптационные стратегии саморегуляции. В итоге новые управленческие инструменты действуют вхолостую, сами по себе, в отрыве от целевых ориентаций профессиональной деятельности. Возникает парадоксальная ситуация: по формальным признакам наблюдается рост эффективности, а по реальным результатам – резкое снижение уровня профессионализма и ожидаемой социальной полезности образования.

В работе [Шуклиной Е. А., Певной М. В., Минченко Д. В.](#) (Екатеринбург) [«Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области»](#) анализируются особенности волонтерской деятельности образовательных общностей учащихся (школьников, студентов колледжей и вузов), формирующиеся под воздействием образовательной среды. Авторы выявили зависимость характера волонтерских практик учащейся молодежи от организационной среды системы образования на разных ее уровнях. Образовательной общностью с наиболее выраженной добровольческой субъектностью являются студенты вузов. У них выше вовлеченность в волонтерство, однако при этом в вузах нивелируется роль наставников, фрагментирована связь образования и волонтерской активности. Типичные волонтерские практики школьников базируются во многом на ценностях, которые закладываются в рамках информального образования. Школьный опыт волонтерства отличается выраженной эмоциональной доминантой, фрагментарностью, разрозненностью и во многом бессистемностью. Он эффективен во многом благодаря личности наставника-учителя, вовлекающего старшеклассников. Волонтерство студентов колледжей характеризуется явно сниженной мотивацией при доминирующем административно-авторитарном характере организации добровольчества педагогами-организаторами и ограниченной вариативности проектов и направлений волонтерского участия.

Авторы статей, включенных в тему номера, подходят к исследованию с различным инструментарием, но приходят к весьма схожим выводам о разрушительном влиянии на образование формализации (бюрократизации/менеджеризма). Хотелось бы обратить внимание на один из общих результатов практически всех представленных в этой рубрике работ. Формализация носит внешний характер по отношению к профессионалам (учителям, преподавателям и даже администраторам). К ней адаптируются, ее требования имитируют или ей даже противостоят. Она до сих пор не полностью тотальна, возможно, именно поэтому связывается с формированием класса бюрократов (А. М. Осипов), обладающего своими интересами, или с особым феноменом менеджеризма и универсальными менеджерами (Дятлов А. В., Ковалев В. В.). Авторы статей уловили важную особенность процессов формализации управления, возможно, свойственную именно нашей стране на определенных этапах ее развития¹.

Рубрика [«Массовое сознание в условиях геополитического противостояния»](#) особенно актуальна в настоящее время в связи с резко выросшей глобальной конфликтностью, одним из проявлений которой является СВО.

¹ Стоит вспомнить, что идея выделения бюрократии в особый класс использовалась в эпоху перестройки для объяснения явления брежневского застоя и была весьма популярна благодаря книге М. С. Восленского «Номенклатура».

В работе [Ярмак О. В., Бакулина А. В., Бакулина Д. В. \(Севастополь\) «Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса»](#) рассматривается новый социальный феномен сетецентризма и его проявления в условиях современного когнитивного противостояния на примере анализа информационного пространства нового российского региона – Херсонской области. Актуальность тематики обусловлена внедрением новых инструментов сетевой войны в физическую, информационную, когнитивную и социальную сферы жизни посредством функционирования центров информационного воздействия в постконфликтных обществах. Основной особенностью стратегии сетевых войн с использованием сетецентрических механизмов является поражающее воздействие во всех сферах общества, включая его базовые ценностно-культурные основания. При этом используются не силовые механизмы влияния, а широкая совокупность факторов – от цивилизационных и информационных до социальных и когнитивных. Авторы анализируют сетевые конструкции контент-единиц информационного поля Херсонской области, которые формируют военный, кризисный и посткризисный дискурсы. Результаты свидетельствуют о наличии двух центров информационного воздействия, которые используют сетецентрические механизмы работы в когнитивном поле. Исследование также показало, что сегмент социальных медиа, в первую очередь сегмент Telegram, является пространством активного сетецентрического воздействия на массовое сознание конфликтного общества, что создает экспериментальную площадку для апробирования новых инструментов когнитивного противостояния.

Рубрика [«Взаимодействие культур в меняющемся мире»](#) соединяет современность и прошлое. В данном случае это соединение позволяет увидеть особенности российской культурной традиции, которые сами по себе не слишком заметны, в силу обыденности, привычности. Они связаны с восприимчивостью, открытостью к другой культуре, с интересом и уважением к ней.

В статье [Чой Ву Ика \(Сеул\) «Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России с 2016 по 2021 год»](#) представлен анализ восприятия культуры и народа другой страны, а также препятствий на пути развития двусторонних отношений, поиск возможных точек соприкосновения для сотрудничества. Статья основана на результатах исследования 2021 г., при этом особое внимание уделялось различиям в восприятии народов обеих стран и его изменениям с 2016 г. Корейцы все еще видят в России образы прошлого – Советского Союза, коммунистической страны, коммунизма. Россияне же связывают Южную Корею с современными понятиями, такими как развитие промышленности и технологий и корейская культура. Автор отмечает желание представителей обоих народов посетить другую страну, при этом интерес к другой культуре чуть более высок у россиян.

В восприятии корейцев и россиян двусторонних отношений значительных изменений не выявлено. Основным препятствием развитию отношений между Россией и Кореей являются сотрудничество Южной Кореи и США в качестве союзников и конфронтация между Россией и США. Автор приходит к выводу о том, что эффективным способом развития двусторон-

них отношений может стать обмен в сфере экономики, медицины, туризма и культуры на уровне частного сектора и местных органов власти, а не политико-дипломатическое сотрудничество на государственном уровне.

Статья [Барсовой Н. С.](#) (Санкт-Петербург), [Подъячева К. В.](#) (Москва) [«Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости»](#) представляет собой сочетание историко-искусствоведческого и социологического исследований. Авторы внимательно рассматривают историю работы советских хореографов, прежде всего связанных с хореографической школой И. Моисеева в Египте в 1950–1960-х годах, в результате которой изучены, зафиксированы и выведены на профессиональную сцену египетские традиционные танцы, зародившиеся, вероятно, в глубокой древности, в том числе ракс шарки, известный в мире как belly dance. Успешный опыт работы советских хореографов с египетским культурным наследием является, по мнению авторов, эмпирическим подтверждением «культурной открытости» (т. е. восприимчивости и уважительного отношения к другим культурам), которую многие социальные мыслители считают особенностью русской цивилизации. Наконец, рассмотренный в статье пример показывает, что советский опыт институционализации и профессионализации культурной традиции дает возможность сохранить элементы национальной самобытности и даже локального своеобразия в условиях индустриально-урбанистического, а возможно, и постиндустриального общества.

Рубрика [«Социально-психологические проблемы в современном городе»](#) представлена двумя статьями. Работа [Пузановой Ж. В.](#), [Лариной Т. И.](#), [Сычевой О. А.](#) (Москва) [«Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического исследования»](#) носит междисциплинарный характер, выполнена на стыке социологии и психологии. В статье рассматривается проблема молодежного суицида, представлена авторская методика, позволяющая выявлять суицидальные интенции студентов, апробированная на студенческой молодежи в ходе анкетного онлайн-опроса и интервьюирования. Установлено, что прямые вопросы, связанные с временной проекцией – возникновение мыслей в прошлом, настоящем или будущем, – показывают свою эффективность, поскольку позволяют диагностировать присутствие или возможность формирования суицидальных намерений в будущем. Поскольку самоубийство является многофакторным явлением, то необходимо оценивать определенные факторные индикаторы – эмоциональную нестабильность, чувство несостоятельности, максимализм, невозможность конструировать планы на будущее. Авторы отмечают особое значение диагностирования одиночества – поскольку в ходе интервью со студентками, имевшими суицидальные мысли, были выявлены высокие показатели глубокого переживания одиночества.

Феномену одиночества в современном городе посвящена и статья [Панфиловой А. О.](#) (Владивосток) [«Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока»](#). Постоянно растущая роль города как жизненного пространства обуславливает изме-

нения и в образе жизни человека, и в его внутреннем мире. Одиночество, будучи во все времена имманентным спутником бытия, в современных социальных реалиях также имеет специфические черты. Они определяются в числе прочего многообразием и дифференциацией общественной жизни, социальной аномией и индивидуализацией жизненных практик, кризисом института доверия как ценности коллективных взаимодействий, продолжающейся «атомизацией» домохозяйств. Большое значение имеют сдвиги в массовом сознании, обусловившие восприятие свободного выбора одинокого образа жизни как выгодного и ценного. Автор приходит к выводу о низком уровне социального капитала респондентов как одном из значимых факторов одиночества, а также о ресурсном характере города в развитии одиночества как личностного переживания и как практики одинокого образа жизни. В статье отмечается необходимость гуманизировать развитие городского пространства с тем, чтобы обеспечить человеку более спокойное и гармоничное существование и самоощущение в современных условиях.

Традиционная рубрика [«Трибуна молодого ученого»](#) включает статью [Гречаной А. А. \(Москва\) «Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных EVS»](#), которая посвящена анализу представлений о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства в европейских странах на данных международного социологического исследования European Values Study. Целью статьи является сравнение представлений мужчин и женщин о гендерных ролях в России и Европе и выявление влияния факторов, воздействующих на формирование этих представлений. В работе рассматривается взаимосвязь между представлениями респондентов о гендерных ролях и гендерным неравенством с точки зрения полоролевого подхода, выделяется взаимосвязь между этими представлениями и уровнем гендерного неравенства в различных европейских странах, уточняются факторы, влияющие на уровень патриархальности/эгалитарности представлений респондентов о гендерных ролях. Исследование показало, что в большинстве европейских стран уровень гендерного неравенства совпадает с уровнем патриархальности представлений о гендерных ролях; женщины в целом имеют более эгалитарные представления о гендерных ролях, чем мужчины; высшее образование, оплачиваемая работа, высокий уровень квалификации и доходов также повышают вероятность эгалитарных представлений, в то время как высокий уровень религиозности, наличие детей и зарегистрированного брака повышают вероятность наличия у респондента представлений патриархальных.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ) В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2

EDN: UOVTMS

Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий¹

Ссылка для цитирования: Осипов А. М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS

For citation: Osipov A. M. Priorities of studying education in the light of the problem of bureaupatologies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS

Осипов Александр Михайлович¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

osipov.al58@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 401510

Аннотация. Автор доказывает необходимость выдвижения проблемы бюропатологий в состав приоритетов российских исследований образования и образовательной политики. С опорой на анализ зарубежных и отечественных источников, статья обобщает оценки бюропатологий в сфере образования как явлений, обретших в постсоветское время институциональную форму (закрепленных в нормативно-правовой, технологической, культурной, ценностной и организационной структурах российского образования). Автор определил предпосылки бюропатологий в эпоху неолиберальных трансформаций, охвативших и российскую сферу образования: ухудшение социально-экономического положения и массовые трудовые перегрузки большинства персонала, не защищенного от сверхнормативной работы; не сдерживаемая правовыми и общественно-политическими механизмами концентрация полномочий топ-менеджмента и увеличение его явных и латентных привилегий, снижающая эффективность управления и порождающая бюрократические злоупотребления; рост социальной заинтересованности «универсального менеджмента» в укоренении своего всевластия и распространение активного бумажного прессинга как системной управленческой технологии; тенденция ужесточения бюрократического контроля на фоне кризиса образования – роста затрат, снижающихся качества, социальной доступности и общественной отдачи, потерь кадрового потенциала. Определены инструменты бюрократии, используемые ею для достижения и утверждения своего доминантного положения в обра-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10010.

зовании как многоуровневой отрасли с миллионами занятых и колоссальными интеллектуальными и творческими ресурсами: концентрация административных полномочий; имитация своей активности и полезности; опора на формально-правовую базу и уход от научного управления; уход от ответственности и деперсонализация менеджмента из-за приоритета регламентов над реальной эффективностью управления; административное давление на нижестоящие уровни, приводящее большинство персонала в состояние бумажного геноцида. Социология образования выполняет ключевую роль в изучении бюрократологий и их обусловленности, используемых бюрократами социальных инструментов, доказательстве их дисфункциональности, путей их предотвращения в политике и вывода образования из обусловленного бюрократией кризиса. Социология образования выполнит свою роль, если сможет признать проблему бюрократологий приоритетной, ввести ее в проблемное поле новых исследований образования, развить практико-ориентированную концепцию бюрократологий и планомерно устранять порождающие их предпосылки.

Ключевые слова: образование, бюрократия, менеджмент, бюрократологии, научные приоритеты

Введение

В любой научной отрасли важна способность к саморефлексии и коррекции приоритетов, известная по опыту ряда национальных ассоциаций социологии образования (Финляндии, Испании, США, Японии и др.). Они обсуждают регулярно свои приоритеты и ключевые научные проблемы, добились публичного внимания и даже влияют на курс образовательной политики [3; 17, с. 255–297]. Социология образования в России лишена координации и влияния научного сообщества¹, в т. ч. по линии РОС и Российской академии образования². Ее нет в структуре федеральной и региональных систем образования, в программах подготовки социологов и педагогов. Но координация нужна для обозначения концептуальных ориентиров и приоритетных тем, для поддержания дискуссионности – без этого научный процесс заторможен [7].

Коррекция приоритетов социологии образования в России назрела ввиду выявления бюрократологий как системного препятствия развитию образования. Системный характер этого препятствия означает, что бюрократологии обнаруживаются с позиций разных предметных аспектов анализа (философских, экономических, социологических, педагогических и др.), на разных уровнях отрасли (от индивидуального до макросоциального, отраслевого) и длительное время накапливаются, не находя разрешения (путей предотвращения) в образовательной политике государства. Новый приоритет значит, что в концептуальной модели исследования

¹ Последняя Всероссийская конференция по социологии образования проведена Российским обществом социологов осенью 2009 г. в Москве.

² В Центре социологии образования (в составе Института управления образованием Российской академии образования) не было и нет социологов, его труды – вне концепций и приоритетов социологии образования.

образования социолог учитывает бюрократологии как фактор состояния и развития разных его сторон, с последующим анализом и интерпретацией изучаемых ситуаций.

Бюрократологии как объект, концепт и концепция

На базе идей М. Вебера о бюрократии В. Томпсон ввел термин бюрократология для обозначения негативных сторон этого типа организации управления, все более отчетливо наблюдаемых учеными в XX в. и существенно отступающих от присущей Веберу нейтральной коннотации¹ [30, с. 153–177]. Его смысл, слагаемый из понятий бюрократия и патология и сводимый к недобросовестному управлению², вошел в правоведение и психологию, но концепция бюрократологий не развита в отношении их видов, инструментов и последствий. Зарубежные социологи в начале XXI в. обратили внимание на бюрократическую автономию и тиранию [24; 26; 28; 29], на ситуации «организационного мошенничества» [21; 22]. Но концепция бюрократологий применительно к образованию так и не разработана, возможно, ввиду недостаточности их критической массы, неочевидной отдачи образования для общества (игнорирования функций и ответственности образования) и институциональных ловушек – лакун для бюрократологий, довольно высокой активности социальных партнеров. По мнению ученых, бюрократы поместили систему образования в «железную клетку» [25], блокируют ее развитие согласно своим интересам и вопреки динамичным потребностям общества и образования.

В российской социологии термин «бюрократология» введен позже [8]. Десятки авторов, даже не применяя его, критически анализируют бюрократологии и их последствия с позиций философии, социологии, экономики, психологии, управления образованием и наукой³. Вскрыты некоторые аспекты бюрократологий, ставших тупиком образования при растущих

¹ Из веберовских признаков бюрократии (ответственность за все участки работы, координация во имя целей организации, оптимальные безличные правила, иерархичность) не опровергнут реалиями лишь один – иерархичность.

² В эпистемологическом аспекте *бюрократология* (в данном случае применительно к образованию) может быть понята как *отступление от нормы*, трактовка которой, в свою очередь, представляет собой сложную проблему институционального анализа. Это *отступление* приобретает форму общего перерождения отрасли как целого, ухудшает структуру социального института (сегментация и внутриотраслевые конфликты, формирование крупных паразитирующих и аутсорсинговых подразделений, перенос ресурсного обеспечения от непосредственных работников – учителей к управленческим и инфраструктурным и т. п.) и его функционирование (игнорирование ряда институциональных функций, избыточная формализация, приоритет отчетности над образовательными результатами, выгорание и сверхтекучесть персонала, корыстные правонарушения и т. п.).

³ В их числе В. П. Бабинцев, Н. Г. Багдасарьян, О. А. Донских, Н. В. Дулина, А. В. Иванов, Л. Ф. Красинская, М. В. Курбатова, Н. А. Матвеева, П. А. Ореховский, С. В. Полутин, Р. М. Петрунева, Е. П. Попова, В. И. Разумов, М. Б. Сапунов, А. В. Слива, О. Н. Смолин, Е. И. Трубникова, Х. Г. Тхагапсоев, И. В. Фотиева, Е. А. Шуклина, В. В. Щербина, А. В. Щипков и др.

бюджетных ассигнованиях [9]. Эта проблема по своему теоретическому типу является *пороговой* [12, с. 117–118], а в социально-практическом плане – *прорывной*.

Постсоветские трансформации образования, инициируемые федеральными органами управления, лишь прикрытые понятием «реформа», стали «институциональным проектом российской бюрократии» (выражение М. В. Курбатовой). В них отсутствует стратегическая целостность и соответствие провозглашенным социальным приоритетам общества, часто сменяются ориентиры и руководители, а бюджетные затраты оказываются неэффективными при утрате ответственности. Эти черты менеджмента в образовании и других сферах российского общества укладываются в развиваемую рядом современных социологов (Ж. Т. Тощенко и др.) концепцию общества травмы.

Бюрократологии носят пластичный и, говоря медицинским языком, сочетанный характер, содержат публичные и латентные инструменты – от *телефонного права и подковерных игр* до законотворческого или ведомственного нормирования и парламентского лоббирования. Встречаются лояльность к бюрократологиям или латентная заинтересованность в их воспроизводстве, существенно тормозящие научную разработку этой темы.

Мы различаем феномены и понятия *бюрократия, бюрократизация* и бюрократологии. Бюрократия – доминирование чиновничества в обществе, лишённое негативной оценки в веберовской коннотации; бюрократизация – рост влияния бюрократов (менеджеров, достигших автономии от управляемой системы). Первые два понятия носят номинальный характер и недостаточны для объяснения структуры и актуальных состояний бюрократии и социальных детерминантов бюрократизации. Потому целесообразно развитие терминологического аппарата этой проблематики, ориентирующее исследователя на комплекс обстоятельств воспроизводства бюрократии в конкретном социальном контексте. Таким понятием является «бюрократология». Бюрократологии – негативные проявления бюрократии в форме социальных механизмов и последствий. Пример бюрократологий – бюрократическая тирания, при которой бюрократы навязывают всей управляемой ими системе или обществу свою волю, направляют их развитие в своих интересах. Введение этого термина и разработка концепций позволят изучать отдельные аспекты социальных (правовых, организационных, культурных, информационных и др.) патологий, вызванных бюрократией. Научные исследования, в том числе проведенные и опубликованные перечисленными выше российскими авторами, доказали институциональную природу бюрократологий в образовании [2; 8; 9; 13; 14; 18–20].

Бюрократологии в образовании как объект социологии видятся более емким феноменом, базовым в отношении набирающей популярность темы академических девиаций, ограниченной рамками образовательного процесса и не разрешимой на уровне конкретных образовательных организаций или общностей. Более того, эти девиации остаются темой дескриптивных обращений, пусть и в жанре типологического анализа или публицистики, и поддаются объяснению и поискам путей практического противодействия

только при опоре на категорию и концепцию бюрократологий в образовании. В свою очередь, развитие этой концепции не может ограничиться сферой образования (и предметными рамками социологии образования), а должно приблизить социологов к пониманию бюрократологий как социетального феномена общества травмы.

В разработке такой концепции важно удержаться от увлекательных метафор и теоретических иллюзий (подмена концептом якобы объективно наступающего «информационного общества» старых общественно-политических противоречий капиталократии, идея преодоления бюрократии с помощью новых информационных технологий и ресурсов), создающих мнимые новизну и эвристичность. Концепция должна сохранить теоретическую совместимость как с комплексом эмпирических доказательств и индикаторов бюрократологий, так и с другими отраслями социологии и социально-гуманитарного знания. Элементами концепции бюрократологий могут стать:

- определение их сущности, черт, системного характера, индикаторов;
- методология изучения бюрократологий и их свойств в сфере образования;
- оценка их напряженности по всем сегментам, уровням, институциональным функциям и социальным группам в сфере образования;
- социальные интересы и портреты разных категорий менеджеров и бюрократов сферы образования в фазе бюрократической автономии и тирании;
- анализ путей достижения бюрократами автономии и вытекающих из нее привилегий и благ;
- всесторонняя оценка общественных последствий (потерь от) бюрократологий;
- поиск альтернатив бюрократии, социальных движений и перспектив предотвращения бюрократологий.

Бюрократология интересует социолога в эмпирических и теоретических аспектах. Необходимы классификация бюрократологий и накопление соответствующего дескриптивного материала, выявление и различение социальных предпосылок (общественных условий), механизмов и путей их формирования (институционализации), групповых интересов, типологии состояний бюрократической автономии и тирании, стратегий и инструментов (способов в распоряжении бюрократов), последствий (потерь в разных сферах общества).

Важен социально-практический аспект изучения бюрократологий. По словам профессора А. В. Воронцова, «время, когда ученый не отвечал за полезность своей работы, прошло: все меньше шансов быть услышанными у социологов, не берущихся за выработку социальных рекомендаций и их внедрение» [17, с. 10]. Решение этой задачи не должно растянуться,

как бывает в отношении многих вопросов науки, на многие годы и требует консолидации усилий социологов ввиду глобальных трендов и потребности реального усиления научного управления в России. Для этого и нужна коррекция приоритетов, нацеленная на бюрократологии.

Бюрократологии в образовании

Одна из исходных научных задач – реконструкция социального портрета менеджеров «в образовательном интерьере», анализ общих и слоевых интересов, повседневных взаимодействий и путей достижения привилегий, солидарности, ролей особых должностных групп, их социальных стратегий и практик [13; 2]. Менеджеры – не обезличенная масса: среди них есть как искренние труженики и блестящие организаторы, так и циничные творцы своих карьер, привилегий и теневых доходов. Менеджеры, чиновники и бюрократы – не синонимы, последние составляют некоторую влиятельную часть менеджеров. Большинство менеджеров лишены, из-за своей универсальности или пробелов профподготовки, научного понимания миссии образования как концептуальной базы трактовок его ответственности, целей и стратегий, нормотворчества, технологий. Бюрократы – не одиночки, им присущи общие и зачастую теневые социальные интересы (ложный «командный дух», приоритет регламентов над реальными результатами, защита служебной репутации и лояльность к вышестоящим уровням), достижимые при действии соответствующих социальных сетей. Такой портрет покажет, в какой мере и какие именно категории менеджеров заинтересованы в бюрократологиях, являются бюрократами или, напротив, могут стать частью социальной базы – опоры в их предотвращении [20, с. 236–248; 13].

New public management доверяет «универсальным менеджерам» управление любыми сегментами и уровнями образования. Формально-правовые нормы и финансовая экономия возведены в приоритет, игнорируются ценности и взаимодействия образовательного процесса. Универсальные менеджеры, знающие образование из бюрократических документов, не знакомы с теориями образования и счастьем причастности к развитию и возвышению личности и интеллекта детей и молодежи. Эта причастность придает педагогам-практикам терпение на многие годы труда, цельность профессиональных ценностей, которых лишены универсальные менеджеры¹.

Бюрократологии обостряют противоречия в образовании, вводят его в дисфункциональное состояние в целом и по отдельным функциям и структурным элементам [17, гл. 4–5]. Концепция бюрократологий – это и поиск путей их предотвращения – задачи институционального плана, а приоритеты России в новых геополитических трендах придают ей свои оттенки [4, с. 441–443].

¹ Например, министром образования Новгородской области в 2018 г. стал менеджер отдела банкоматов [20, с. 74–75], в 2019 г. – помощница проректора вуза, в 2022 г. – заместитель министра здравоохранения региона, все без стажа работы в школе.

Первые шаги в разработке концепции сделаны: сформулирована гипотеза о системном характере бюрократологий – барьере и тупике в развитии и функционировании образования, в выборе его стратегий; выявлены некоторые предпосылки, инструменты, проявления бюрократологий (информационные, экономические, нормативно-правовые, социальные, культурные), толкающие «огромную, но хрупкую конструкцию системы образования на вязкую и темную обочину, где эта конструкция вязнет не одно десятилетие» [10, с. 66].

К таким взаимосвязанным инструментам, сознательно используемым бюрократами в образовании, относятся по крайней мере шесть следующих. Все они представляют собой антисоциальные технологии – определенные наборы правил и норм, опирающихся на культурно-психологические, политико-организационные, формально-правовые и материально-технические (в том числе финансовые) ресурсы в распоряжении бюрократов в государстве¹.

1. *Концентрация полномочий.* Наблюдаемая реальность системы образования дает основания предположить, что главные из них – контроль над финансовыми потоками и обеспечение лояльности кадров бюрократическим нормам.

В постсоветское время научная и профессиональная общественность оказались отчуждены от системных и кадровых решений, возобладали проектный менеджмент, подчиненный чиновникам. Распределение полномочий оценить трудно², но в нем очевидна перевернутая пирамида: низовые уровни не влияют на вышестоящие. Бюрократы присваивают полномочия по принятым ими же регламентам и даже вопреки своим компетенциям. При концентрации полномочий неизбежны деформации образовательной политики, не выполнены ее приоритеты и принципы [9, с. 27–28], поручения Президента РФ. Ее обратные стороны – пессимизм и пассивность кадров, их высокая текучесть.

Полномочия и закрытость в контроле над бюджетными потоками – главная предпосылка должностных злоупотреблений и коррупции. Инфраструктурные проекты и конкурсы (капитальное строительство, затраты на оборудование, конкурсы между регионами и образовательными организациями, инновации, разноплановые мероприятия и пр.) [4, с. 442] позволяют создать коррупционные схемы и ситуации. Но таких ситуаций никогда не создаст повышение оплаты труда, ожидаемое миллионами работников всех уровней и сегментов (от детсадов и школ до вузов), – фонды оплаты труда не дают масштабных возможностей для откатов, завышения стоимости проектов и поставок, приписок.

¹ Основание гипотетического выделения данных социальных инструментов – публичные факты управленческих практик в образовании, носящие повторяющийся характер.

² Минобрнауки РФ из двух десятков федеральных ведомств на последнем месте по информационной открытости для граждан [15, с. 9].

2. Имитации обширного объема работ, активности и незаменимости.

С 1990-х гг. бюджетные затраты на менеджмент и его численность в образовании возросли кратно (даже без учета аутсорсинга). Топ-менеджмент сам создает новые массивы работ для органов управления всех уровней и всей отрасли (перевод на компетентностную парадигму и вариативность, новые версии ФГОС и отчетов и т. п.). Созданы обширные структуры под выполнение процедурных регламентов и ведение документов, дающих работу массам чиновников и перегрузки педагогическому персоналу¹. Сокращение этих структур и отрядов в интересах рационального управления болезненно, вызывает сопротивление бюрократов.

Часть этого же инструмента – создание в образовании новых практических трудностей², рождающих в цепной реакции хаотический веер долговременных кризисных ситуаций, на решение которых под контролем бюрократов тратятся крупные бюджетные и человеческие ресурсы [9]. Чем больше трудностей, тем обширнее «потребности» в новых подконтрольных им проектах и имитации по их преодолению, тем масштабнее бюджетные ассигнования на проекты... Но имитации не подтверждены результатами отрасли и осуждаются ее профессиональными сообществами, поэтому часто не устраивают политических лидеров России: в 2016–2020 гг. в федеральном министерстве сменились четыре руководителя.

3. Уход от научных основ, опора на личный опыт и нормативную базу.

Трудно представить, чтобы менеджмент в металлургии игнорировал основы химии, а в авиастроении – законы аэродинамики. Но в образовании, где отдача (общественная эффективность) отложена во времени и действуют подчас противоположные социальные заказы, бюрократы манипулируют трактовками его миссии и законов ради сохранения своих должностей и власти над бюджетными ресурсами. Они, как правило, трактуют эту эффективность как пунктуальное следование регламентам, нормативам и инструкциям, проектам. Дефицит научной подготовки – черта бюрократов, готовых следовать любым (и ошибочным) решениям вышестоящих инстанций (как было в случае с мифом об образовании как услуге). Отсюда – тактика бюрократов в отношении науки: давления на ее кадры и тренды через финансовые рычаги, избегание полемики с научным сообществом, борьба за свою позитивную репутацию. В кадровой политике они опираются на конкурсные процедуры даже при дефиците должной подготовки и опыта конкурсантов, вне поддержки профессиональными сообществами [11; 10].

Характерная тактика бюрократов, придающая их проектам наукоподобие, – вброс выгодных им идей в информационное поле и продавливание их без дискуссий и экспериментов в практику всей отрасли или ее сегментов. Такие идеи, поддержанные влиянием некоторых научных

¹ По экспертной оценке, город с 230 тыс. жителей содержит около 600 работников (на 1,0 ставку) ради *избыточной* бумажной работы в сфере образования.

² Так было в случае с бюрократическим внедрением новой типологии вузов, приведшей к их расслоению и затруднениям большинства из них.

организаций или ученых [20, с. 94–110; 9, с. 28–30], не основаны на целостной концепции образования и нормах научного управления, не отвечают приоритетам российского общества и образования, не поддерживаются большинством его профессиональных сообществ. Но они узнаваемы по проектам бюрократической образовательной политики [9], воплощают ее деструктивное начало (маркетизация и болонизация, гонки в глобальных коммерческих топах и наукометрических индексах, рейтинги образовательных организаций для «рынка» и «потребителя», право выбора школы, ЕГЭ, компетентностный и вариативный подходы, поддержка элитных программ, сексуальное просвещение, инклюзивное и гражданское образование и др.), ложно сулят в будущем некую пользу гражданам, образованию, государству и обществу. Обычные неудачи в реализации таких идей позже «забывают» (когда или эмир умрет, или осел сдохнет [11, с. 138]), объясняя ошибками ученых или рисками «новаторских» стратегий.

4. *Безнаказанность, уход от ответственности.*

Три десятилетия – свидетели плачевных итогов управления образованием в России, явных и скрытых злоупотреблений (факты коррупции топ-менеджеров, нормотворческая и кадровая чехарда, неоправданные бюджетные вливания, болонизация, развал профориентации и отбора, проекты вроде «5–100», «мегагрантов» и «Карты российской науки»¹, поддержка программ «двойных дипломов»², бесконечные обновления ФГОС и др.) [18; 19]. Истекшие проекты сменяются новыми, их роднит контроль бюрократов над финансированием [6]. Условия безответственности – приоритет регламентов и отлучение экспертных сообществ от независимой экспертизы и контроля результатов [1]. Ж. Т. Тощенко уместно привел слова популярного юмориста Тарапульки из монолога бюрократа: «Пускай оно гниет, ржавеет, пропадает пропадом, но чтобы было правильно оформлено!» [20, с. 5]. Бюрократы не отвечают за ошибки сотрудника, избранного на должность по организуемому ими конкурсу или аттестованного и рекомендованного ими. С накоплением ошибок менеджеров меняют. «Игроки меняются, но игра остается неизменной» [23, с. 491]³.

5. *Деперсонализация решений, информационная закрытость.*

При деперсонализации и закрытости найти и наказать виновного в управленческих провалах нельзя [15; 20, с. 74]. Бюрократы защищены приоритетом управленческих регламентов, никак не связанных с общественной эффективностью управления. Если и наказывают, то

¹ См.: URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/08/02/na-skandalnuyu-kartu-rossiyskoy-nauki-potratali-450-millionov-rublej.html>; URL: <https://www.rbc.ru/society/10/03/2017/58c1517f9a794730a08af9d2> (дата обращения: 20.02.2023).

² Такие программы облегчали зарубежное трудоустройство выпускников, то есть сознательно толкали РФ к финансовым и интеллектуальным потерям.

³ При неясности истекших проектов вводятся новые с неоднозначными критериями отбора и результатов, но тем самым лишены поддержки многие регионы, вузы и их научные школы: Приоритет-2030 [Электронный ресурс] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 20.02.2023).

обычно снятием с должности или увольнением, только за нарушение регламентов, а не за провалы в эффективности отрасли или организации. Но отраслевой менеджмент встроен еще и в общую дивизиональную структуру госаппарата. Так, действия Минобрнауки по проекту «Образование» (на 2019–2024 гг., стоимостью 784,5 млрд руб.) предписаны методикой, принятой Правительством РФ и не требующей предварительных независимых экспертиз и публикации проектов¹.

6. Одностороннее властное давление на подчиненные уровни отрасли.

Оправдание давлению – декларация об исключении сбоев по вине нижестоящих уровней, якобы заслуживающих контроля средствами отчетности и проверок. Но и состав этой отчетности не отвечает рациональному управлению. Системной управленческой технологией стал бумажный прессинг, вызванный попытками максимальной, избыточной формализации образования: стандартизацией, компетентностным и вариативным подходами. Их приложение к образованию, с опорой на «магию авторитета» ряда академических кланов и безмолвие масс профессионалов, вызвало новый бумажный вал, трудовые и информационные перегрузки и более жесткий бумажный прессинг сверху². Бюрократы приучают нижестоящие уровни к дроблению крупных целей на мелкие проекты, к частому обновлению выполняемых заданий (как в случае с ФГОС и требованиями к оформлению разнообразной документации). А с «приученными» к исполнению уже легче практиковать и расширять этот прессинг.

В общем объеме управленческих информационных потоков рациональный обмен составляет около 1/20: «Школа, разгребая ворох падающих на нее документов, с необходимостью отвечает на 4% нисходящего потока ... в размерах этой диспропорции заложен ответ на вопрос о степени избыточности бумажной работы» – избыточности, осужденной Госсоветом при Президенте РФ³. Минобрнауки РФ и подведомственные учреждения и организации собирают отчеты по перечню из 1684 видов документов, но лишь 11% их касаются образования [14, с. 62–64]. Нижестоящие уровни испытывают перегрузку отчетностью, равноценную бумажному геноциду⁴. Творческие работники не выносят его и уходят, чем продлевается власть бюрократов в отрасли.

¹ Методические указания по разработке национальных проектов (программ) [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/Pxh1N8ADDbq7ZvMMWcafVEd3McQVTRj5.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

² Идея стандартизации подхвачена в 1990-х гг. топ-менеджерами ради высокого рейтинга РФ в межстрановых сравнениях (по ISCED–97), позже внедрена в образовательном процессе с тотальным навязыванием компетентностного и вариативного подходов – питательной почвы бюрократологий [20, с. 94–110].

³ Протокол № ПР-15ГС от 02.01.2016. Объем отчетности затем рос [14, с. 64].

⁴ Термин в переносном смысле отвечает критериям, принятым в правовой практике и Конвенции ООН о геноциде 1948 г. [20, с. 79–93; 27]. Текучесть учителей из-за бумажной работы сравнялась с текучестью из-за зарплаты.

Сложившийся в ХХI в. и преобладающий в управленческой вертикали стиль – машинальный (безусловное исполнение распоряжений сверху), напряженный, близкий к военной обстановке. Эта вертикаль основательно меняет профессиональный стержень работников. Менеджеры сами – агенты и жертвы бумажного прессинга [13]. Директор школы так воспринимает своего начальника: «Глядя на главу муниципального комитета образования, понимаешь, что этот человек как будто попал на фронт. Он и сам не рад повышению, он прекрасный учитель, но машина работает, и вот он уже управленец» [20, с. 251].

Ученые выделили сущностные черты бюрократологий: институционализированное лицемерие (нормативное принятие имитаций, превращенных форм, ложных отчетов за реальные результаты); магию авторитета (принцип «начальник всегда прав»); перевод управления, когда выгодно бюрократам, в режим адхократии («мы посоветовались и решили, что нужно...») с отстранением экспертных сообществ и институтов гражданского общества [2]. К ним добавляются трудовые перегрузки, принимаемые персоналом якобы добровольно ввиду недостаточных для существования при действующих нормах оплаты из госбюджетных источников¹. Известна учительская поговорка «на одну ставку кушать нечего, а на две – некогда», также некогда участвовать в экспертизе, соуправлении, основательном обсуждении результатов развития образования.

Общее проявление бюрократологий – отлучение науки от управления при массе проводимых «научных мероприятий», неспособность бюрократов видеть и устранить тупики и перекосы в образовательных исследованиях. В ответ на эту неспособность в ХХI в. поднялись бесплодные вихри работ по проблемам компетентностного, вариативного и инклюзивного подходов, но преданы забвению общая эффективность образовательной политики, ответственность образования в сфере экономики, социального, культурного и политического развития, соответствующие научные школы [20, с. 98].

Разноплановый, укорененный и болезненный характер бюрократологий в образовании, подтвержденный исследованиями разных аспектов, доказывает их институциональную природу. Они – не печальный удел одной лишь России, но в ней отмечены крупными масштабами бюрократизации, жесткой интеграцией отраслевого менеджмента в общую модель госуправления в постсоветское время, сравнительной слабостью институтов гражданского общества.

Свойства и инструменты бюрократологий следует изучать и публично освещать, но и иметь в виду риск конфликта между научным сообществом и бюрократией: этот конфликт осложняет развитие социологии образования и ее место в системе образования (на примере Великобритании) [3, с. 24].

¹ Перегрузки подчас связаны с некорректными формулировками поручений Президента РФ. Так, средняя зарплата учителей формально доведена до средней в промышленности в ряде регионов за счет перегрузок (у части работников – до 2,5–3 ставок) [14, с. 65], где минимальный оклад (без доплат, зависящих от наполняемости местных бюджетов и устанавливаемых администраторами локально) за 1,0 ставку равен 8410 руб. (меньше прожиточного минимума).

Концепт бюрократологий и структура социологии образования

Описанные выше картины бюрократологий знакомы работникам и исследователям образования. Анализ предпосылок, механизмов и системного характера бюрократологий, изложенный в ряде публикаций, побуждает к обновлению тематических приоритетов социологии и других дисциплин, изучающих образование, к выдвиганию новых и модификации привычных тематик – доступности, качества, мониторингов и глубинных исследований.

Без обновления приоритетов социология образования не решит задач, связанных с ее предметом и функциями образования [7], игнорируемых бюрократами в отрасли. Это обновление не значит пересмотра ее предмета, теоретической структуры и базовых концепций – классических и неклассических.

Концепция институциональных функций образования, трактующая корпус его устойчивых связей с основными сферами общества, служит основанием научного управления образованием, рамкой в познании механизмов и проявлений бюрократологий в отдельных функциях [17, с. 125–160]. Так, анализ программ и проектов образовательной политики при совмещении с институциональными функциями позволяет судить о том, какие именно жизненно важные для общества функции «вычеркнуты» бюрократами из господдержки, отчего растут реальные издержки и геополитические риски для общества¹. Эта политика в России уже построила «школу неравенства» (выражение Д. Л. Константиновского) вопреки интеграционной функции образования и приоритетам Закона об образовании. Наша концепция поможет обосновать шаги к научным основам образовательной политики и предотвращению бюрократологий.

Концепция образования как системы описывает его внутреннюю структуру как сферы общества и упорядочивает его видение как объекта социологии [17, с. 113–124]. На основе такого видения образования возможна оценка подверженности его отдельных элементов конкретным бюрократологиям, последствий и издержек для образования и общества, путей предотвращения бюрократологий в элементах [20, с. 282–292]. В частности, бумажный прессинг и бумажный геноцид [20, с. 79–93] заслуживают изучения в разрезе подсистем и сфер образования, образовательных организаций и общностей, как сделано применительно к школьным администраторам [13]. Новые приоритеты важны в поиске мер поддержки социальной базы и механизмов государственно-общественного управления – главного условия предотвращения бюрократологий.

Центральная идея социологического витализма – образование как процесс и результат становления социального субъекта [17, с. 88] – несовместима с бюрократологиями. Социальная субъектность есть способность человека менять себя, обстоятельства жизни, участвовать в преобразова-

¹ Бюрократы находили в госбюджете сотни млрд рублей на участие дюжины вузов в мировых рейтингах и новые системы аттестации учителей, но не для достойной оплаты рядового персонала без приписок и перегрузок в отрасли, а эта оплата за равный труд и сегодня разнится между регионами РФ в 10 раз, что легитимировано действующим федеральным законом об образовании.

нии общества, что воплощает управленческую функцию социологии: ее содержанием становится анализ и прогноз общественного развития на базе принципов антропо- и культуроцентричности, социального менеджмента, нацеленных на формирование и развитие жизненных сил социальных субъектов [5]. Такой подход выявит деформации в субъект-субъектных отношениях учителя и ученика, менеджера и педагога, риски для воспроизводства образования как системообразующего фактора развития человека и общества, позволит выработать рекомендации для *возвращения социальности* с приоритетом не интересов бюрократов, а разнообразных и растущих потребностей и возможностей субъектов образования.

Представления о проблемном поле социологии образования в классическом и неклассическом аспектах взаимно дополняются, позволяя полнее описать объект и развить ее теоретический и социально-практический потенциал, предотвратить бюрократологии с позиции системного и субъектного подходов.

Бюрократологии имеют сочетанный характер, одновременно коренясь в правовой, общественно-политической, социально-организационной и культурно-психологической сферах. Изучая их, социология должна взаимодействовать с правоведением, экономической теорией и социальной психологией для концептуализации бюрократологий в общем плане и применительно к образованию. В связи с проблемой бюрократологий в нашей социологии образования назрели новые приоритеты. Вот некоторые из них, по разделам ее теоретической структуры.

Общая социология образования. Признание проблемы бюрократологий вызывает пересмотр оценок ряда элементов в структуре образования. Бюрократы, выпадавшие из поля зрения науки [2], заслуживают описания в составе *образовательных общностей* как группа, достигшая автономии благодаря концентрации полномочий, особенно на федеральном уровне госуправления. Эта концентрация сократила права нижестоящих организаций, социальных партнеров и органов управления. К характеристике группы относятся названные выше инструменты бюрократического управления, отразившиеся на социальной жизни в российском образовании. Ее поведение обусловлено ценностным обликом (приоритет процедур и ложного корпоративного духа над эффективностью организации), отсутствием научной подготовки (в части миссии образования), материальными и властными интересами и привилегиями (сохранение статуса и доходов, контроль над экономическими и кадровыми ресурсами, безнаказанность за злоупотребления или неэффективную работу).

Концепция институциональных функций образования – основание для теоретической критики бюрократологий. Эти социально-универсальные функции образования, служащие целостности общества и его воспроизводству, подменяются «проектами», подконтрольными бюрократам. Так, в ущерб функции социальной интеграции и провозглашенным приоритетам образования проекты лишают равной поддержки разные сегменты и организации образования, навязывают в них конкуренцию, поддержку программ для «одаренных» (по сути, для учащихся из эконо-

мических и политических элит), «лучших» школ и вузов в ущерб большинству их, годами испытывающих нехватку ресурсов. Провалы бюрократической политики в обеспечении институциональных функций отмечены также в сферах культуры, экономики, политики.

В составе подсистем образования, одна из которых – управление, предстоит изучать реальный контекст практик управления, их соответствие принципам научного управления и институциональной природе образования в условиях все более жесткой глобальной интеллектуальной конкуренции и образовательного империализма – явлений и концептов, так и не вошедших в дискурсы и документы образовательной политики Российской Федерации.

В технологической структуре образования нужно изучить бюрократологические технологии (бумажный прессинг, властное принуждение¹, «магию авторитета»), укорененные в практике и наложившие отпечаток на эту структуру, вытесняющие диалоговые, партнерские и аналитические технологии.

Теоретические направления социологии образования повторяют основные парадигмальные тренды социологии, воспроизводя и развивая их социально-ценностные и методологические ориентиры [17, с. 34–89]. Тема бюрократологий дает пищу всем теоретическим направлениям социологии, но из них лишь конфликтологическая парадигма сосредоточилась на ней. Социология конфликта, критическая социология образования и критическая педагогика подняли проблемы бюрократологий и дисфункций образования (А. Жиру, Дж. Майер, С. Боулз, Г. Джинтис и др.), стратификации знания и власти в образовательных корпорациях, расслоения (сегментации) общественной системы образования в интересах элит (Л. Алтуссер, П. Бурдьё, Р. Коллинз, Р. Ринне, М. Эплл и др.), образования как ресурса сопротивления трудящихся культурному подавлению со стороны капиталистов (П. Фрейре, П. Макларен, А. Шор, М. Янг и др.). В этих сюжетах российские социологи осваивают концептуальный и научно-методический опыт зарубежных коллег.

Тематические области, посвященные образованию разных уровней и видов, в городе и селе, учительству и всем категориям персонала и обучающихся, социальным аспектам организации, содержания и технологий образовательного процесса, взаимодействию с социальными партнерами, образовательной политике, находят поводы к осмыслению бюрократологий. Они могут внести вклад в реализацию новых приоритетов социологии образования, связанных с тупиковым характером бюрократологий.

Вместо заключения

Обоснование исследовательских приоритетов – средство «мягкого» управления наукой при отсутствии в ней организационного самоуправления, стратегического планирования и координации работ. Обсуждение и выдвигание исследовательских приоритетов российской социологии

¹ См.: Бюрократы угрожают школе. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1656388> (дата обращения: 01.02.2023).

образования должно происходить по мере сдвигов в состоянии общественной системы образования, в данном случае – признания несостоятельности ее формальной ориентации на «глобальные» зарубежные стандарты и образовательные пространства. С этой ориентацией возвращение России к своим цивилизационным приоритетам и историческим преимуществам в сфере образования невозможно, также неизбежны и дальнейшие потери потенциала и социальной эффективности ее системы образования и общественного интеллекта.

Бюрократологии в XXI в. обрели устойчивый, институциональный характер, стали сквозным и болезненным фактором социальной жизни в российском образовании и препятствием его успешного развития и функционирования, барьером научного управления в образовании. Они потому и должны войти в приоритеты исследований с позиции российской социологии образования. Без их учета, без разработки концепции и всесторонней оценки проявлений и влияния бюрократологий невозможна эффективная стратегия образования и образовательной политики в России. Новые приоритеты помогут переводу социологии образования из тренда запоздалой и фрагментарной критики неэффективного управления отраслью к стратегии институционального совершенствования образования.

Бюрократологии на деле не ограничены образованием и заслуживают глубокого изучения также и в других областях развития современного российского общества, где государство берет на себя публичную ответственность за распределение бюджетных средств и результаты их использования, где распространено и укоренено влияние бюрократов в фазе автономии, и, соответственно, в других научных отраслях, помимо социологии образования.

Библиографический список

1. Алферов Ж. И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Родина, 2019. 256 с.
2. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России — terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. № 4. С. 895–908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
3. Глобальная социология образования / Под ред. В. А. Ивановой, А. М. Осипова. Великий Новгород: НовГУ, 2012. 346 с.
4. Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения. СПб.: СПбГУП, 2022. 628 с.
5. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул: АРНЦ РАО, 2000. 158 с.
6. Гусева А. И., Калашник В. М., Каминский В. И., Киреев С. В. Исследовательское лидерство программы «Приоритет-2030»: факторы успеха // Высшее образование в России. 2022. № 1. С. 42–58. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-42-58.

7. Иванова В. А., Матвеева Н. А., Осипов А. М., Рысакова П. И. Современная социология образования в России: некоторые итоги и проблемы развития // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 95–103. EDN: QYQKYT.

8. Осипов А. М. Бюрократология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. № 4. С. 953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.

9. Осипов А. М. К теории образовательной политики // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 23–33. DOI: 10.31857/S013216250018498-0.

10. Осипов А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. № 5. С. 62–73. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72.

11. Осипов А. М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 137–148. DOI: 10.7868/S0132162517080153.

12. Осипов А. М., Иванова В. А. Институциональные функции – «пороговая» проблема социологии образования // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 117–124. EDN: VSLWYN.

13. Осипов А. М., Матвеев В. В., Матвеева Н. А., Воронцова Т. И. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 72–80. DOI: 10.31857/S013216250014215-9.

14. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджијева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0.

15. Открытость государства в России – 2020. Экспертный доклад Счетной палаты РФ. М., 2021. 68 с. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

16. Смолин О. Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (в двух статьях) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 91–101; № 7. С. 30–37.

17. Социология образования: учеб. и практ. для вузов / Под ред. А. М. Осипова. 2-е изд., пер. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2023. 424 с.

18. Трубникова Е. И. «Красные ленты» в сфере науки и образования // Высшее образование в России. 2018. № 1. С. 108–121. EDN: YMVETU.

19. Трубникова Е. И. Обмен дарами в академической среде: хищнические практики, ложные сигналы и конфликт интересов в программах превосходства // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 1. С. 25–48. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48.

20. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А. М. Осипова. РНФ; Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт», 2020. 351 с.

21. Binns Ch. A. *Bureaupathology and Organizational Fraud Prevention*. CUNY Academic Works, 2014. 327 p.
22. Binns Ch. A. *Fraud Hotlines: Design, Performance, and Assessment*. Ebook. Boca Raton, 2017. 320 p. DOI: 10.1201/9781315370361.
23. Caiden G. E. What Really is Public Maladministration? // *Public Administration Review*. 1991. Vol. 51 (6). P. 486–493.
24. Fitzgerald T. *The Tyranny of Bureaucracy // Educational Management Administration & Leadership*. 2009. Vol. 37 (1). P. 51–65.
25. Humes W. The “Iron Cage” of Educational Bureaucracy // *British Journal of Educational Studies*. 2022. Vol. 70 (2). P. 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
26. Ntanos S. A., Boulouta K. Bureaucracy-bureaupathology in education and administration // *International Journal of Strategic Change Management*. 2012. Vol. 4 (2). P. 129–138. DOI: 10.1504/IJSCM.2012.046502.
27. Osipov A. M. “Paper Wave”, “Paper Pressing” and “Paper Genocide” as Applicable to the Russian Education System // *Balkan Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 12 (2). P. 119–124. DOI: 10.5840/bjp202012214.
28. Parlar H., Cansoy R. The effect of bureaucratic school structure on teacher leadership culture: A mixed study // *Educational Sciences: Theory and Practice*. 2017. Vol. 17 (6). P. 2175–2201. DOI: 10.12738/estp.2017.6.0150.
29. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility // *Curriculum Inquiry*. 2018. Vol. 48 (5). P. 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.
30. Thompson V. A. *Modern Organization*. Vol. 12. University of Alabama Press, 1977. 222 p.

Получено редакцией: 22.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипов Александр Михайлович, доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2

Priorities of Studying Education in the Light of the Problem of Bureaupathologies¹

Alexander M. Osipov

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

E-mail: osipov.al58@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9314-389x

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (grant no. 23-28-10010) on the basis of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen.

For citation: Osipov A. M. Priorities of studying education in the light of the problem of bureaupathologies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS

Abstract. The author proves the need to put forward the problem of bureaupathology as a priority for Russian research in education and educational policy. Based on the analysis of foreign and domestic sources, the article summarises the assessments of bureaupathologies in the field of education as phenomena that acquired an institutional form in the post-Soviet period (fixed in the legal, technological, cultural, value and organisational structures of Russian education). The author identified the prerequisites for bureaupathology in the era of neoliberal transformations that also engulfed the Russian education sector: the deterioration of the socio-economic situation and massive labour overloads for the majority of personnel who are not protected from overtime work; unrestrained by legal and socio-political mechanisms the concentration of powers of top management and the increase in its explicit and latent privileges, that reduces the effectiveness of management and generates bureaucratic abuses; the growth of the social interest of “universal management” in rooting its omnipotence and the spread of active paper pressure as a system management technology; the trend of tightening bureaucratic control against the backdrop of the education crisis – rising costs, declining quality, social accessibility and public return, loss of human resources. The article names the tools of bureaucracy used to achieve and assert its dominant position in education as a multi-level industry with millions of employees and colossal intellectual and creative resources: concentration of administrative powers; imitation of their activity and usefulness; reliance on the formal legal base and the departure of scientific management; avoidance of responsibility and depersonalisation of management due to the priority of regulations over real management efficiency; administrative pressure on lower levels, leading most of the staff into a state of paper genocide. The sociology of education plays a key role in studying bureaupathologies and their conditioning, the social instruments used by bureaucrats, proving their dysfunctionality, ways to prevent them in politics and leading education out of the crisis caused by bureaucracy. The sociology of education will be able to fulfil its role if the problem of bureaupathology is recognised as a priority, if it is introduced into the problem field of new education research, if a practice-oriented concept of bureaupathology is developed, and if the prerequisites that give rise to it are systematically eliminated.

Keywords: education, bureaucracy, management, bureaupathology, scientific priorities

References

1. Alferov J. I. Authority with no Brains. Alienation of Science from State. Moscow, Rodina, 2019: 256 (in Russ.).
2. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. Russian university bureaucracy — terra incognita for sociology of education. *RUDN Journal of Sociology*, 2022: 4: 895–908 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
3. Global Sociology of Education. Ed. by V. A. Ivanova, A. M. Osipov. Veliky Novgorod, NovSU, 2012: 346 (in Russ.).
4. Global Conflict and the Contours of a New World Order. XX International Likhachev scientific conference. St. Petersburg, SPbGUP, 2022: 628 (in Russ.).
5. Grigoriev S. I., Matveeva N. A. Neklassicheskaya sociologiya obrazovaniya nachala XXI veka [Non-classical sociology of education at the beginning of the XXI century]. Barnaul, ARRC RAO, 2000: 158 (in Russ.).
6. Guseva A. I., Kalashnik V. M., Kaminskij V. I., Kireev S. V. Research Leadership of the Program “Priority-2030”: Factors of Success. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022: 1: 42–58 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-42-58.
7. Ivanova V. A., Matveeva N. A., Osipov A. M., Rysakova P. I. Sovremennaya sociologiya obrazovaniya v Rossii: nekotorye itogi i problemy razvitiya [Contemporary Sociology of Education in Russia: Some Results and Development Problems]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 5: 95–103 (in Russ.).
8. Osipov A. M. Bureaupathology and Paper Pressing in Russian Education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2020: 4: 953–966 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
9. Osipov A. M. Towards a Theory of Educational Policy. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 23–33 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250018498-0.
10. Osipov A. M. Market Mechanisms – a Social Deadlock of Russian Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2019: 5: 62–73 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72.
11. Osipov A. M. The “Trojan Horses” of Neoliberalism in Education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 8: 137–148 (in Russ.).

12. Osipov A. M., Ivanova V. A. Institucionalnye funktsii – «porogovaya» problema sociologii obrazovaniya [Institutional Functions – a “Threshold” Problem of Sociology of Education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 1: 117–124 (in Russ.).
13. Osipov A. M., Matveev V. V., Matveeva N. A., Voronczova T. I. School Administrators: Agents and Victims of Paper Pressing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 9: 72–80 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014215-9.
14. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadzhieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian Education in Paper Abyss: an Attempt of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 60–70 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008798-0.
15. Openness of the state in Russia – 2020. Expert report of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Moscow, 2021: 68 (in Russ.).
16. Smolin O. N. Vysshee obrazovanie: borba za kachestvo ili pokushenie na chelovecheskiy potencial? [Higher Education: Struggle for Quality or an Attempt on the Human Potential]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 6: 91–101; 7: 30–37 (in Russ.).
17. Sociology of Education: textbook and practicum for universities. Ed. by A. M. Osipov. 2nd ed. Moscow, URAIT, 2020: 424 (in Russ.).
18. Trubnikova E. I. Red Tapes in the Sphere of Science and Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2018: 1: 108–121 (in Russ.).
19. Trubnikova E. I. The Exchange of Gifts in the Academic Sphere: Predatory Practices, False Signals, and Conflict of Interests in Excellence Programs. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2022: 1: 25–48 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-25-48.
20. School in Paper Abyss: the Crisis of Information Flows in Education: a collective monograph. Ed. by A. M. Osipov. RSF, Veliky Novgorod, Vikont, 2020: 351 (in Russ.).
21. Binns Ch. A. Bureaupathology and Organizational Fraud Prevention. CUNY Academic Works, 2014: 327.
22. Binns Ch. A. Fraud Hotlines: Design, Performance, and Assessment. Ebook. Boca Raton, 2017: 320. DOI: 10.1201/9781315370361.
23. Caiden G. E. What Really is Public Maladministration? *Public Administration Review*, 1991: 51 (6): 486–493.
24. Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*, 2009: 37 (1): 51–65. DOI: 10.1177/1741143208098164.
25. Humes W. The “Iron Cage” of Educational Bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*, 2022: 70 (2): 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
26. Ntanos A. S., Boulouta K. Bureaucracy-bureaupathology in education and administration. *International Journal of Strategic Change Management*, 2012: 4 (2): 129–138. DOI: 10.1504/IJSCM.2012.046502.
27. Osipov A. M. “Paper Wave”, “Paper Pressing” and “Paper Genocide” as Applicable to the Russian Education System. *Balkan Journal of Philosophy*, 2020: 12 (2): 119–124. DOI: 10.5840/bjp202012214.
28. Parlar H., Cansoy R. The Effect of Bureaucratic School Structure on Teacher Leadership Culture: A Mixed Study. *Educational Sciences: Theory and Practice*, 2017: 17 (6): 2175–2201. DOI: 10.12738/estp.2017.6.0150.
29. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry*, 2018: 48 (5): 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.
30. Thompson V. A. Modern Organization. Vol. 12. University of Alabama Press, 1977: 222.

The article was submitted on May 22, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Osipov, Doctor of Sociological Sciences, Research Fellow at A. I. Herten Russian State Pedagogical University (RSPU)

ТЕМА НОМЕРА

ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ) В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.5

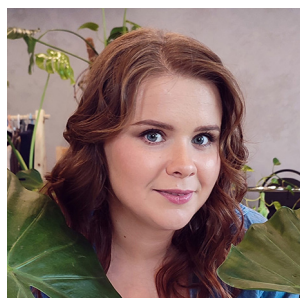
EDN: NYRWSN

Ролевые модели работников образования в контексте системных бюрократических патологий¹

Ссылка для цитирования: Кукушкина А. Г., Осипова А. А. Ролевые модели работников образования в контексте системных бюрократических патологий // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 34–49. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.5; EDN: NYRWSN

For citation: Kukushkina A. G., Osipova A. A. Role models of educators in the context of systemic bureaucratic pathologies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. 34–49. P. . DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.5; EDN: NYRWSN

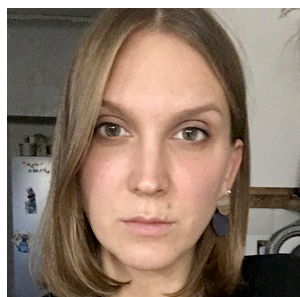

AuthorID РИНЦ: 848409

Кукушкина Анна Геннадьевна¹

¹ Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

anna_kukushkina@yahoo.com

AuthorID РИНЦ: 785465

Осипова Анастасия Александровна¹

¹ Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

osk0@yandex.ru

Аннотация. Системные бюрократические патологии стали барьером в развитии, функционировании и управляемости российского образования в усложняющихся социальных и геополитических условиях, а также новым объектом социологических исследований. Однако в распоряжении ученых пока недостаточно данных о социальных последствиях бюрократических патологий в человеческом измерении: деформации ценностей и отношений, самочувствию на рабочих местах, противоречиях социальной и профессиональной адаптации работников в образовании. Эти последствия носят латентный, но реальный характер. Ввиду преобладающей пассивности персонала они не выявляются в образовательной статистике

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда, грант № 23-28-10010 на базе РГПУ им. А. И. Герцена.

и обязательной отчетности, но оказываются очевидными при социологическом изучении. Статья раскрывает типичные ролевые модели работников в контексте бюрократологий и их масштабы в профессиональной среде. В основе статьи лежат исследования 2018–2023 гг. (гранты РФ 18-18-00047, 23-28-10010) с применением анкетного опроса по межрегиональной выборке (Санкт-Петербург, Новгородская обл., Алтайский край), глубинных интервью, контент-анализа документов в образовательных организациях разного типа, хронометража нагрузок работников.

Ролевые модели работников образования как реакция на повседневные проявления бюрократологий удалось сгруппировать по ключевым параметрам «активность – пассивность» и «содействие – противодействие». Они включают активное содействие («эффективные менеджеры», «избыточные администраторы», «бумажные паразиты»), пассивное содействие («показушники», «неумелые администраторы», «перегоревшие»), пассивное противодействие («эскейписты», «адаптирующиеся») и активное противодействие («задающие вопросы», «разумные хозяйева», «нигилисты» и «ушедшие из профессии»). Модели, ориентированные на противодействие бумажному прессингу, составляют социальный ресурс вывода образования из кризиса, но не свойственны большинству персонала, а потому заслуживают социально-организационной поддержки и дальнейшего изучения, в том числе в рамках научных мероприятий национального проекта «Образование».

Статья продолжает раскрытие с разных сторон темы бюрократологий, служит оценке социальной эффективности управления образованием и перспектив преодоления бюрократологий.

Ключевые слова: образование, работники образования, бюрократия, бумажный прессинг, бюрократологии, ролевые модели

В российской социологии концепт *бюрократология* неоднократно освещен применительно к образованию [14, с. 59–78; 8; 9; 11; 12, с. 172–175], что избавляет нас от необходимости описания методологии проведенных исследований и их результатов в части предпосылок, инструментов и проявлений бюрократологий, толкающих «огромную, но хрупкую конструкцию системы образования на вязкую и темную обочину, где эта конструкция вязнет не одно десятилетие» [10, с. 66]. Бюрократологии носят системный характер, насаждают во всей отрасли «превращенные» абсурдные формы [13] и трудовые перегрузки, искажают приоритеты (цели и смыслы) деятельности, деформируют профессионально-ценностную среду миллионов работников, а иногда и обучающихся. Однако названные категории относятся к кругу институциональных, легитимированных практик и структур, изучение которых необходимо для оценки макросоциальных факторов бюрократологий. Но возникает и вопрос о человеческом измерении бюрократологий – типичных социальных формах реагирования людей и групп, трудовых коллективов на повседневные бюрократологии в своей отрасли, вытекающих из этого оценок социального потенциала и перспектив преодоления бюрократологий. Ответы на него могут быть релевантны пониманию сходных проблем и в других сферах, где проявляются бюрократологии.

В языке социологии форма поведения человека в относительно устойчивых социальных условиях среды отображена концептом *социальная роль*, открывающим возможности понимания и учета личностной обусловленности и индивидуального многообразия такого поведения, а также межпредметные области его изучения на стыке с психологией. Социологический аспект данного концепта подразумевает важную для нас сторону проблемы реагирования на бюрократические патологии, состоящую в порождении *социальных общностей* на основании таких ролей (например, внутри отдельного локального трудового коллектива и в масштабе отраслевого персонала), а также особых *социальных отношений* между ними и их представителями. Последнее важно в оценке объективных трендов в состоянии образования как жизненно важной для общества отрасли, ответственность за которую государство берет на себя.

При бесконечном разнообразии социальных ролей, обусловленном личностной индивидуальностью, возникает необходимость и возможность обоснованной группировки и типологизации таких ролей, вводящая обобщающее понятие *ролевая модель*. Применительно к проблеме бюрократических патологий, такие модели – это стержневые компоненты социально-профессионального облика работника, определяющие не только климат в системе образования, но и его способность отвечать на вызовы времени. Ниже мы сосредоточим внимание на моделях, отображающих типичное (преобладающее, устойчивое) деятельностное и личностно значимое (мотивированное, соответствующее кругу потребностей) реагирование работников на повседневные проявления бюрократических патологий, основное из которых – бумажный прессинг [5, с. 38–45; 8].

В научной литературе есть описания социально-профессиональных позиций работников образования и их ролей [напр.: 3; 2, с. 24–27; 1], они сосредоточены на нормативных взаимодействиях учителя с учащимися, рисуя узнаваемые образы (развлекатель, укротитель львов, диктатор, проситель) [4; 7]. Они не касаются отдельных видов деятельности и отношений в образовании, в которых существуют «непростые» и обычно не выставляемые напоказ роли, например, во взаимодействиях между работниками в плане административной вертикали, с разными категориями родителей или микрогруппами учащихся (на основе трэкинга или стриминга) [12, с. 196–199], а также бумажной работы, ставшей бичом в учреждениях формального образования – общего, профессионального и дополнительного.

Рольевые модели работников образования. Комплексное в методическом плане исследование [14], проведенное с участием авторов статьи, позволило впервые выделить типичные рольевые модели работников по их преобладающей социально-профессиональной реакции на бумажный прессинг на основе двух ключевых параметров («активность – пассивность» и «содействие – противодействие») и сгруппировать эти модели в четыре категории: активное и пассивное содействия, активное и пассивное проти-

водействия¹. Излагаемая ниже группировка моделей (рис. 1) проиллюстрирована выборочными, наиболее яркими фрагментами интервью с работниками образования.

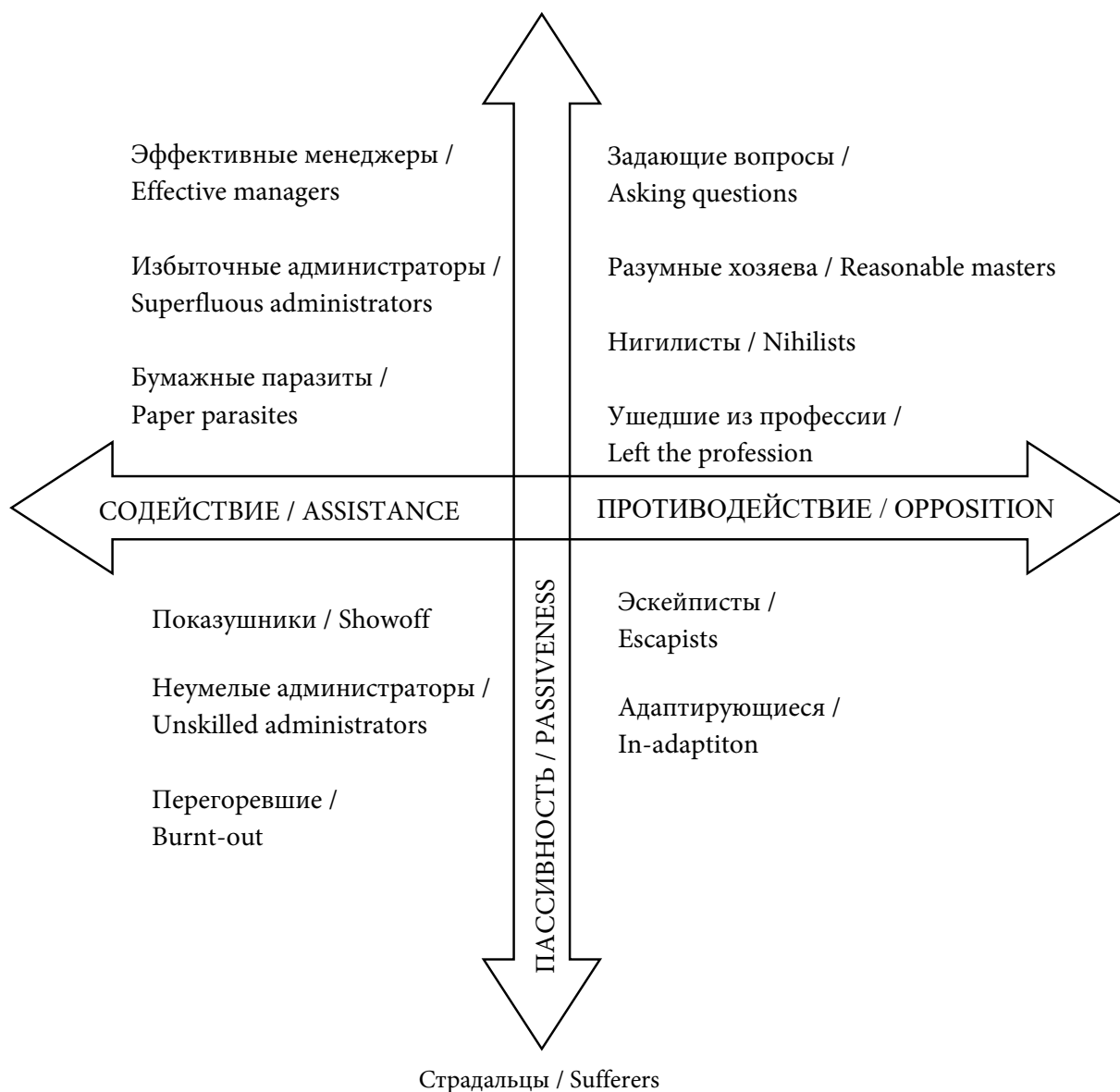

Рис. 1. Рольевые модели работников под бумажным прессингом²

Figure 1. Role models of workers under paper pressure

¹ Более полное описание методики исследования приведено в коллективной монографии «Школа в бумажной пучине» [14, с. 214–222, 273] как итоговой публикации по гранту РФФ № 18-18-00047. В данном случае представлены результаты статистической обработки базы данных межрегионального анкетного опроса персонала образовательных организаций и органов управления образованием (n=2486, выборка репрезентативная по типам поселений и организаций, возрастно-половой и должностной структуре персонала в региональных системах образования) и экспертных глубинных интервью (n=24).

² Наименования разных ролей приняты авторами из зафиксированной в глубинных интервью совокупности распространенных в профессиональной среде работников образования ярлыков и сленговых обозначений, соответствующих описываемым моделям поведения.

Активное содействие

В основе этой ролевой модели лежит норма «начальник всегда прав», ее придерживаются «эффективные менеджеры», демонстрирующие лояльность вышестоящим специалистам и руководителям. Чаще они заняты формальными и внешними преобразованиями – сменой формулировок, разработкой новых инструкций, программ и проектов. Активное содействие бумажному прессингу помогает им создать видимость бурного развития образования. Так описывает суть данной модели директор гимназии (мужчина, 46 лет):

Когда министр приходит в образование из торговли, а его замы – с завода или из банка – это страшно. Когда он заявляет, что как отец знает образование изнутри – за его решения страшно. Возникает ощущение, что люди, приходящие на высокие посты, воспринимают их не как сложную работу, а как счастливый поворот судьбы, дающий право приказывать, не неся ответственности¹.

В роли активного содействия выступают «избыточные администраторы» с их преданностью вышестоящему менеджменту под страхом сокращения. Завуч сельской школы (женщина, 52 года) жалуется на перегрузки:

К нашему районному комитету прикреплены лишь две школы. Что ему делать, чтобы показать кипучую работу? Устраивать бесконечный мониторинг и анализ. А иначе его могут сократить.

Важную группу «содействующих» составляют сотрудники, занятые проверкой документации, – инспекторы портала «Дневник.ру», отделов аккредитации и др. Не улучшая работу образования, они становятся «бумажными паразитами» и доставляют лишние хлопоты учителям и администрации учебных заведений.

Пассивное содействие. Ролевая модель характерна для сотрудников административного аппарата, занятых обращением документов, информированием нижестоящих уровней, сбором данных. Ее «безобидный» вариант – «неумелые администраторы». Из-за неумения работать они дают новые запросы и поручения нижестоящим органам, организациям и работникам. Ее распространенность связана и с текучестью кадров. Специалист муниципального комитета образования (женщина, 49 лет) вспоминает:

Теряются документы. Одной учительнице не удавалось получить награду более года, потому что менялось руководство и собранные документы для награждения пропадали.

В свою очередь, директор школы (мужчина, 54 года) рассказывает о работе коллег:

Многим из них до сих пор секретари распечатывают входящую документацию, чтобы дальше расписать соответствующим заместителям. Что это? Неумение пользоваться электронной почтой?

¹ Здесь и далее сохранены пунктуация и стиль изложения респондентов.

Заместитель директора школы по воспитательной работе (женщина, 38 лет) подтверждает остроту проблемы при «неумелых администраторах»: *Директор все указания пишет на бумажных вариантах документов. Я говорю секретарю – не носите мне эти стопки, я уже на компьютере со всем этим ознакомилась... Не помогает.*

Модель пассивного содействия характерна для людей «старой закалки», принимающих бумажный вал как вызов своему профессионализму. Их ответственность подкреплена знанием документов. Сотрудник комитета образования (женщина, 56 лет) делится опытом:

Работы и документов действительно много. В день приходит по 50 и более писем, которые требуют ответа или перенаправления. Приходится выстраивать систему, таблицы, по которым можно отслеживать выполнение задач.

Ее коллега (женщина, 48 лет) соглашается:

Вот, к нам приходит письмо о конференции в Европе. Конечно, вряд ли кто-то из директоров школ туда поедет... но, если мы не передадим это письмо, а потом окажется, что кто-то упустил возможность – будем виноваты. Работаю уже, что называется, с прошлого века. Объемы документов растут, и вижу постоянное дублирование. Одна и та же информация запрашивается разными организациями «сверху» порой с разницей в несколько месяцев...

Ответственный администратор исправно трудится, чтобы подотчетные ему уровни своими отчетами не «ударили лицом в грязь» перед начальством, даже признавая неэффективность такого управления. Директор школы (мужчина, 49 лет) рисует образ ответственного администратора:

Глядя на нашего главу муниципального комитета, понимаешь, что этот человек как будто попал на фронт. Он сам не рад повышению, но машина работает, и вот он уже управленец. Так хорошие учителя становятся администраторами разного качества... Отказ, порой, может стоить работы, а в определенном возрасте это – сильный аргумент.

В группе пассивного содействия присутствуют «показушники», отдающие приоритет красивому отчету, а не реальному положению дел. Главное для них – внешняя картинка, дипломы и сертификаты.

Распространенной моделью пассивного содействия можно считать «перегоревших». Они разочарованы в профессии и системе образования, видят, что «образцовый» отчет ценнее реального дела, отдают больше сил документам, чем образовательным задачам.

Пассивное противодействие

Промежуточными типажми между пассивным содействием и пассивным противодействием выступают «страдальцы». Они негативно относятся к бумажной работе, но руководствуются преданностью профессии или страхом потерять работу, ответственностью за разные стороны жизни учеников. Учительница (женщина, 47 лет) сетует:

Мы теперь за все в ответе. Ученика моего класса во дворе задела машина. Но на комиссию с ним иду я, а не его родители. Мне – отчитаться о проведенных мероприятиях по профилактике нарушений ПДД, показать план воспитательной работы. Почему это не спросят с родителей?

Классный руководитель пятого класса (женщина, 44 года) добавляет: *Нас обязали клеить в дневники маршрут безопасной дороги домой. Его еще нужно продумать и составить. Кажется, учитель теперь – самый ответственный человек в жизни ребенка.*

Особенностью бумажного прессинга, ведущей к надломленности и выгоранию подчиненных, является его агрессивный стиль¹.

Пассивное противодействие – массовая рольевая модель, которая порождает не открытое сопротивление, но «липу» в ответ на нерелевантные запросы сверху². Ее приверженцы кулуарно высказывают недовольство и принимают ситуативные меры противодействия, решая проблему в узких рамках своих ресурсов и обязанностей. «Эскейписты» игнорируют бумажную работу даже в ущерб своему заработку (лишение премий, стимулирующих надбавок) и лояльности начальства. Преподаватель вуза (мужчина, 61 год) так комментирует свой опыт заполнения документов для «эффективного контракта» – одного из одиозных продуктов бюрократического нормотворчества:

Когда я понял, сколько нужно подтверждений и приложений оформить, передумал писать эти бумаги. К тому же, когда за написание монографии и статьи получаешь одинаковые баллы, а за выпуск учебника – ничего, то пропадает желание заполнять отчеты.

Учитель физики (женщина, 56 лет) высказывается:

Постоянно на педсовете говорят, что у меня одной что-то не заполнено: то документы на стимулирующую, то какой-то отчет. А я понимаю, если начну вкладываться в эти отчеты, то из меня получится сухой работник политбюро. Детям такой учитель опасен.

Учитель истории (мужчина, 58 лет) рассказывает о бюрократических нововведениях в работе с неуспевающими:

Ставить плохую оценку – себе дороже. Есть неуспевающий – будь добр сдай документы о работе с ним: план мероприятий, диагностику... Мы эту работу и так проводим... Но пока все это перенесешь на бумагу – потерял еще один час или больше.

Существуют и «лукавые» вариации эскейпизма. Вот как описывает учительница (женщина, 42 года) в мегаполисе поведение некоторых коллег:

¹ Бюрократы угрожают... URL: <https://portal.novsu.ru/file/1656388> (дата обращения: 02.07.2022).

² Пример – признание директора школы о требуемой районным комитетом образования справке об обязательном обучении школьников новациям пенсионного законодательства [8, с. 68].

В школе есть люди, которые просто любят жаловаться. Они даже не пытаются разобраться, что, зачем и как делать, а просто закатывают глаза на все, оправдываясь своей бумажной нагрузкой: это, конечно, удобно. Прикинулся очень занятым – и все отстали и даже сочувственно потрепали по плечу...

«Адаптирующиеся» лавируют в информационных потоках, пытаются сохранить хорошее расположение руководства и сократить объем ненужных документов. Как рассказывает учитель информатики (мужчина, 38 лет):

Школьные информатики должны вести журнал учета работ на компьютерах (по истории браузеров). Кому он нужен? Конечно, никто его не ведет, уже три года его не проверяют.

«Адаптирующиеся» практикуют кооперацию (написание одной образовательной программы на группу коллег), часто пользуются доступными шаблонами документов из сети Интернет. Педагог-организатор (женщина, 44 года), по совместительству учитель начальной школы, испытывает на себе гнет бумажного прессинга:

Чувствую односторонний поток этой информации: если по внутришкольному отчету я получаю обратную связь, то по всем остальным документам – нет... Сверху спускают такой большой объем обязательных мероприятий воспитательной работы, что страдает и их качество, и запал на вдумчивую работу с детьми.

Учитель физкультуры (женщина, 47 лет), ранее заместитель директора спортшколы, признается:

Отчеты всегда красивее реальности. Потому что ... там наверху никому не интересна реальность, никто не готов работать с проблемами... Вот и показываешь такую картинку, чтобы от тебя отстали.

Учитель русского языка и литературы (женщина, 41 год) поддерживает коллегу:

Часть требований отчетов сваливается на нас «задним числом», с ними остается только «импровизировать».

В ответ на прессинг работники сдают некачественную информацию. Практикуется «теория четырех гвоздей», описанная завучем школы (женщина, 38 лет):

При получении запроса сразу откладываю его (вешаю на первый гвоздь) и занимаюсь своими делами. При новом напоминании «перевешиваю» поручение на второй гвоздь и вновь оставляю. Так продолжаю до четвертого гвоздя. Некоторые поручения отменяются, если кто-то сверху поменял за это время свои планы.

Эта комическая теория подтверждает нерелевантность бюрократических информационных потоков: отчеты теряют актуальность, хотя и сдаются начальству.

Активное противодействие

Ролевые модели этого сегмента наиболее интересны в плане выхода из-под бумажного прессинга. Они встречаются как внутри школы, так и на уровне муниципального и регионального управления. «Разумные хозяева», занимая промежуточную позицию между коллективом и органом управления, сдерживают бумажный прессинг, выстраивая локальную сеть документооборота; меняют отношение к отчетности, нацеливая рядовых сотрудников на качество образования.

«Разумные хозяева» оберегают свои коллективы и решают практические вопросы без дополнительной огласки и конфликтов. Директор школы (мужчина, 49 лет) признался:

Зачем мне тратить время своих заместителей на сбор информации, которая неизвестно кому и зачем понадобилась? Я задаю в комитете вопрос «А куда это пойдет, для чего?», и мне не могут ответить. Конечно, есть важные поручения и запросы, мы их выполняем оперативно, но таких немного.

Директор гимназии (мужчина, 46 лет) отмечает:

Иногда я не выступаю на собраниях директоров и напрямую обращаюсь к председателю комитета: а можно я не буду писать этот отчет? Аргументирую законными основаниями. И мне идут навстречу, потому что по закону я прав. Нехватку одного несданного отчета комитет может перетерпеть.

Деятельность «разумного хозяина» замечают его подчиненные. Учительница физкультуры (женщина, 47 лет) подтверждает:

Объем бумажной работы зависит от администраторов. Один завуч закидывает всеми подряд конкурсами, другой – фильтрует и пересылает отдельные задания с инструкциями.

Иногда они все же идут на повышение количества документов. Так поступил директор школы (мужчина, 49 лет):

В школе мы каждый день составляем приказ на учеников, отсутствующих в этот день на занятиях. Требуем с родителей заявления. Это огромная скучная работа, но это гарантия безопасности наших учителей.

Черты «разумного хозяина» присущи многим администраторам школ. Более 80% считают, что работников не стоит ругать и наказывать за оплошности в бумажной работе, если речь идет о бесполезных бумагах.

«Нигилисты» – немногочисленная группа, которая существует как погрешность (исключение из правил системы). Они могут выйти из корпоративного чата, не участвовать в работе проектных групп и отказаться от других видов бумажной работы, а также части планерок, заседаний, мероприятий. Однако они не меняют систему, создавая лишь временные трудности вышестоящим администраторам.

Наименее удобна для бюрократической системы ролевая модель «задающих вопросы». Ее приверженец критически осмысливает поручения «сверху», его главный инструмент – вопрос «зачем?».

Стремление докопаться до смысла исходящего сверху запроса создает таким работникам репутацию «сложных», но «разумных» управленцев. Они, составляя меньшинство работников образования, есть в каждом обследованном регионе как харизматичные (часто неформальные) лидеры в профессиональном сообществе.

В такой ролевой модели выступают директора школ, которые могут позволить себе задавать вопросы, поскольку опираются на знание правил и доверие коллективов. Директор школы (мужчина, 49 лет) из мегаполиса делится историей:

Однажды решил выяснить, кому нужен очередной отчет. Оказалось, что цифры нужны некой даме в смежном ведомстве, которую могли бы спросить об этих цифрах. И скорее всего не спросили. А мне, как и десяткам других директоров, каждому на сбор информации потребовалось бы несколько часов.

«Задающие вопросы» выясняют: как можно сделать иначе? Это влечет действия, о примере которых рассказывает директор школы (мужчина, 49 лет):

Вместо того чтобы приезжать в комитет и проходить целый день множество кабинетов, получая комментарии и замечания от специалистов, направил каждому из них нужную часть отчета по электронной почте с просьбой указать замечания. Это вызвало негодование по причине моей «наглости». А через несколько лет такой порядок приняли повсеместно. Спустили сверху как норму.

«Задающие вопросы» пытаются оптимизировать систему на доступном им уровне, но отсутствие поддержки гасит их стремления под грузом ежедневных задач, как у директора школы (женщина, 52 года):

Я уже давно предлагаю главе комитета составить перечень документов, которые должны иметься в печатном виде, чтобы остальное иметь только в электронном... Это сэкономило бы нам и силы, и бумажные ресурсы. Но никому это не нужно.

Многие работники негативно настроены к сетевым чатам, заставляющим их «постоянно быть на связи». По словам «разумного хозяина», директора школы (мужчина, 49 лет):

Мы овотсапливаемся. Когда чат в мессенджере создан вышестоящим органом, то уведомления так просто не выключишь. Не увидел документ – и вот ты уже провинился. На связи приходится быть в любое время, в том числе поздно вечером, дома, в выходные... Это выматывает. Но начальнику ведь не скажешь: «Отстань, я не на работе!», ему может стать обидно.

«Задающие вопросы» и «разумные хозяева» не являются бунтарями, поддерживают благожелательные связи в профессиональном сообществе и пользуются авторитетом. Они – интеллектуалы с широким кругозором, отдающие себе отчет в том, что от сохранения ими своих должностей зависит стабильность и развитие их трудовых коллективов. Они добиваются внутренней оптимизации информационных потоков, хотя бы и в рам-

ках ошибочной в целом стратегии образовательной политики. Однако они часто не имеют подготовки в теории управления и социологии образования, на которых строится научно-практическая стратегия совершенствования информационных потоков [14, с. 282–292], но отмечены стойким личностным неприятием бюрократического бумажного прессинга.

Радикальным способом сопротивления бумажному прессингу является уход из сферы образования. Основной причиной ухода оказывается «бумажный вал». Большинство педагогов считает, что бумажная работа не оставляет времени на качественное взаимодействие с детьми (более 80%) и творчество в работе (70%). Усугубляется социальная апатия [2; 6], педагог уходит. При этом рушится карьера уходящего и ухудшается бюрократологический ландшафт образования.

Реалии жизни бывают разнообразнее представленных выше ролевых моделей. Работник может уйти с должности, но не из профессии. Так, заместитель директора школы или руководитель методического объединения могут уйти из администрирования, но остаться на учительской должности, выбирая роль приспособленца или страдальца. Учитель физкультуры (женщина, 47 лет) признается:

Из спортшколы, где больше шести лет проработала заместителем директора, я уволилась преимущественно из-за бесконечных неправдоподобных отчетов.

Ее поддерживает коллега (женщина, 44 года):

Проработав заместителем директора по воспитательной работе два года, я поняла, что документы убивают мою живую работу. Хотелось уйти совсем. Но согласилась остаться как педагог дополнительного образования и педагог-организатор. В итоге моя работа осталась прежней, а документы теперь заполняет моя начальница.

Таковы основные ролевые модели работников образования в ситуации бумажного прессинга. Их целесообразно учитывать в научно-методическом обеспечении современных исследований образования, которые углубляют понимание бюрократологий и могут обогатить программы подготовки педагогов и постдипломного образования.

Структура бюрократологического ландшафта в образовании

Важен вопрос о распространенности основных ролевых моделей.

Модель активного содействия бумажному прессингу – самая малочисленная (6% в межрегиональной репрезентативной выборке работников образования). Но она свойственна половине администраторов учреждений и большинству специалистов муниципальных органов управления. Большинство приверженных ей считает, что российская система образования развивается в верном направлении (хотя во всем массиве такое мнение разделяют лишь 2% респондентов), что в обозримом будущем ее ждут

улучшения (во всем массиве – 13%). Но лишь половина тех, кто в целом оправдывает бумажный прессинг, убеждена, что собираемая отчетность улучшает управление образованием (во всем массиве – 18%). Они же втрое чаще удовлетворены организацией бумажной работы в образовании (во всем массиве – 10%) и ее оплатой (во всем массиве – 6%). Большинство их не считает, что отчетность мешает практической деятельности, творчеству или работе с обучающимися (во всем массиве не замечают таких затруднений, вызываемых бумажным прессингом, лишь 7%). По мнению этой категории, за небрежность в составлении документов работника следует наказывать, не ограничиваясь предупреждениями.

Менее четверти (21%) работников составляют приверженцы пассивного содействия. Они лояльны в оценках менеджмента и государственной образовательной политики, но в оценке острых проблем образования сливаются с большинством, выделяя среди этих проблем на первое место недостаточное финансирование и тяготы информационных потоков. При пассивном содействии размыты оценки целесообразности наказаний работников за огрехи в отчетности.

На противоположной стороне сетки координат – модели сопротивления (73%). Приверженцы пассивного сопротивления в разных коллективах составляют почти 63%. Они единодушны в неприятии бумажного прессинга, уверены в негативных перспективах и неправильности пути, по которому движется российское образование, не верят в то, что отчетность помогает управлению образованием, но чаще уклоняются от однозначных оценок. В органах управления образованием такая модель свойственна половине сотрудников. Данная ролевая модель делает заметной крайне опасную ценностную деформацию: каждый второй ее носитель убежден, что отчетность важнее, чем практические результаты. Отсутствие стратегии и инструментов против бумажного прессинга, а порой и мысли о том, что «от меня как винтика, может что-то зависеть».

Модель активного сопротивления бумажному прессингу свойственна десятой части всех работников и обозначена критикой трендов образовательной политики, негодного планирования бумажной работы. Ее приверженцы считают, что за ошибки в бесполезной бумажной работе сотрудников не стоит наказывать.

К выводам

Миллионы работников образования не могут самостоятельно преодолеть бюрократологии, освободиться от бумажного прессинга, влиять на инновации в образовании, чем подтверждают слова М. Вебера об учителях как полупрофессионалах. Адаптируясь к авторитарному бюрократическому управлению, они осваивают новые профессиональные стратегии и ролевые модели. Это освоение неизбежно, так как бумажный прессинг настигает каждого работника образования практически везде: в организации своей учебной и внеучебной работы с учащимися и ведении отчетности, во взаимодействиях

с коллегами и руководителями, в планировании своей профессиональной карьеры и трудовых доходов, в сохранении или размывании профессионально-культурных ценностей, в школьном классе и приемной директора или декана, вузовской кафедре и кабинете районного комитета образования.

Системный характер бюрократологий в современном российском образовании, приведший к ролевому расслоению работников, годами вуалируется бюрократами. Но он уже превратил всю отрасль, включая ее разные уровни и сегменты, в «черную дыру», в которой текучесть кадров из-за бумажного прессинга практически сравнялась с объемами впервые вступающих в профессиональную жизнь молодых специалистов. Многие из них, еще со студенческой скамьи и опыта своей первой школьной практики, осваивают в благородной по своей сути профессии роли эскейпистов или пассивных жертв бумажного прессинга. Это – наиболее зримый экономический результат бюрократического управления образованием, при котором система подготовки педагогов для огромной страны обречена лишь ненадолго статистически (в состоянии кадрового потенциала образования) компенсировать выгорание, потерю творческого начала и преданности профессии и, в конечном счете, ежегодный уход десятков тысяч работников из нее.

Одной из главных опасностей бумажного прессинга, ставшего в XXI веке системной технологией управления российским образованием, стало реальное расслоение работников. Являются ли эти ролевые модели устойчивыми, распространяются ли они на все виды профессиональной работы и внешкольной деятельности, патологическими (ведут к пролонгации и усугублению бюрократологий) – еще предстоит выяснить. Их многообразие сводится к основным четырем категориям по признакам поддержки или сопротивления бумажному прессингу, активности или пассивности его.

Оправдание бумажного прессинга и активное содействие ему свойственно меньшинству работников образования, которое, со статистической точки зрения, можно назвать ничтожным. Однако и противостояние такому прессингу нередко уподоблено «борьбе с системой» и ее руководителями, осуждается как бесперспективное или вредное занятие. Кроме того, статистическое большинство, относящееся к противникам такого прессинга, лишено реальных организационных ресурсов для противодействия бюрократологиям, а также концептуального видения бюрократологического кризиса в отрасли. Такая лишенность видения картины кризиса, в определенном смысле социальная «слепота» является следствием слабой подготовки их в проблематике социологии образования и механизмов образовательной политики – части сложного комплекса социально-экономических, информационных, общественно-политических и профессионально-воспроизводственных предпосылок бюрократологий в современном российском образовании.

Перспектива выхода из бюрократологического кризиса образования связана, по нашему мнению, с достижением основной массой работников понимания системных механизмов управления, с ориентацией образовательной политики на государственно-общественное управление отраслью и принципиальный отказ от все еще популярного среди политических лидеров универсального менеджмента, с опорой на критически мыслящих

педагогов и администраторов. До тех пор даже массовые роли, выражающие сопротивление любым бюрократологиям в образовании, обречены на непостоянное противостояние бюрократии.

Предотвращение бюрократологий в российском образовании возможно при наличии политической воли к глубинным изменениям в образовательной политике, ориентированным на институциональные функции образования, на основе развития профессиональной самоорганизации работников отрасли.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111.

2. Быкова Е. Ю. Социальная апатия российских учителей: к проблеме определения условий и причин возникновения // Философия образования. 2016. № 5 (68). С. 92–105. DOI: 10.15372/PHE20160509.

3. Дьяконов Б. П., Игошев Б. М. Новые профессиональные роли педагога в современной информационно-образовательной среде // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 59–69. EDN: SGMHVP.

4. Ильин Е. П. Психология для педагогов. СПб.: Питер, 2012. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%B8%D0%BB%D1%8C_1.pdf (дата обращения: 02.07.2022).

5. Информация в управлении образованием: теоретические проблемы / Под ред. А. М. Осипова. 2-е изд. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 215 с. EDN: IMCSCJ.

6. Клячко Т. Л., Токарева Г. С. Заработная плата учителей: ожидания и достигнутые результаты // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 199–216. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-199-216.

7. Кустова О. Л. Социально-ролевой анализ деятельности учителя // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 246–250. EDN: KZSADN.

8. Осипов А. М. Бюрократология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.

9. Осипов А. М., Матвеева Н. А., Бояджијева П. А., Воронцов Я. А. Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 60–70. DOI: 10.31857/S013216250008798-0.

10. Осипов А. М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. № 5. С. 62–73. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72.

11. Осипов А. М., Матвеев В. В., Матвеева Н. А., Воронцов Я. А. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 72–80. DOI: 10.31857/S013216250014215-9.

12. Социология образования: учеб. и практ. для вузов / Под ред. А. М. Осипова. 2-е изд., пер. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2023. 424 с. EDN: VZMRDY.

13. Тхагапсоев Х. Г., Сапунов М. Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87–97.

14. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании: колл. моногр. / Под ред. А. М. Осипова. Великий Новгород: Виконт, 2020. 351 с. EDN: MSNLLC.

Получено редакцией: 22.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кукушкина Анна Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Осипова Анастасия Александровна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.5

Role Models of Educators in the Context of Systemic Bureaupathologies¹

Anna G. Kukushkina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russia

E-mail: anna_kukushkina@yahoo.com

ORCID: 0000-0003-2535-6487

Anastasia A. Osipova

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

E-mail: osk0@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-4485-2957

For citation: Kukushkina A. G., Osipova A. A. Role models of educators in the context of systemic bureaupathologies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 34–49. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.5; EDN: NYRWSN

Abstract. Systemic bureaupathologies have become a barrier in the development, functioning and manageability of Russian education in the increasingly complex social and geopolitical conditions, as well as a new object of sociological research. However, there is not yet enough data at the disposal of scientists on the social consequences of bureaupathologies in the human dimension: deformation of values and attitudes, well-being in the workplace, contradictions in the social and professional adaptation of workers in education. These consequences are latent, but real. Due to the prevailing passivity of the staff, they are not revealed in educational statistics and mandatory reporting, but are obvious in sociological studies. The article reveals the typical role models of employees in the context of bureaupathology and their scale in the professional environment. The article is based on the research conducted in 2018–2023 (Russian Science Foundation grants 18-18-00047, 23-28-10010) using a questionnaire survey on an interregional sample (St. Petersburg, Novgorod region, Altai Territory), in-depth interviews, content analysis of documents in educational institutions of various types, workers load timing.

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation, grant No. 23-28-10010, based at the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University.

The role models of educators as a reaction to the daily manifestations of bureaucratologies were grouped according to the key parameters “activity – passivity” and “assistance – opposition”. They include active facilitation (“effective managers”, “over-administrators”, “paper parasites”), passive facilitation (“show-offs”, “failed administrators”, “burnt out”), passive resistance (“escapists”, “adapters”), and active opposition (“questioners”, “reasonable masters”, “nihilists” and “leaving the profession”). Models focused on counteracting paper pressure constitute a social resource for bringing education out of the crisis, but are not characteristic of the majority of staff, and therefore deserve social and organisational support and further study, including within the framework of scientific events of the national project “Education”. The article continues the disclosure of the topic of bureaucratology from different angles, serves to assess the social effectiveness of education management and the prospects for overcoming bureaucratology.

Keywords: education, educators, bureaucracy, paper pressure, bureaucratology, role models

References

1. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentev E. A. Working time and the role strains among the university personnel. *Voprosy obrazovaniya*, 2017: 1: 88–111 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111.
2. Bykova E. Yu. Social apathy among Russian teachers: to the problem of determining the conditions and causes of origination. *Filosofiya obrazovaniya*, 2016: 5 (68): 92–105 (in Russ.). DOI: 10.15372/PHE20160509.
3. Dyakonov B. P., Igoshev B. M. New roles of an educator in contemporary E-educational environment. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2014: 5: 59–69 (in Russ.).
4. Ilyin E. P. Psixologiya dlya pedagogov [Psychology for educators]. St. Petersburg, Piter, 2012. Accessed 02.07.2022. URL: http://www.a124.ru/wp-content/uploads/2014/11/%D0%B8%D0%BB%D1%8C_1.pdf (in Russ.).
5. Informaciya v upravlenii obrazovaniem: teoreticheskie problemy [Information in educational governance: theoretical problems]. Ed. by P. A. Boyadjieva, A. M. Osipov. 2nd ed. St. Petersburg, RSPU A. I. Herzen, 2019: 215 (in Russ.).
6. Klyachko T. L., Tokareva G. S. Teachers’ salary: expectations and results achieved. *Voprosy obrazovaniya*, 2017: 4: 199–216 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-199-216.
7. Kustova O. L. Social the analysis of activity of the teacher. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Socialno-gumanitarnye nauki*. 2006: 17 (72): 246–250 (in Russ.).
8. Osipov A. M. Bureaucratology and paper pressing in the Russian education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2020: 20 (4): 953–966 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
9. Osipov A. M., Matveeva N. A., Boyadjieva P. A., Vorontsov Ya. A. Russian education in the paper abyss. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 60–70 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008798-0.
10. Osipov A. M. Market mechanisms as a social deadlock in the Russian education. *Vysshee obrasovanie v Rossii*, 2019: 5: 62–73 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-5-63-72.
11. Osipov A. M., Matveev V. V., Matveeva N. A., Vorontsov Ya. A. School administrators: agents and victims of paper pressing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 9: 72–80 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014215-9.
12. Sociology of education: textbook for universities. Ed. by A. M. Osipov (ed.). 2nd ed. Moscow, YURAIT, 2022: 424 (in Russ.).
13. Tkhangapsoev K. G., Sapunov M. B. Russian educational reality and its converted forms. *Vysshee obrasovanie v Rossii*, 2016: 6: 87–97 (in Russ.).
14. School in the paper abyss: crisis of information flows in education. Ed. by A. M. Osipov. Veliky Novgorod, Vikont, 2020: 351 (in Russ.).

The article was submitted on May 22, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna G. Kukushkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University

Anastasia A. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

ТЕМА НОМЕРА

ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ) В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4

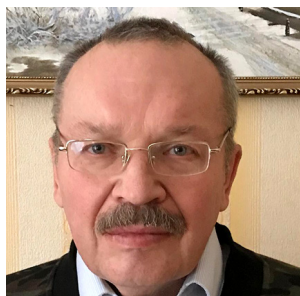
EDN: YHIWGQ

Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации¹

Ссылка для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Надуткина И. Э., Шаповал Ж. А. Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval Zh. A. Research or investigation: perspectives of the sociology of higher education in the conditions of bureaucratisation and commercialisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

AuthorID РИНЦ: 265785

Бабинцев Валентин Павлович¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

babintsev@bsu.edu.ru

AuthorID РИНЦ: 391964

Гайдукова Галина Николаевна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

g_gaidukova@bsu.edu.ru

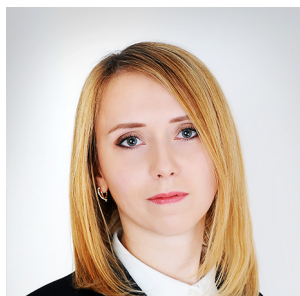

AuthorID РИНЦ: 807461

Надуткина Ирина Эдуардовна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

nadutkina@bsu.edu.ru

AuthorID РИНЦ: 614842

Шаповал Жанна Александровна¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

shapoval@bsu.edu.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150.

Аннотация. В данной статье представлен анализ проблем, возникающих в связи с определением перспектив социологии высшего образования в контексте особенностей современного этапа развития и кризисных процессов в самом социологическом знании. По мнению авторов, даже глубокое «погружение» исследователей в образовательную среду далеко не всегда позволяет адекватно представить и объяснить развивающиеся в ней процессы, что обусловлено не только ограничениями, связанными со спецификой самой науки и установками исследователей, но и с бюрократизацией образовательной реальности, которая минимизирует и в ряде случаев даже исключает возможность ее социологической интерпретации. Эмпирическую базу работы составили: 1) исследования, проведенные авторами или при их участии в вузах Белгородской области и других регионов России с 2005 по 2023 год, в том числе организованные Центром социальных технологий БелГУ; 2) вторичный анализ исследований, реализованных аспирантами, докторантами и соискателями при подготовке их работ в диссертационном совете по социологическим наукам в Белгородском государственном национальном исследовательском университете; 3) экспертный опрос специалистов в сфере социологии образования, проведенный авторами в феврале 2023 г. (N=38). На основе анализа теоретических и эмпирических источников авторы выделяют несколько обстоятельств, определяющих возникновение барьеров при изучении процессов в высшей школе социологами. Это корпоративизация современных вузов в ее «экономико-менеджеральном» измерении; специфика отношения к социологической диагностике как вузовской бюрократии, так и других участников образовательного процесса – преподавателей и студентов. Во многих случаях их позиция не комплементарна попыткам прояснить те или иные аспекты самоорганизации вуза. Сама возможность их обсуждения нередко изначально воспринимается участниками как нежелательная. По оценке авторов, в таких условиях любое исследование, ориентированное на получение максимально релевантных реальности, а не заданных заказчиком заранее результатов, приобретает своеобразную форму «социологического расследования». При этом речь идет не о формальной замене терминов, а о существенной корректировке подхода, обусловленной особенностями объекта и предмета познания, возможностями субъекта и той ситуацией, в которой осуществляется диагностика.

Ключевые слова: социология образования, социология высшей школы, высшее образование, бюрократическая корпорация, вузовская бюрократия, социологическое исследование

Введение

Одним из следствий нестабильности и рискогенности развития современного социума является нарастание во всех его сферах комплекса проблем, образующих предметные поля, весьма привлекательные для социологического исследования. Парадоксально, но кризисные процессы в обществе, вызывающие негативные последствия для значительной части населения, означают «праздник» для социологов. Разумеется, если последние не утратили интерес и вольны выбирать объект и предмет научных изысканий, соответствующий их приоритетам и уровню действительной компетентности, позволяющей со знанием дела формулировать вопросы и давать на них адекватные ответы.

Поскольку же многие из российских социологов (вероятно, большинство) связаны с системой высшего образования, не понаслышке знают ситуацию, сложившуюся в ее рамках, представляя обстановку в других сферах только на основе отдельных исследований, публикаций или же изучения документации, они вполне резонно обращаются к изучению высшей школы. Эта профессионально честная позиция еще не гарантирует высокого качества научной продукции, но, на наш взгляд, минимизирует возможности появления симулятивных по своей сути концепций, представляющих собой своего рода «интеллектуальные экзоскелеты», умозрительные конструкции, в которых эмпирические данные «привязаны» к некоторому набору априорных постулатов. Большинство из них имеют не научный, а идеологический характер, изначально не предполагающий дискуссию. Тенденция к оперированию подобными конструкциями все чаще проявляется в социологических публикациях и на статусных форумах. Она была отмечена Н. Е. Покровским на основе анализа материалов XIX Международного социологического конгресса, состоявшегося в 2018 г. в Торонто [17, с. 9]. Соглашаясь с ним, А. Резаев и Н. Трегубова заключают: «В подобного рода мероприятиях становится все меньше исследовательской составляющей, все больше – риторики социальных изменений в русле вполне определенной идеологии; и даже слово “социология” исчезает из названий сессий. Вопрос, насколько серьезны данные изменения и не приведут ли они к перерождению социологии, автор оставляет открытым. Мы солидаризируемся с оценкой, которую дает современной социологии Н. Е. Покровский, и полагаем, что перерождение уже имеет место» [18, с. 14].

Отмеченная особенность служит авторам одним из оснований для заключения о кризисе социологии.

Данная статья не предполагает анализа содержания этого кризиса. Отметим лишь, что он фиксируется разными авторами как на Западе, так и в России; в частности, мы рассматриваем как косвенное признание такого кризиса рассуждения О. Н. Яницкого о вызовах, на которые пока не ответило социально-гуманитарное знание [24].

Признание кризисного состояния социологической науки позволяет сформулировать основную гипотезу данной работы. Она сводится к нескольким предположениям:

– фиксируемый исследователями кризис социологической науки проявляется и в отношении социологии высшего образования;

– поскольку кризис в значительной мере обусловлен подменой научных оснований идеологическими конструктами, в социологии высшего образования его влияние смягчается тем фактом, что работающие в рамках данного направления специалисты «интегрированы» в объект и во многом поэтому лишены иллюзий, на почве которых формируются идеологизированные модели;

– даже глубокое «погружение» в образовательную среду далеко не всегда позволяет адекватно представить и объяснить развивающиеся в ней процессы, что обусловлено не только ограничениями, связанными

со спецификой самой науки и установками исследователей, но и с бюрократизацией социальной (образовательной) реальности, которая минимизирует, а в ряде случаев даже исключает возможность ее социологической интерпретации.

Таким образом, целью статьи является анализ проблем, возникающих в связи с определением перспектив социологии высшего образования в контексте особенностей современного этапа его развития и кризисных процессов в самом социологическом знании. Мы ни в коей мере не претендуем на непогрешимость и рассматриваем свои заключения как повод для дискуссии.

Методика исследования

Сформулированные положения являются результатом обобщения и анализа ряда исследований. В их числе:

– исследования, проведенные авторами в вузах Белгородской области и других регионов России в 2005–2023 гг. в рамках работы созданного в 2005 г. в Белгородском государственном (позднее – национальном исследовательском) университете Центра социальных технологий, в задачи которого входил анализ проблем развития вуза. Центр, просуществовавший десять лет, реализовал несколько исследовательских проектов, в том числе: «Социологический мониторинг системы качества образования», «Анализ взаимодействия между структурными подразделениями», «Формирование имиджа университета», «Оценка эффективности работы института кураторства БелГУ». Важно, что одной из причин прекращения его функционирования стал вывод об ограниченности перспектив использования неангажированного социологического знания в сложившейся корпоративной среде вуза, явившийся следствием рефлексии применяемых практик. В качестве достоинства этого источника следует отметить системный характер получения, обработки и интерпретации информации, регулярный анализ не только ее содержания, но и технологии сбора, осуществляемый, как правило, при участии администрации университета и научного сообщества. Однако недостаток в данном случае проявлялся в том, что исследования в большинстве случаев были ограничены пределами одного вуза;

– вторичный анализ исследований, реализованных аспирантами, докторантами и соискателями при подготовке и защите их работ в диссертационном совете по социологическим наукам [21; 15; 13; 14]. Характеризуя этот источник, отметим, что значительная часть исследований в стране в рамках социологии высшего образования осуществляется именно при подготовке диссертационных работ. Это обстоятельство не может не сказываться на полученных результатах, поскольку соискатели нередко бывают чувствительны к соображениям околонучной конъюнктуры и предпочитают обходить некоторые «острые» проблемы. Но достоинством данного источника является то, что составляющие его материалы отличаются сравнительно широкой географией, представляя разные регионы страны.

Информация, полученная путем сравнительного анализа источников, относящихся к обеим указанным группам исследований, неоднократно обсуждалась на научных форумах и была представлена в публикациях [1–3; 25].

Для достижения цели настоящей работы важны не столько полученные нами конкретные результаты, сколько обстоятельства их получения и последующего дискурса.

В 2023 г. мы предприняли попытку верификации основных выводов, полученных в ходе многолетних исследований, обратившись к своим коллегам-социологам с предложением ответить на вопросы небольшой экспертной анкеты. Речь шла о получении экспертных оценок по кругу проблем, связанных с проведением социологических исследований в вузах. Выбор экспертов представлял собой непростую задачу. Важно было услышать мнение работающих специалистов, имеющих публикации, относящиеся к предмету обсуждения и изданные в последние 3–5 лет, представляющих при этом разные регионы России. Решение проблемы было найдено следующим образом. В качестве экспертов выступили социологи, которые за последние пять лет выступали оппонентами по диссертациям на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в диссертационном совете по социологии в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, и некоторые члены совета. Квалификация этих специалистов не подлежит сомнению, они отвечают жестким формальным требованиям в отношении научной продуктивности. География их распределения охватывает 14 субъектов РФ.

На предложенные нами вопросы ответили 38 специалистов; среди них 33 проводили исследования в вузах в последние пять лет, остальные участвовали в обсуждении результатов таких проектов. Безусловно, полученные данные не являются репрезентативными в отношении всего социологического сообщества, но они и не рассматриваются в качестве таковых. На данном этапе нам было важно выявить наличие или отсутствие проблем, требующих решения, и попытаться объяснить их причины.

Обсуждение результатов

Теоретический анализ в сопоставлении с материалами, полученными в ходе эмпирических исследований, позволяет выделить по меньшей мере три обстоятельства, определяющих возникновение барьеров при изучении процессов в высшей школе социологами.

Первое (но не самое существенное) мы связываем с тем, что современные вузы постепенно превращаются в специфические корпорации. Безусловно, эта тенденция проявлялась и в прошлом. Университеты с длительной историей всегда тяготели к корпоративности, понимаемой как автономность. Она определялась спецификой применяемых в их пространстве практик и принципов социальной организации. Приоритет интеллектуальной деятельности без (или при минимальном акценте) установки на утили-

тарное использование ее результатов выделял их среди преимущественно прагматически ориентированных социальных институтов¹, а основанием для распределения внутренних статусов был принцип меритократии.

Однако процесс корпоративного развития вузов в настоящее время имеет лишь формальное совпадение с традициями, хотя их руководство и коллективы нередко апеллируют к последним. Современное учреждение высшей школы добровольно или вынужденно выстраивает свою внутреннюю и внешнюю деятельность с ориентацией на корпорации, сформировавшиеся в социально-экономической сфере. Эта метаморфоза находит, в частности, отражение в многозначности применения понятия «корпорация» в отношении университетов.

Как подчеркивает О. Н. Запорожец, «фоновые» практики описания делают акцент на контексте университетской корпорации – ее историчности, вписанности в определенный тип социального порядка, организации общества. В этом случае университетская корпорация, как правило, отождествляется либо с особым типом социальной организации, свойственной сословному обществу, либо с (пост)индустриальной структурой (составляющей экономики знаний), специализирующейся на производстве особых «продуктов» и «услуг» [5, с. 6].

Второй («постиндустриальный») подход становится все более преобладающим, отражая реальные изменения в самоорганизации и статусе вузов, которые, определяя корпоративный характер их развития, фактически направлены не на обеспечение реализации их основной функции – трансляции знаний и моделей поведения новым поколениям, но на усложнение организационных процедур, приобретающих самостоятельную ценность. В рамках этих изменений приобретают вес новые основания корпоративизации вуза, которые в той или иной мере оказывают влияние на возможности социологического исследования процессов его функционирования:

– приоритет аккумуляции и воспроизводства материальных ресурсов, что вполне логично в связи с принятием концепции предпринимательского университета. Согласно ей, вузы должны стремиться «соответствовать предпринимательскому образцу» [31], то есть трансформироваться в клиентоориентированную организацию, а преподаватели – превратиться в обычных наемных работников;

– выстраивание жесткой административной системы управления, хотя и наиболее адекватной задаче регламентированного предоставления услуг, но принципиально меняющей внутриорганизационную среду. Это изменение, означающее, как отмечает М. В. Курбатова, «встраивание руководителей вузов в административную вертикаль и выделение администрации вузов из профессионального сообщества, их превращение в профессиональных менеджеров и работодателей для преподавателей» [12, с. 69], весьма болезненно воспринимается последними;

¹ Преобладающую (но, конечно, не единственную) установку традиционного университетского сообщества отражает цитата из Алишера Навои: «Кто из наук решил извлечь доход, тот и себя обманет, и народ».

- разработка и внедрение системы символов, представляющих собой формальные свидетельства эффективности и успешности вуза, но при этом претендующих на роль критериев оценки его деятельности. Набор этих артефактов простирается от формулировки миссии до предметов бытового назначения с логотипом учебного заведения;
- производство, воспроизводство и утилитарное использование корпоративного знания, в качестве элемента которого и рассматриваются результаты социологического исследования.

Именно последнее основание представляет интерес в ракурсе рассматриваемой нами проблемы. Идея корпоративного знания, привычная для работников корпораций, действующих в экономике, является сравнительно новой для коллективов вузов и во многом в силу данного обстоятельства недостаточно проясненной. Показательны в данной связи существенные расхождения в его определениях исследователями и непосредственными «носителями».

В частности, согласно Г. Крогу и М. Кене, оно «охватывает всю совокупность сведений и способностей, которые используются индивидуумом для решения задач, а также позволяют интерпретировать информацию» [10, с. 74–75]. По А. Л. Гапоненко, это «набор принципов, фактов, навыков, правил, которые информационно обеспечивают процессы принятия решений, поведение и действия в организации» [4, с. 219]. Несмотря на различия в трактовках, среди исследователей все более утверждается представление о корпоративном знании как о важном факторе развития корпораций.

Работники вуза и обучающиеся, непосредственно включенные в процесс получения и трансляции знания, также интуитивно понимают, что оно составляет важный ресурс развития. Исследования, проведенные в 2015 г. аспирантом Белгородского государственного национального исследовательского университета¹, показали, что 25,5% преподавателей и научных сотрудников постоянно применяют корпоративное знание на практике. При этом чаще всего это делают административные работники (66,8%), что вполне объяснимо в силу интерпретации корпоративного знания в вузах как сведений, относящихся преимущественно к процессу разработки, принятия и реализации управленческих решений [14, с. 75].

Одновременно утверждается представление о том, что корпоративное знание имеет свою стоимость и в силу этого требует, как и другие ресурсы, не только использования и обмена, но в не меньшей степени – сбережения и охраны. Социологические исследования в данном контексте иногда воспринимаются как попытка лишить коллектив вуза монополии на обладание одним из конкурентных преимуществ, заключающимся в обладании специфическими технологиями управления. Но, судя по результатам проведенного нами в 2023 г. опроса, защита корпоративного знания пока не

¹ Исследование проводилось М. В. Луговской с августа 2015 г. по февраль 2016 г. в вузах Белгородской, Воронежской, Курской областей методом анкетного опроса администраций вузов (225 респондентов), сотрудников и преподавателей (450 респондентов), экспертов (30 чел.).

является значимым основанием трудностей при проведении социологической диагностики. Показательно, что в ходе нашего опроса на возникающие в данной связи трудности указали лишь 8 экспертов из 38.

Негативная реакция на мнимое «вторжение» в сферу корпоративного знания наиболее отчетливо выражена у представителей вузовской администрации, составляющей в вузе специфическую субкорпорацию, которая, вопреки относительно недавно широко распространенным надеждам на демократизацию образовательной среды, едва ли не монопольно определяет стратегию и тактику его развития. Особенности диспозиций этой группы мы рассматриваем в качестве второго обстоятельства, обуславливающего формирование препятствий для социологической диагностики.

Здесь наша позиция подтверждается экспертными оценками. И хотя лишь 14 привлеченных нами экспертов, имеющих опыт проведения социологических исследований в вузах в последние 5 лет, указали, что им в этом процессе иногда (вариант «никогда» не выбрал ни один из них) приходилось сталкиваться с прямыми административными запретами, проблема все же существует. Достаточно указать: лишь 7 экспертов охарактеризовали отношение администрации вуза к практике социологических исследований как неподдельный интерес и поддержку; но 16 человек – как осторожность, 15 – как декларацию поддержки, но неготовность реально обсуждать и использовать результаты; 11 – как равнодушие и отчужденность. При этом лишь 3 участника опроса определили: личное участие администраторов детерминировано избирательным подходом. И не случайно наибольшие сложности при проведении исследований социологи испытывают, когда вторгаются в сферы, монополизированные административно-бюрократическим аппаратом: кадровая политика (13 экспертов); формирование и использование бюджета (12 экспертов). Сложнее обстоит дело лишь при изучении «теневых» отношений (18 экспертов).

Следовательно, административно-управленческий интерес оказывает и еще долго будет оказывать влияние на развитие социологии высшего образования, и оно не может быть глубоко осмыслено без решения проблемы бюрократизации вузов.

Анализу специфики вузовской бюрократии в последнее время уделяет внимание ряд исследователей, в работах которых раскрыты многие позитивные и негативные аспекты ее функционирования [8; 9; 12; 16; 20; 23; 26–30]. Однако остается открытым вопрос о том, что определяет преобладающую коллективную диспозицию административно-бюрократического аппарата вуза в отношении социологической диагностики протекающих в его среде процессов. Как показывает наш опыт, эта диспозиция характеризуется двойственностью. С одной стороны, она выражается в публичных заявлениях о необходимости и важности исследований. С другой стороны, в прямом или косвенном ограничении возможностей их проведения и, что особенно важно, практической реализации рекомендаций, сформулированных на основе полученных результатов.

Отмеченная двойственность в значительной мере является следствием особенностей группового сознания и поведения вузовской бюрократии, к числу которых относятся ориентация на формальные правила,

склонность к имитациям, приоритет ситуативного мышления, на что нам не раз приходилось указывать в своих публикациях [1–3]. В силу отмеченных особенностей бюрократический аппарат вуза в лице большей части его представителей не склонен поощрять практику профессиональной социологической диагностики, которая изначально предполагает выявление проблемных полей, прогнозирование вытекающих из них следствий и осуществление реальных, а не симулируемых действий, направленных на регулирование процессов.

Однако нам представляется, что в не меньшей степени двойственное, а в ряде случаев и однозначно негативное отношение вузовских администраторов к социологии имеет и некие рациональные основания. Связано это с тем, что административно-бюрократическая система в учреждениях высшей школы выступает в роли социального регулятора, обеспечивая баланс между двумя противоположными по своей направленности процессами. Первая выражается в реализуемой до последнего времени государственной стратегии развития высшего образования, которая, если отбросить декларации и спекуляции, сводилась, как уже отмечалось, к трансформации его в сферу услуг. Вторая заключается в интеллектуальном противодействии этой стратегии, оказываемом значительной частью коллективов вузов (в том числе и частью администраторов, занимающих, часто негласно, оппортунистическую позицию в отношении своей субкорпорации).

В настоящее время можно утверждать, что в учреждениях высшей школы сложилось, хотя непрочное, динамическое равновесие между обеими тенденциями, сохранить которое в силу своего статуса и стремится административно-бюрократическая система. Решая сознательно или интуитивно эту задачу, она вынуждена негативно воспринимать любые факторы, которые могли бы дестабилизировать ситуацию и нарушить «хрупкий» баланс. Социология вследствие ее претензий на проблематизацию вузовской реальности не обоснованно относится администраторами к числу таких факторов. Будучи не в состоянии полностью нивелировать его влияние (это означало бы объявить себя откровенными ретроgrадами и обскурантами), они избирают стратегию минимизации реальных следствий, то есть скрытого саботажа. Масштабы его не следует преувеличивать. Но 17 экспертов, проводивших исследования в вузах, указали на нежелание руководства обсуждать полученные результаты.

Прямой или косвенный саботаж социологических исследований имеет место и среди работников вуза, принадлежащих к субкорпорации преподавателей и научных сотрудников (11 экспертов также охарактеризовали их позицию как сочетание формальной поддержки с нежеланием разговаривать по существу). В этой среде игнорирование результатов социологических измерений получает своеобразное «идеологическое» подкрепление в виде реанимации устаревших представлений о научной несостоятельности социологии, либо (реже) в форме попыток подвергнуть сомнению методику конкретных исследований и тем самым дискредитировать их авторов (это отметили 4 эксперта). Определенные основания для последнего у критиков имеются, поскольку далеко не всегда исследования,

проводимые социологами, особенно если они осуществляются в своем вузе, где их авторы работают в условиях зависимости от администрации, отличаются научной корректностью. Это, как правило, определяется не столько недостаточной квалификацией авторов (хотя и она имеет место), сколько их стремлением одновременно решить две несовместимые задачи: получить адекватные ситуации данные и в то же время не вызвать негативной реакции руководства, если эти данные не вполне укладываются в административную парадигму развития вуза. Компромисс в данном случае достигается либо путем удобной для администрации интерпретации результатов исследований (что хотя и некорректно, но по меньшей мере может быть формально обосновано спецификой позиции социолога), либо посредством прямых фальсификаций, что недопустимо.

И все же критический настрой коллег в отношении практики социологических исследований в вузах далеко не всегда связан, по нашему мнению, с проблемами в их организации и интерпретации. Частично он объясняется зависимостью от администрации, страхом, что откровенность в диалоге с социологами грозит санкциями с ее стороны (характерно, что 55% экспертов назвали это главной причиной недостаточной искренности респондентов в ходе исследований). Однако мы полагаем, что критика социологов часто представляет собой попытку «самореабилитации» и «самооправдания», необходимость которой определяется двусмысленностью положения преподавателей и – частично – научных сотрудников в системе высшей школы. С одной стороны, большинство из них понимают, что включение в Болонский процесс имело для вузов преимущественно негативные следствия (и показательно, что озвученная Президентом РФ в его послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. идея возврата к отечественным традициям в высшем образовании была с энтузиазмом воспринята в коллективах учреждений высшего образования). Но, с другой стороны, педагоги и обучающиеся сумели в своем большинстве адаптироваться к системе и даже извлекать из нее свою выгоду. Оказалось, в частности, что практически любой более или менее думающий человек способен научиться жить в соответствии с формальными правилами и, более того, выглядеть вполне успешным. К тому же выяснилось: формализация вузовской реальности практически не препятствует развитию в высшей школе теневых отношений, а даже в чем-то их стимулирует и создает возможности получения дополнительной теневой ренты.

Несомненно, большая часть работников и студентов не питают иллюзий относительно способности социологии раскрыть в полной мере механизмы адаптации к сложившейся системе, а особенно – масштабы теневых отношений и технологии коррупции. Но даже сама возможность обсуждения этих практик на основе конкретных данных интуитивно воспринимается их участниками как нежелательная, нарушающая ситуацию относительного профессионального комфорта.

В сложившихся условиях любое исследование, не имитируемое, но ориентированное на получение максимально релевантных реальности результатов, с неизбежностью будет выходить за традиционные, «акаде-

мические» рамки. Фактически оно приобретает вид своего рода «социологического расследования»¹. И в данном случае речь идет не о формальной замене терминов, но о существенной корректировке подхода, обусловленной особенностями объекта и предмета познания, возможностями субъекта и той ситуацией, в которой осуществляется диагностика.

В рассматриваемом контексте наиболее важными представляются следующие аспекты.

1. Изначальное «сопротивление объекта» исследования попыткам получения релевантных знаний о его действительном состоянии, выражающееся как в форме запрета на изучение тех или иных проблем, так и создания условий, предопределяющих возникновение недостоверной информации в результате манипулирования участниками (при этом манипуляция может осуществляться и в отношении респондентов, и в отношении самих социологов). Специфика «социологического расследования» в данном случае заключается в том, чтобы определить мотивы сопротивления, детерминирующий их комплекс индивидуальных и групповых интересов, что возможно лишь при условии «погружения» в исследуемую среду. Следовательно, мы должны вспомнить о явно недооцененном в последнее время старом и надежном методе анализа – о включенном наблюдении, позволяющем установить в общем «фронте» сопротивления «слабые звенья», изучение которых предоставляет «ключ» к выходу на действительные параметры объекта.

2. «Имагинация» объекта изучения². Современное состояние российских вузов вполне может быть метафорически определено как «квазиустойчивое квазиразвитие». В рамках этой модели «прогрессом» вуза считается достижение и повышение рейтинговых показателей, имеющих, как правило, формальный характер и не отражающих (либо отражающих лишь частично) реальные результаты деятельности. Ориентация на рейтинги постепенно и неуклонно меняет профессиональное мышление и поведение акторов вузовского пространства, которые все более ориентируются на имитационные формы деятельности и, в конце концов, превращаются в основания оценок и самооценок. Формальные декларации обретают вид стереотипов, в рамки которых должна укладываться реальность, и, если этого не происходит, то «тем хуже для реальности». В результате, пытаясь получить «срез» мнений участников образовательного процесса, социологи фактически получают его иллюзорный, декоративный образ, в чем-то близкий к действительности, в чем-то ей прямо противоположный, но воспринимаемый как адекватный.

¹ Использование понятия «расследование» не следует рассматривать как указание на антикриминальный характер данной практики. Оно подчеркивает лишь необходимость более глубокого, чем обычно, анализа проблемы. Безусловно, нельзя не учитывать, что это понятие обычно используется в юриспруденции для характеристики одной из стадий уголовного процесса. Но, в сущности, в широком понимании оно указывает на практику тщательного изучения обстоятельств какого-либо дела и вполне применимо в самых разных областях практической, в том числе и познавательной, деятельности. В конечном итоге не вызывает же неприятия термин «журналистское расследование».

² Имагинация – воображение; имагинативная реальность – воображаемая реальность.

И если традиционные социологические исследования обычно ограничиваются констатацией несовпадения имагинативной и реальной среды, то «социологическое расследование» должно включать в себя деконструкцию индивидуальных, групповых и институциональных мифологем, что, на наш взгляд, возможно лишь при условии детального («тонкого») анализа богатых нюансами повседневных социальных практик. Понимание этого приводит к необходимости решения проблемы мнимого профессионального универсализма социологов.

3. Издержки ложного социологического универсализма. Социолог, особенно работающий в сфере высшего образования, как правило, берется за исследование любой возникающей здесь проблемы, мотивируя это тем, что рассматривает ее специфический «срез», определяемый предметом своей науки, который, действительно, формулируется предельно широко. Однако претензия на научное «всезнайство» выглядит довольно сомнительной и по меньшей мере не исключает возможности междисциплинарного сотрудничества. Более того, профессиональный подход к делу выражается не в стремлении решать проблемы, опираясь исключительно на свои возможности, но в обращении к специалистам во всех случаях, когда речь идет о выявлении специфики той или иной сферы, даже если она формально близка субъекту. Несмотря на то что вузовский социолог, как правило, является и практикующим педагогом, и ученым, и воспитателем, он все же довольно редко способен с полным знанием дела анализировать проблемы, характеризующие деятельность своих коллег, специалистов в других отраслях знаний. Именно поэтому к участию в социологических проектах просто необходимо привлекать «спецов», чья профессиональная компетентность в конкретной области функционирования высшего образования подтверждена на практике. Мы полагаем, что будущее вузовской социологии связано в первую очередь с реализацией исследований, проводимых группами, в состав которых наряду с социологами входят специалисты, работающие в рамках предметного поля исследования, а также в области психологии и семиотики.

4. Трудности интерпретации результатов. Обращаясь к социологическим исследованиям, проведенным специалистами, чья компетентность не вызывает сомнений [6–7; 11; 16; 19; 22], можно отметить, что полученные ими результаты не всегда соотносятся с индивидуальными и групповыми интересами акторов вузовского пространства. Чаще всего эти интересы учитываются в предельно обобщенном виде¹. Между тем превращение современного учреждения высшей школы в специфическую квазикорпорацию автоматически не ведет к достижению единства ее участников в отношении важнейших вопросов развития. Внутри квазикорпорации формируются субкорпоративные объединения со своими специфическими диспозициями. И самоорганизация вуза со всеми ее достоинствами и недостатками,

¹ Возможно, это связано с тем, что популярная некогда традиция теоретико-методологического исследования потребностей и интересов разных социальных групп в последние годы не получает активной поддержки в научной среде.

представляя собой результат согласования групповых и индивидуальных интересов, часто вынужденного и временного, поддерживается не только мерами административного принуждения, но и согласия с ним работников и обучающихся. Установить связи между возникающими в образовательных учреждениях институциями и интересами акторов крайне сложно.

Во-первых, потому, что во многих случаях подлинные интересы «игроков» не только прямо не декларируются, но декорируются привлекательными формулами. Значительный опыт применения большинством из них интеллектуальных практик делает решение задачи маскировки интересов несложным и по-своему увлекательным занятием. Во-вторых, поскольку многие из участников вузовского пространства в настоящее время реализуют себя не только (а иногда и в большей степени) в рамках образовательной организации, совмещая разные виды деятельности, их интересы формируются под воздействием разнородных факторов. Учесть все их крайне сложно, но стремиться к этому необходимо, что и составляет один из важнейших элементов «социологического расследования». Здесь, очевидно, должны сыграть свою роль методы, позволяющие осуществить углубленный анализ жизненных ситуаций участников: глубинные интервью, кейс-стади, изучение нарративов.

Но, на наш взгляд, решающее значение в обобщении полученных результатов принадлежит интуиции социолога, его способности в условиях дефицита данных выявить устойчивые связи и отношения.

5. «Ловушки» презентации выводов. Наконец, «социологическое расследование» имеет свою специфику и при представлении полученных результатов. Она заключается в том, что его автор изначально должен представлять себе комплекс проблем, неизбежно возникающих при их «обнародовании» и выражающихся в виде своеобразных «ловушек». Попадание в них обесценивает значение выявленных фактов и построенных на их основе выводов.

К числу наиболее типичных «ловушек», как показывает опыт, относится, прежде всего, ловушка мнимой очевидности. Суть ее заключается в том, что социологу – автору исследования – сформулированные им позиции нередко представляются предельно ясными, очевидными, естественным образом вытекающими из массива данных. Поэтому часто он склонен ограничиться их наглядным представлением, зачастую не заботясь о системе дополнительных обосновывающих положения аргументов. Однако всегда найдутся оппоненты, ставящие выводы под сомнение, не только потому, что они затрагивают их интересы, но и вследствие несформированности социологического мышления и непонимания языка социальных наук. В какой-то мере избежать этой ловушки позволяет использование детально проработанного понятийного аппарата, предварительное определение «точек соприкосновения» с контрагентами; установление общего для участников дискурса контекста значений; выработка правил или средств их использования.

Существенно обесценивает результаты исследований ловушка неоправданной экстраполяции конструктивности намерений. Проводя исследование, социолог обычно рассматривает его как процедуру, позволяющую выявить проблемы вуза и тем самым способствовать их решению. При этом он нередко считает: его контрагенты воспринимают социологические практики именно в таком ключе и – возможно – будут ему благодарны за предоставление реального положения дел. Между тем те, к кому он обращается, довольно часто полагают, что они и так «владеют ситуацией», а социологические практики интерпретируют как попытку поставить под сомнение сложившуюся (вполне успешную) систему; в лучшем случае – создать дополнительные трудности. Поэтому представление «социологического расследования» целесообразно сопровождать пояснительной запиской, где рассматриваются следствия, возникающие как в случае, если его результаты послужат основой для управленческих решений, так и в случае их игнорирования. Правда, как показывает практика, негативные прогнозы в данном случае воспринимаются весьма скептически, ибо «нет пророка в своем Отечестве».

Не способствует позитивному восприятию полученных социологами данных и установка на самодостаточность дискурса. Социолог нередко безосновательно рассматривает обнародование итогов исследования как вполне самодостаточный результат, который просто не может не заинтересовать менеджеров и автоматически будет использован ими в благих целях. Однако, напротив, довольно типичной является ситуация, в которой эти итоги так и не будут востребованы субъектами управления не только по причине их консерватизма или корпоративного эгоизма, но погруженности в рутину повседневности. В силу данного обстоятельства желательно, чтобы «социологическое расследование» не только включало в себя «джентльменский набор» практических рекомендаций, но и предусматривало механизм их реализации. Неконструктивной в данной связи нам представляется часто встречающаяся позиция, согласно которой социолог лишь ставит диагноз, лечением же должен заниматься кто-то другой.

К выводам

Представленные в настоящей статье данные и результаты их интерпретации не претендуют на окончательность и бесспорность. Мы рассматриваем их в качестве повода для дискуссии, которая давно назрела в силу нарастания проблем развития высшей школы, неизбежно приобретающих специфическую конфигурацию в ходе заявленного Президентом РФ выхода из Болонского процесса. Решить эту задачу (если она не останется чистой декларацией) будет крайне сложно без составления реальной картины отношений в современном вузе. Свой вклад в ее формирование должна внести социология, но при условии, что социологи будут ясно представлять возможности и границы процесса познания, смогут правильно использовать адекватные методы и инструменты анализа. Потенциал их доста-

точно высок, что подтвердили привлеченные нами эксперты. Большинство из них положительно ответили на вопрос о способности социологии поставить верный диагноз современному вузу. Однако многие обусловили это разрывом с бюрократическим видением ситуации, совершенствованием методик и сотрудничеством разных школ. Именно поэтому сегодня важен конструктивный системный диалог специалистов, который уже фактически ведется на страницах журналов, на конференциях, и к интенсификации которого мы приглашаем настоящей публикацией.

Библиографический список

1. Бабинцев В. П. Корпоративные отношения в российских вузах: разрыв традиции // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 26–35. EDN: ZAYFKP.
2. Бабинцев В. П. Формальная рациональность в управлении учреждениями высшего образования в России // Социология образования. 2015. № 9. С. 27–36. EDN: UGAPFX.
3. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. № 22 (4). С. 895–908. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
4. Гапоненко А. Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. М.: Эксмо, 2008. 394 с.
5. Запорожец О. Н. Университет как корпорация: интеллектуальная картография исследовательских подходов: препринт WP6/2011/06. М.: ВШЭ, 2011. 48 с.
6. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. № 22 (4). С. 881–894. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894.
7. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 379–399. DOI: 10.19181/ezheg.2022.14.
8. Красинская Л. Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация. Что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73–82. EDN: VQALEH.
9. Краснова Г. Н., Певтиев В. И. Высшее образование в России: проблемы и решения // Социально-политические исследования. 2019. № 3 (4). С. 59–72. DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10512.
10. Круг Г., Кене М. Трансфер знаний на предприятии: основные фазы и воздействующие факторы // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 4. С. 74–75.

11. Кузнецов И. С. Доверие студентов и их образовательная траектория после окончания вуза // Высшее образование в России. 2023. № 32 (1). С. 110–129. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129.
12. Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 4. С. 59–86. EDN: WTIEHN.
13. Логвинова А. В. Регулирование социальных рисков административного управления региональным вузом: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2020. 19 с.
14. Луговская М. В. Управление корпоративными знаниями в провинциальных вузах: дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2018. 192 с.
15. Озерова М. М. Корпоративные коммуникации в управлении вузом: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Белгород, 2017. 17 с.
16. Осипов А. М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. № 20 (4). С. 953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
17. Покровский Н. Е. Левый марш международной социологии на фоне Ниагарского водопада // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 9–15. DOI: 10.31857/S013216250003996-8.
18. Резаев А., Трегубова Н. Еще раз о социологии и социальной аналитике в эпоху развития искусственного интеллекта // Социологическое обозрение. 2022. № 21 (3). С. 9–30. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-9-30.
19. Селиверстова Н. А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802.
20. Слива А. В., Березовский В. А., Фокина В. Н., Басов В. А. Финансовые и интеллектуальные потери вуза вследствие излишней бюрократизации в системе образования // Экономика образования. 2015. № 5 (90). С. 4–16. EDN: UIXUXP.
21. Тарабаева В. Б. Управление конфликтами инновационного развития вузов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2009. 42 с.
22. Чередниченко Г. А. Траектории заочников высшей школы в сфере образования и труда // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 165–187. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187.
23. Шаброва Н. В. Доверие и бюрократизация в вузах // Вестник СурГПУ. 2019. № 5. С. 224–232. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.021.
24. Яницкий О. Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
25. Babintsev V., Sapryka V., Serkina Ya. Formal Rationality Traps in Administration of Higher Education Institutions in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 214. P. 520–525. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.755.

26. Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2009. Vol. 37 (1). P. 51–65. DOI: 10.1177/1741143208098164.
27. Humes W. The ‘iron cage’ of educational bureaucracy // *British Journal of Educational Studies*. 2022. Vol. 70 (2). P. 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
28. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2017. № 47 (1). P. 5–19. DOI: 10.1177/1741143217711190.
29. Saks M. M., Adams T. L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box // *Professions and Professionalism*. 2019. № 9 (2). DOI: 10.7577/pp.3190.
30. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility // *Curriculum Inquiry*. 2018. Vol. 48 (5). P. 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.
31. Urbano D., Guerrero M. Entrepreneurial universities: Socio-economic impacts of academic entrepreneurship in a European region // *Economic Development Quarterly*. 2013. № 27 (1). P. 40–55. DOI: 10.1177/0891242412471973.

Получено редакцией: 04.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Надуткина Ирина Эдуардовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4

Research or Investigation: Perspectives of the Sociology of Higher Education in the Conditions of Bureaucratisation and Commercialisation¹

Valentin P. Babintsev

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-0112-6145

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150.

Galina N. Gaidukova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-9174

Irina E. Nadutkina

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0003-4416-9126

Zhanna A. Shapoval

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Nadutkina I. E., Shapoval Zh. A. Research or investigation: perspectives of the sociology of higher education in the conditions of bureaucratisation and commercialisation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 50–69. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.4; EDN: YHIWGQ

Abstract. The article presents an analysis of the problems that arise in connection with the definition of the prospects for the sociology of higher education in the context of the features of the current stage of development and crisis processes in sociological knowledge itself. Authors believe, even a deep “immersion” of researchers into the educational environment does not always allow to adequately represent and explain the processes developing within it, that is due not only to limitations associated with the specifics of the science itself and the attitudes of researchers, but also with the bureaucratisation of educational reality, that minimises and in a number of cases even excludes the possibility of its sociological interpretation. The empirical base of the work was: 1) studies conducted by the authors or with their participation in universities of the Belgorod region and other regions of Russia from 2005 to 2023, including those organised by the Center for Social Technologies of BelSU; 2) secondary analysis of research carried out by graduate students, doctoral students and applicants in the preparation of their work in the dissertation council in sociological sciences at the Belgorod State National Research University; 3) an expert survey of specialists in the field of sociology of education, conducted by the authors in February 2023 (N=38). Based on the analysis of theoretical and empirical sources, the authors identify several circumstances that determine the emergence of barriers in the study of processes in higher education by sociologists. They are the corporativisation of modern universities in its “economic and managerial” dimension; the specifics of the attitude to sociological diagnostics of both the university bureaucracy and other participants in the educational process – teachers and students. In many cases, their position is not complementary to attempts to clarify certain aspects of the university’s self-organisation. The very possibility of discussing them is often initially perceived by the participants as undesirable. According to the authors, under such conditions, any research aimed at obtaining the most relevant to reality, and not the results set in advance by the customer, takes on a peculiar form of “sociological investigation”. At the same time, we are not talking about a formal replacement of terms, but about a significant adjustment of the approach, due to the characteristics of the object and subject of cognition, the capabilities of the subject and the situation in which the diagnosis is carried out.

Keywords: sociology of education, sociology of higher education, higher education, bureaucratic corporation, university bureaucracy, sociological research

References

1. Babintsev V. P. Corporate relations in Russian universities: breaking tradition. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2017: 7: 26–35 (in Russ.).
2. Babintsev V. P. Formal rationality in the management of higher education institutions in Russia. *Sociologiya obrazovaniya*, 2015: 9: 27–36 (in Russ.).
3. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval Zh. A. University Bureaucracy in Russia – terra incognita of sociology of education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22 (4): 895–908 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908.
4. Gaponenko A. L. Upravlenie znaniyami. Kak prevratit' znaniya v kapital [Knowledge management. How to turn knowledge into capital]. Moscow, Eksmo, 2008: 394 (in Russ.).
5. Zaporozhets O. N. Universitet kak korporaciya: intellektual'naya kartografiya issledovatel'skih podhodov: preprint WP6/2011/06 [University as a corporation: intellectual cartography of research approaches: preprint WP6/2011/06]. Moscow, VSHE, 2011: 48 (in Russ.).

6. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Resource capacity of the scientific and pedagogical community: administrative and mobilization approaches to analysis. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22: 4: 881–894 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894.
7. Konstantinovsky D. L., Popova E. S. The new nature of educational and professional trajectories of youth. In *Russia being reformed: yearbook: iss. 20*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi Khronograf, 2022: 379–399 (in Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2022.14.
8. Krasinskaya L. F. Modernization, optimization, bureaucratization. What awaits high school tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2016: 3: 73–82 (in Russ.).
9. Krasnova G. N., Peftiev V. I. Higher education in Russia: problems and solutions. *Social'no-politicheskie issledovaniya*, 2019: 3 (4): 59–72 (in Russ.). DOI: 10.24411/2658-428X-2019-10512.
10. Krog G., Kene M. Knowledge transfer at the enterprise: the main phases and influencing factors. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 1999: 4: 74–75 (in Russ.).
11. Kuznetsov I. S. Students' trust and their educational trajectory after graduation. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 32 (1): 110–129 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-1-110-129.
12. Kurbatova M. V. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016: 4: 59–86 (in Russ.).
13. Logvinova A. V. Regulation of social risks of administrative management of a regional university: abstract dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2020: 19 (in Russ.).
14. Lugovskaya M. V. Corporate knowledge management in professional universities: dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2018: 192 (in Russ.).
15. Ozerova M. M. Corporate communications in the management of the university: abstract dis. ... cand. sociological sciences. Belgorod, 2017: 17 (in Russ.).
16. Osipov A. M. Buro pathology and paper pressure in Russian education. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2020: 20 (4): 953–966 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966.
17. Pokrovsky N. E. The left march of international sociology against the backdrop of Niagara Falls. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 2: 9–15 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250003996-8.
18. Rezaev A., Tregubova N. Once again about sociology and social analytics in the era of artificial intelligence development. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2022: 21 (3): 9–30 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-9-30.
19. Seliverstova N. A. Imitation of educational practices in the field of higher education. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 3: 71–77 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008802-5.
20. Sliva A. V., Berezovsky V. A., Fokina V. N., Basov V. A. Financial and intellectual losses of the university due to excessive bureaucratization in the education system. *Ekonomika obrazovaniya*, 2015: 5 (90): 4–16 (in Russ.).
21. Tarabayeva V. B. Conflict management of innovative development of universities: abstract dissertation of the Doctor of Sociological Sciences. Belgorod, 2009: 42 (in Russ.).
22. Cherednichenko G. A. Trajectories of part-time students of higher education in the field of education and labor. *Voprosy obrazovaniya*, 2020: 3: 165–187 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-165-187.
23. Shabrova N. V. Trust and bureaucratization in universities. *Vestnik SurGPU*, 2019: 5: 224–232 (in Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.021.
24. Yanitsky O. N. On the problem of modernization of the humanitarian knowledge. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2018: 6: 1 (21): 7–22 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5734.
25. Babintsev V., Sapryka V., Serkina Ya. Formal Rationality Traps in Administration of Higher Education Institutions in Russia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015: 214: 520–525. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.755.
26. Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*, 2009: 37 (1): 51–65. DOI: 10.1177/1741143208098164.
27. Humes W. The 'iron cage' of educational bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*, 2022: 70 (2): 235–253. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
28. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*, 2017: 47 (1): 5–19. DOI: 10.1177/1741143217711190.

29. Saks M. M., Adams T. L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box. *Professions and Professionalism*, 2019: 9 (2). DOI: 10.7577/pp.3190.
30. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry*, 2018: 48 (5): 503–520. DOI: 10.1080/03626784.2018.1547615.
31. Urbano D., Guerrero M. Entrepreneurial universities: Socio-economic impacts of academic entrepreneurship in a European region. *Economic Development Quarterly*, 2013: 27 (1): 40–55. DOI: 10.1177/0891242412471973.

The article was submitted on April 04, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin P. Babintsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Irina E. Nadutkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

Zhanna A. Shapoval, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University

ТЕМА НОМЕРА

ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ) В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3

EDN: RGIKSM

Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов

Ссылка для цитирования: Дятлов А. В., Ковалев В. В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3; EDN: RGIKSM

For citation: Dyatlov A. V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in russia in the practices of application of managerial tools. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3; EDN: RGIKSM

AuthorID РИНЦ: 316700

Дятлов Александр Викторович¹

¹ Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

avdyatlov@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 345032

Ковалёв Виталий Владимирович¹

¹ Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

vitkovalev@yandex.ru

Аннотация. Менеджеристская идеология за два десятилетия использования ее в качестве управленческой модели в системе высшего образования России показала несостоятельность. Она стала причиной потери высшим образованием своего социального предназначения. Цель исследования: установление способности государственного менеджериства обеспечить эффективное управление российским институтом высшего образования. Методология: неинституциональная теория. Методы: анализ документов; массовый социологический опрос среди студентов и преподавателей; глубинные интервью с ректорами и деканами семнадцати российских университетов. Гипотеза: эффективности

управления высшим образованием в практиках применения менеджеризма препятствуют три барьера: 1) инверсия качества, которая может быть вызвана незаинтересованностью социальных акторов работать эффективно в условиях применения менеджеристской идеологии; 2) рассогласованность между менеджеристским пониманием эффективности и целями высшего образования. В данном случае речь идет о целенаправленном отказе от традиционных целей высшего образования ради формального исполнения менеджеристских норм; 3) жесткая регламентация работы профессорско-преподавательского состава, обратным следствием которой прогнозируется имитационное исполнение предписанных правил профессиональной деятельности студентов.

Для проверки гипотезы применялись три эмпирических индикатора: интенсификация образовательной и научной деятельности; стимулирование межвузовской и внутривузовской конкуренции среди сотрудников; повышение профессионализации управления университетами.

В ходе применения опросных методов эффективность государственного менеджеризма опровергнута через неприятие респондентами менеджеристских ценностей, негативного воздействия институциональных барьеров на процесс достижения целей высшего образования и признания неоптимального (неэффективного) характера использования бюджетных средств. Вместо повышения эффективности управления имеет место возникновение имитационных практик, являющихся прямым следствием формальной адаптации к новым институциональным условиям. Профессионалы, вынужденно оказавшиеся перед необходимостью приспособливаться к менеджеристским инструментам, вырабатывают производные от их ресурсных возможностей адаптационные стратегии саморегуляции. В итоге новые управленческие инструменты действуют вхолостую, сами по себе, в отрыве от целевых ориентаций профессиональной деятельности. Это порождает прямо противоположный эффект относительно задуманной реформаторами цели: эффективность управления снижается за счет резкого увеличения расходов на использование менеджеристских инструментов и недостижения традиционных для профессиональной деятельности целей. Возникает парадоксальная ситуация: по формальным признакам наблюдается рост эффективности, а по реальным результатам – резкое снижение уровня профессионализма и ожидаемой социальной полезности.

Ключевые слова: управление, менеджеризм, эффективность, менеджеристские инструменты, высшее образование, социальный институт

Введение

Доставшаяся Российской Федерации советская система высшего образования на протяжении первых полутора десятилетий после распада СССР была объектом ожесточенной критики в общественном и научном дискурсах. Особое внимание обращалось на затруднения с финансированием, коррупцию, слабую связь теории с практикой, отстраненность от проблем социально-экономического развития регионов, недостаток мотивации профессиональной деятельности у ППС, низкий уровень организации образовательного процесса и получаемых научных результатов. Затянувшийся на длительное время период обсуждения подготовил общество к необходимости глубоких и кардинальных преобразований.

Образцом реформирования российской высшей школы была избрана менеджеристская концепция, апробированная ранее в европейских образовательных системах и показавшая там определенные положительные результаты. Предполагалось, что реализация менеджеризма в российских условиях позволит выйти на новый уровень управленческой эффективности высшего образования. От реформы ожидалось повышение качества образования, интенсификация научных разработок, рост ответственности профессорско-преподавательского состава (ППС) и обучающихся, преодоление коррупции, оптимизация принципов финансирования и т. п. В целом, итогом должно было стать построение университета принципиально нового типа, способного достигать не только традиционных целей в виде осуществления профессиональной подготовки студентов и их социализации, но и выполнять функции по созданию научно-образовательных кластеров как центров технологического и социально-экономического развития регионов. Кроме того, реформированные российские университеты ожидаемо должны были подняться в международных рейтингах и как инструмент «мягкой силы» стать центром притяжения для иностранных студентов, с чем связывалось, в свою очередь, укрепление геополитического влияния Российской Федерации.

Производные от менеджеристской идеологии инструменты рассматривались инициаторами реформы как рычаги, посредством которых можно было изменить финансирование высшего образования, поменять ценности преподавателей, трансформировать социальное поведение студентов, преобразовать принципы управления. По новой модели студент отождествлялся с центром всей образовательной системы, вокруг которого создаются и предлагаются на выбор образовательные программы. В этом аспекте своей деятельности университет виделся реформаторам как ярмарка образовательных услуг, где преподаватели выступали в роли агрегаторов и продавцов информации. Статус преподавателя предполагалось поднять за счет смещения акцента его профессиональной деятельности на научные исследования, а время, которое ранее тратилось на коммуникацию с обучающимися, должно было высвободиться благодаря повышению когнитивной самостоятельности студентов. Возможность этих трансформаций подкреплялась менеджеристскими управленческими идеями, согласно которым руководство университетом приобретало мобильный характер, оформляясь под ситуационно возникающие потребности.

Проводимые в высшей школе России реформы существенным образом преобразовали ее институциональную природу. Однако какие бы радикальные решения ни принимались и насколько бы сильно высшая школа ни обновлялась, цели, определяемые перед ней социумом, остаются неизменными. Это профессиональная подготовка, производство научных инноваций и социализация студентов. И эффективность управления университетом не может измеряться посредством каких-либо иных оценочных категорий. Следовательно, любые реформы, независимо от решаемых ими задач, по завершении их реализации должны оцениваться с позиции целесообразности. Иными словами, управленческая эффективность может

быть интерпретирована как вышедшая на ожидаемый уровень полезности только в том случае, если административные усилия руководства университета будут способствовать росту качества научных исследований, качественному обучению студентов и их личностному развитию.

Однако по истечении двух десятков лет, прошедших с момента начала реализации реформы, стало ясно, что она показала свою несостоятельность. Менеджеристские усилия привели к значительному росту количества производимых в сфере науки и образования услуг, но, одновременно, к падению их качественных характеристик. Наиболее ощутимым результатом стал массовый рост имитационных практик в виде «отчетной эффективности». Негативный эффект этого проявляется не столько в самом факте холостой работы института высшего образования, сколько в таких его последствиях, как деформация профессиональной этики ППС, распад академического сообщества, девальвация качества образования как ценности и т. п., что может привести к необратимым последствиям относительно способности высшего образования удовлетворять запросы социума. Сложившиеся результаты можно объяснить, во-первых, принципиальной невозможностью перенести управленческие технологии, выработанные в коммерческих организациях, на некоммерческий сектор, в том числе в сферу высшего образования, во-вторых, несоответствием западных условий, в которых применяется менеджери́зм, российским.

Таким образом, цель исследования направлена на установление способности государственного менеджери́зма обеспечить эффективное управление российским институтом высшего образования.

Обзор литературы

За годы реализации менеджеристской политики накоплен достаточно большой библиографический массив. Его представление будет осуществлено по следующей схеме: обоснование возможности переноса менеджеристских управленческих технологий на некоммерческий сектор, критика менеджери́зма в западном научном дискурсе, менеджери́зм как управленческая политика в России, оценка российскими учеными менеджери́зма как управленческой идеологии в институциональных практиках высшего образования.

Перспективы и концептуальные преимущества переноса менеджеристских инструментов на управление некоммерческим сектором разработаны в трудах M. Considine [22], P. Aucoin [18], C. Hood [26], D. Osborn и T. Gaebler [29], C. Pollitt [30], L. Terry [31], J. Denhardt и R. Denhardt [23]. Возможности нового государственного управления обосновывались рядом принципов: измерением эффективности через количественные показатели, децентрализацией органов власти, передачей некоторых публичных функций частным агентам, клиентоориентированностью, усилением контроля за персоналом.

Несколько позже в западном научном дискурсе появляется критическое направление, представители которого приводили аргументы о невозможности обеспечить управленческую эффективность в некоммерческом секторе за счет переноса технологий, успешно апробированных в крупных коммерческих организациях. К ним относятся Н. Frederickson [24], F. Carr [20], C. Heckscher [25], J. Le Grand [27].

В российской науке интерес к менеджериству возник в связи с началом проведения в 2004–2005 гг. административной реформы, основы которой определялись в границах менеджеристской идеологии. Каких-либо новых идей по сравнению с западными учеными не предлагалось. Изучались отдельные аспекты менеджериства. В их числе следует указать на управление по проектам (А. А. Авдеева [2], И. Ш. Баснукаев [3]), значение количественных показателей (Е. А. Володарская [4], М. С. Сюпова [15]), клиентоориентированный подход (А. С. Ложкина [12], В. В. Леонтьева [11]). В работах указанных и иных авторов менеджериств исследовался по отдельным, концептуально не связанным между собой аспектам, что не позволяет видеть всю логику управления целиком.

Что касается предметных оценок менеджеристской идеологии, реализуемой в системе государственного и муниципального управления, то фактически все ученые находятся на полюсе отрицательных коннотаций (Р. Н. Абрамов [1], И. Б. Орлов [13], О. Л. Леонов [10], Д. В. Тютин [16], С. Г. Кирдина [7]).

Еще более негативные суждения в адрес менеджериства высказываются, когда он становится предметом изучения в институциональных практиках высшего образования. Это происходит в работах М. А. Корытцева [9], Я. Э. Дадаева [6], Е. В. Романова [14], В. В. Вольчика, Е. В. Маслюковой [5] и др.

Заявленная проблематика учеными разработана основательно. Однако некоторые вопросы нуждаются в дополнительной интерпретации и даже принципиально новой оценке. Прежде всего, имеется явно выраженный дефицит работ социологической направленности. Особенно это заметно в сегменте эмпирических исследований. Кроме того, практически все опубликованные исследования касаются частных аспектов, что свидетельствует об отсутствии взгляда на проблему в теоретическом контексте, который дал бы возможность оценить менеджериств с общего ракурса, связав все существующие проблемы развития высшего образования не с частными затруднениями, а с принятой управленческой политикой. Критикуемые в настоящее время такие аспекты управления высшей школой, как межвузовская конкуренция, рейтинги преподавателей, эффективные контракты, коммерциализация науки, замена профессионалов на эффективных менеджеров, – это частные звенья общей менеджеристской политики, основанной на управлении по целевым показателям. Подобное понимание позволит избежать сложившегося в современной науке заблуждения, что достаточно изменить систему метрик, придумать новые коэффициенты, заменить один предмет оценивания другим [8] и вопросы эффективности управления высшей школой будут успешно решены. Однако

проблема состоит именно в выбранной управленческой идеологии, ее неспособности решать возложенные на нее задачи. Необходима теоретическая модель, применяя которую можно доказать принципиальную несостоятельность менеджеристских управленческих инструментов.

Методология и методы

В качестве базового подхода избрана неинституциональная теория. Она положена в основу авторского категориального аппарата: «транзакционные издержки» (J. Commons [20]), «контрактная экономика» (C. Azariadis [18]), «рациональный выбор» (G. Akerlof [16]), «институциональное равновесие» (D. North [27]). Посредством представленных понятий будут оцениваться следующие проблемы: экономическая обоснованность реформ в высшей школе, поддержка социальными акторами новых управленческих практик, рациональность принятой управленческой модели относительно иных альтернатив, способность и желание социальных акторов интегрировать свои частные цели с институциональными.

Основным методом, применявшимся для проведения эмпирических исследований, выбран социологический опрос в форме анкетирования. Объектом выступили три группы акторов социального института высшего образования: преподаватели ($n=524$) и студенты ($n=3006$). Административный состав вузов опрашивался с применением глубинных интервью ($n=34$).

Тип выборки для массового опроса – невероятностный с разделением респондентов на квоты. Критерии отбора респондентов в группе «студенты»: *уровень образовательной подготовки* (бакалавриат, магистратура, аспирантура), *направление образовательной подготовки* (педагогика и психология; социальные науки; инженерные специальности; математика и информатика; экономика и управление; естествознание; юриспруденция; физическая культура; медицина; архитектура и искусство), *место учебы* (название вуза). Критерии отбора респондентов в группе «преподаватели»: *возраст* (24–30 лет; 31–39 лет; 40–54 года; 55 и старше), *область знаний* (соответствует критериям, заложенным в группе «студенты»), *ученая степень* (доктор наук; кандидат наук; без ученой степени), *место работы* (название вуза). Указанные критерии применялись для формирования квот по отдельным вузам. Всего в выборке оказалось семнадцать университетов всех существующих типов и в разных субъектах федерации: Южный федеральный университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Тюменский государственный университет, Уральский федеральный университет, Северный (Арктический) университет, Российский экономический университет (Москва), Нижегородский государственный университет, Волгоградский государственный технический университет, Астраханский государственный университет, Пензенский государственный университет, Ростовский государственный экономический университет, Донской государственный технический университет, Курский государственный

медицинский университет, Воронежский лесотехнический университет, Московский государственный университет, Адыгейский государственный университет, Симферопольский университет экономики и управления. Количественные характеристики квот определялись на основе принципа пропорционального соответствия. Опрос проводился при помощи гугл-форм. Обработка данных осуществлялась в программе SPSS-22. Время опроса: май–декабрь 2022 г. Для каждой из двух групп был разработан свой опросник.

Эффективные менеджеры опрашивались через глубинные интервью. Всего их проведено тридцать четыре: по два в семнадцати вузах, из которых один был проректор по учебной или научной деятельности, а второй – декан (директор) одного из структурных подразделений.

Результаты исследования

Теоретический аспект

Теоретическая модель исследования, выстроенная на основе неoinституционального подхода, складывается из следующей цепочки категорий: «государственное управление», «эффективность государственного управления», «государственный менеджери́зм», «институт высшего образования», «менеджеристские инструменты эффективного управления институтом высшего образования».

Под управлением понимается целенаправленное воздействие на какой-то объект в целях его использования, упорядочивания или поддержки сложившегося порядка. Государственным управлением становится в том случае, когда оно осуществляется специально уполномоченным органом власти. Эффективность рассматривается как категория, связанная с оценкой целедостижительной деятельности. Поэтому, во-первых, результатом эффективного управления должно быть достижение целей, поставленных перед высшей школой. Эффективность также производна от оптимального расхода ресурсов. Следовательно, во-вторых, эффективным может быть только то управление, когда в ходе целедостижительной деятельности используется оптимальный (строго необходимый) объем ресурсов. Таким образом, даже достижение цели, но с перерасходом ресурсов, свидетельствует о низкой управленческой эффективности.

Эмпирически исследование направлено на установление эффективности применяемых в социальном институте высшего образования менеджеристских инструментов. Под государственным менеджери́змом понимается идеология, основанная на признании принципиальной допустимости переноса корпоративных способов управления, выработанных в коммерческих организациях, в публичный сектор, включая сферу социальных институтов. В реальных управленческих практиках она проявляется в децентрализации административных органов власти и широком внедрении в публичный сектор предпринимательских технологий. Индикатором успешности подобной политики выступает рост количественных показателей, отождествляемых с целевыми показателями.

Стимулирование количественных показателей реализуется посредством менеджеристских инструментов. Предлагаем следующее определение данного термина: это средство воздействия на объекты управления, реализуемое в целях обеспечения роста количественных показателей как индикаторов эффективности государственного управления. Всего мы выделяем четыре вида менеджеристских инструментов: 1) снижение государственного финансирования там, где обнаруживается низкий рост показателей; 2) стимулирование предпринимательской активности в некоммерческом секторе; 3) повышение конкуренции среди сотрудников внутри организации; 4) замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами. Данные инструменты применяются для регулирования профессиональной деятельности во всех социальных институтах.

Предметно менеджеристская идеология изучается нами на примере ее применения в социальном институте высшего образования. В соответствии с рамками, установленными в неинституциональном подходе, институты определяются как устойчивый комплекс формальных и неформальных норм. Нормы задают институциональные ограничения, которыми руководствуются в своей профессиональной и учебной деятельности социальные акторы. Выбор установленных правил означает признание того, что их соблюдение является наиболее рациональным выбором для достижения индивидуальных целей социального актора. Но при этом свидетельствует о готовности содействовать достижению институциональных целей. Последний аспект, т. е. единство институциональных и индивидуальных целей, означает способность всех акторов высшего образования обеспечивать качественное профессиональное обучение, производство научных инноваций и успешную социализацию студентов. На эту же позицию мы замыкаем и эффективность государственного управления высшим образованием в рамках принятой менеджеристской идеологии. Эффективным институт высшего образования признается лишь в том случае, если рост количественных показателей одновременно отражает *рост качества* профессиональной подготовки студентов, социальной полезности науки и реализуемых практик воспитания молодежи.

Эффективность менеджеристских инструментов измерялась посредством трех эмпирических индикаторов: 1) интенсификация образовательной и научной деятельности; 2) стимулирование межвузовской и внутривузовской конкуренции среди сотрудников; 3) повышение профессионализации управления университетами.

Эмпирический аспект

Мы выдвигаем гипотезу о неэффективности менеджеристского управления. Об этом может свидетельствовать отсутствие институционального равновесия (целевые ориентации акторов высшей школы не согласованы), высокие трансакционные издержки (цели достигаются с явным превышением разумной необходимости ресурсных расходов), наличие более рациональных альтернатив (по сравнению с менеджеризмом) для

достижений целей в образовательной деятельности. Оставаясь в рамках заявленной гипотезы, предположим, что в условиях менеджеристского управления возникает несколько барьеров, препятствующих достижению эффективности: 1) *инверсия качества* (менеджеризм обесценивает понятие качество); 2) *рассогласованность между менеджеристским пониманием эффективности и целями высшего образования* (традиционные цели высшего образования не соответствуют менеджеристским целям); 3) *жесткая регламентация работы ППС* (результатом становится имитация исполнения менеджеристских правил).

Гипотезы проверялись в ходе массового опроса (ППС и студенты) и глубинных интервью (эффективные менеджеры). Каждая группа вопросов строго соответствует трем сформулированным эмпирическим индикаторам.

Вначале представим полученные результаты в группе преподавателей. Первый эмпирический индикатор – *интенсификация образовательной и научной деятельности*.

Таблица 1 (Table 1)

**Допустимость измерения качества образования и научной работы
через количественные показатели, %**
*The permissibility of measuring the quality of education and scientific work
through quantitative indicators, in %*

Варианты ответов	Суммарный итог	
	Образовательная деятельность	Научная деятельность
<i>Недопустимо</i> , измерение качества в науке и преподавании количественными показателями ведет к росту имитационных практик	54,2	60,0
<i>Недопустимо</i> , т. к. внешнее стимулирование эффективности объективно ведет к росту количества за счет снижения качества	35,2	30,8
<i>Допустимо</i> , рост количественных показателей выступает надежным индикатором эффективного управления образовательной организацией	10,6	9,2

Большая часть преподавателей принципиально отвергает саму идею измерения эффективности профессионального обучения и научной деятельности через категорию количественных показателей. Это означает неприятие менеджеризма как идеологии для управления наукой и образованием. Немногим более трети такую идеологию допускает, но лишь на уровне теории, т. к. в процессе практического применения она, по их мнению, неизбежно деформируется в управление имитационными процессами. Сторонниками менеджеристской идеологии проявили себя подавляющее меньшинство опрошенных.

Говоря об иных аспектах, отраженных в предложенном респондентам опроснике, можно указать на то, что 87,6% научно-педагогических работников (НПР) отрицательно отнеслись к сокращению сроков трудовых контрактов; 73,1% не приняли идею эффективных контрактов; 80,4% счи-

тают, что рост показателей по академической успеваемости студентов не отражает рост качества образования; 66,4% полагают, что балльно-рейтинговая система (БРС) ведет к снижению качества образования; 88,4% указывают на снижение качества образования из-за давления количественных показателей и роста имитационных практик; 73,9% относятся негативно к росту публикационной активности, т. к. он ведет к снижению качества публикаций; 73,1% признают, что большая часть современных научных публикаций приходится на «мусорные» журналы, в которых нет оценки научного качества получаемых материалов; 88,2% отмечают, что рост профессиональной нагрузки ведет к снижению качества образовательной и научной деятельности.

Для второго эмпирического индикатора – *стимулирование межвузовской и внутривузовской конкуренции среди сотрудников*, выбран такой интегральный показатель, как подушевое финансирование студентов.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение преподавателей к подушевому финансированию студентов, %
The ratio of teachers to per capita funding of students, in %

Варианты ответов	Суммарный итог
<i>Отрицательное</i> , вузы практически перестали отчислять студентов, чтобы не уменьшалось штатное расписание	47,1
<i>Положительное</i> , подушевое финансирование – оптимальный инструмент государственной поддержки образования	6,7
<i>Положительное</i> , объем подушевого финансирования точно отражает итоги межвузовской конкуренции за ресурсы	13,9
<i>Затрудняюсь ответить</i>	32,3

Уязвимость менеджериализма, когда он нацеливается на выдавливание из образовательной системы неконкурентных вузов и специальностей, состоит в том, что государство не может отказаться от финансирования не востребованных на рынке профессий. Классическим примером служит педагогическое направление. Оно заполняется абитуриентами по остаточному принципу, но это не значит, что на него нужно выделять меньше бюджетных мест или сокращать финансирование из-за отчисления несостоятельных в будущей профессии студентов. Как раз наоборот, совсем ни к чему обучать тех, кто не хочет или не сможет впоследствии работать школьным учителем. Однако на практике слабые и немотивированные студенты не отчисляются, что приводит к неоптимальной растрате государственных средств.

Сама по себе идея о развитии межвузовской конкуренции, или тем более конкуренции среди коллег-преподавателей, абсолютно экзогенна традициям высшей школы. Так, по нашему опросу готовность подменить коллегу на занятиях выразили 92,5% опрошенных, что свидетельствует об отсутствии конкурентных установок в профессиональной коммуникации.

Третий эмпирический индикатор – повышение профессионализации управления университетами.

Таблица 3 (Table 3)

Выбор между профессионалом-специалистом и профессиональным менеджером на пост руководителя вуза, %

The choice between a professional specialist and a professional manager for the post of head of the university, in %

Варианты ответов	Суммарный итог
<i>Профессионал-специалист, т. к. предметному управлению можно обучиться только в ходе практической работы</i>	49,8
<i>Профессионал-специалист, т. к. у него имеется не только понимание, но и ответственность за результат внутри сообщества</i>	45,6
<i>Профессиональный менеджер, т. к. он умеет работать в соответствии с критериями эффективности</i>	13,7
<i>Профессиональный менеджер, т. к. он специально обучен для управленческой деятельности</i>	9,3
<i>Затрудняюсь ответить</i>	11,2

Разбивка переменной на предложенные респондентам заданные значения основана на одной из базовых идей менеджериализма, в соответствии с которой эффективный менеджер лучше специалиста-предметника, т. к. он свободен от разного рода зависимостей, которые потенциально способны возникнуть в коллективе, откуда управленец был делегирован на руководящую должность. Менеджер не имеет обязательств, а потому обладает большим потенциалом для обеспечения эффективности в управленческой деятельности. Однако наши респонденты не согласились с данной позицией, сделав выбор в пользу традиционной модели управления, при которой администрация вузов формируется из преподавательской среды и выдвигается самими преподавателями.

Также важно отметить, что преподаватели негативно относятся к наметившемуся отказу от принципа выборности ректора, который заменяется его контрактным назначением уполномоченными органами федеральной власти. За избрание ректора трудовым коллективом или ученым советом высказались 62,9% опрошенных. Показательно, что 61,1% (при 10,9% затруднившихся сделать выбор) указали на необходимость сохранения традиционной вузовской системы управления «ректорат–факультет–деканат–кафедра», которая сейчас заменяется разного рода структурными инновациями, нацеленными на создание ручной модели управления, удобной для эффективных менеджеров. 86,6% респондентов выступили за возвращение академической автономии, построенной на принципах самоуправления и самоорганизации, в том числе в сфере оценки эффективности в достижении целей образовательной организации.

Результаты показывают, что менеджериализм воспринимается респондентами даже как более экзогенное явление для академической среды, чем государственная власть.

Далее обратимся к группе студентов. Здесь результаты опроса будут представлены по двум индикаторам. Первый индикатор – *интенсификация образовательной деятельности студентов*.

Таблица 4 (Table 4)

Оценка предполагаемых изменений активности на практических занятиях в случае отмены БРС, %
Estimation of the expected changes in activity in practical classes in the case of the abolition of the BRS, in %

Заданные значения	Образовательный статус		
	Бакалавр (специалист)	Магистрант	Аспирант
Стал(а) отвечать намного чаще, т. к. снизилась бы активность тех, кто учится только ради баллов	27,1	19,5	18,4
Моя активность на практических занятиях не зависит от действующей БРС	35,5	51,6	68,4
Если активность на практических занятиях никак не отразится на снижении сложностей по сдаче экзамена или зачета, то интенсивность моего участия в учебной деятельности существенно снизится	37,4	28,9	13,2

БРС вводилась для того, чтобы студенты могли управлять своей образовательной траекторией. Она является отражением менеджеристских представлений о студентоцентрированности современных университетов.

Учебная деятельность магистрантов, а еще в большей степени аспирантов от действующей БРС зависит в меньшей степени, чем у бакалавров (специалистов). Это легко объяснимо, т. к. в группах меньшего размера соответственно меньше и формализма со стороны преподавателей. К тому же надо принимать рост их образовательного статуса и более высокую готовность к овладению профессией. Что касается обучающихся первого звена системы высшего образования, то больше половины из них потенциально могут считаться пострадавшими от действующей БРС. Одним хочется активность снизить, другим – повысить. Здесь проявляется целый комплекс проблем, порождаемых менеджеристским подходом к образованию. Во-первых, у более трети студентов опять стимулируется имитационная активность. Более обоснованно было бы отчислить их из вуза, как незаинтересованных в приобретении профессии. Потенциально их может быть даже больше, т. к. для какой-то части обучающихся БРС стала хорошей возможностью не штудировать научную литературу и учебники, поскольку балльно-рейтинговая система фактически ликвидировала зачетную форму отчетности в высшей школе. Во-вторых, стимулируя имитационную активность, данная модель учета знаний ведет к неоправданным расходам на федерального бюджета, поддерживая образовательный статус у индифферентных студентов. В-третьих, БРС препятствует работе преподавателя с действительно заинтересованными в овладении изучаемой профессией студентами. Вместо того чтобы уделять повышенное внимание

мотивированным обучающимся, преподаватель вынужден равномерно распределять время на всех, что в условиях размера групп от 20 до 25 (а иногда и больше) человек резко снижает качество образования. Таким образом, вновь имеет место инверсия качества в профессиональной подготовке.

Второй индикатор – *стимулирование межвузовской конкуренции*.

Таблица 5 (Table 5)

Оценка способности пакета образовательных программ (РПД, ФОСы, матрица компетенций и т. п.) повысить качество образования, %
Assessment of the ability of the package of educational programs to improve the quality of education, in %

Варианты ответов	Суммарный итог
Я никогда не видел эти документы	54,5
Разработка этих документов отвлекает преподавателей от образовательной деятельности	27,9
Пакет образовательных программ необходим для обеспечения стандартов качества в образовательной деятельности	12,1
Пакет образовательных программ является декларацией качества образовательных услуг	11,8

Основная профессионально-образовательная программа (ОПОП) принималась в целях обеспечения гарантий качества в деятельности НПР и одновременно его декларации для обучающихся. Связанные с ним контрольные процедуры рассматриваем как институциональный барьер, препятствующий обеспечению качества образования. Речь идет о жесткой формализации образовательного процесса, реализуемого через выстраивание всех интеракций учебной деятельности в строгом соответствии с требованиями образовательных стандартов. Однако студенты не видят смысла в этих документах. Что касается второй цели, преследуемой в данной модели управления, – повышение конкуренции между вузами, то она имеет имитационный характер, т. к. на документы ОПОП обращают внимание лишь 11,8% из числа опрошенных обучающихся. При этом в группе бакалавров их численность падает до 6,5%.

Работа с третьей группой – эффективными менеджерами, осуществлялась с применением глубинных интервью. По итогам обработки полученных данных можно составить их характеристики по отношению к менеджерской модели.

Главное их свойство – амбивалентность, проявляющаяся из-за работы преподавателем в прошлом и управленческой деятельности в настоящем. Она складывается из содержательной противоречивости личного опыта в качестве преподавателя, полученного при работе в классических университетах, и эффективного менеджера, приобретенного в университете менеджерского типа. В первом случае их деятельность протекала в условиях академической автономии, во втором – внешнем назначении для выполнения государственного задания, эффективность которого определяется через целевые показатели. Отсюда большая часть суждений

имела противоречивый, двойственный характер и проявлялась в негативном отношении к частным практикам менеджеризма и его одобрению в целом как управленческой идеологии.

Практически все опрошиваемые выступали в поддержку активизации работы ППС для исполнения целевых показателей и одновременно, не принимали неизбежные результаты стимулирования активности в виде резкого снижения принятых ранее стандартов качества; позитивно отнеслись к концепции эффективных контрактов, но при этом отмечали, что ее реализация на практике привела к тому, что ППС практически перестал исполнять те виды деятельности, которые необходимы по роду преподавательской работы, но которые невозможно включить в контрактное премирование; всемерно соглашались с идеей клиентоориентированности работы вуза (центр притяжения всех сил в университете – студент), но констатировали невозможность ее практической реализации из-за различий между российскими и западными студентами. Выявленная противоречивость обнаруживала себя и в пределах ответа на один вопрос, и при сопоставлении результатов по разным вопросам. С одной стороны, менеджеры стремятся к лояльности по отношению к тем силам, которые выдвинули их на контрактную должность. Данное стремление активизирует обязанность исполнять целевые показатели независимо от их полезности. С другой стороны, они видят взаимосвязь между требованиями менеджеристской активности и снижением качества результатов в научной и образовательной деятельности, когда она подчиняется исполнению целевых показателей. Эффективным менеджерам, как и преподавателям, свойствен институциональный оппортунизм, хотя его степень ожидаемо не так сильна и открыта.

В процессе обработки данных выделено два типа эффективных менеджеров. В первой группе подавляющее большинство ориентировано на внешнюю лояльность менеджеристской идеологии, но сомневается, что в российской высшей школе, а в широком смысле во всем обществе, имеются условия, необходимые для ее практического применения. Именно этот тип менеджеров чаще всего констатирует инверсию качества, расхождение между целями менеджеризма и образования (науки), необходимость расширения академических свобод в противовес менеджеристскому стремлению детально контролировать весь образовательный процесс. Вторая группа складывается из последовательных и убежденных сторонников менеджеризма. Его однозначных последователей немного (два эксперта из тридцати четырех). Их вера основывается на убежденности, что инверсия качества имеет несущественные проявления, а все проблемы этого этапа можно будет преодолеть за счет изменения цифр, формирующих целевые показатели. Однозначных противников менеджеризма среди администраций вузов, оказавшихся в выборке, не выявлено.

Обсуждение и заключение

Подтвердились все сформулированные гипотезы об институциональных барьерах достижения целей высшего образования в условиях менеджериализма.

Первая гипотеза: *произошла инверсия качества в науке и высшем образовании*. На это указали респонденты в каждой из трех групп социальных акторов высшей школы. Позиция преподавателей подтверждена следующими фактами: необоснованным завышением баллов на экзаменах (зачетах) и снижением у студентов мотивации к учебной деятельности; трансформацией учебного процесса в «погоню за баллами» из-за перевода оценивания в формат БРС; отказом от практики отчисления неуспевающих студентов (негативный эффект подушевого финансирования) и выдачи дипломов неквалифицированным специалистам; девальвацией качества научных публикаций из-за гонки за количеством и т. п. Снижение качества образования по студенческим ответам установлено на основе следующих позиций: нецелевой характер расходования бюджетных ресурсов студенческими советами; одномерное разделение внимания преподавателей на всех студентов независимо от их мотивации к учебе в связи с необходимостью последних получать баллы по системе БРС; падение мотивации к образовательной деятельности на последних курсах вследствие утраты страха быть отчисленными за неуспеваемость; доминирование под влиянием ЕГЭ безрисковых стратегий поступления в вуз, что снижает ценность выбранного образовательного направления. Эффективные менеджеры выступили экспертами по всем выделенным параметрам инверсии качества и подтвердили их актуальность.

Вторая гипотеза: *цели менеджеристского понимания эффективности и традиционные цели высшей школы оказались рассогласованными*. Данная гипотеза нашла лишь частичное подтверждение. Так, существенных различий в целях образовательной деятельности между преподавателями и студентами не выявлено. Но этого нельзя сказать в отношении эффективных менеджеров, ценностные ориентации которых относительно роли количественных показателей разделяет явное меньшинство обучающихся и ППС, что особенно заметно на примере средств обеспечения целевых показателей. По сути, позиция преподавателей и студентов сводится к тому, чтобы отказаться от менеджеристских инструментов обеспечения эффективности. Это входит в противоречие с точкой зрения эффективных менеджеров, которые в большинстве своем не видят альтернативы менеджериализму, поскольку убеждены в неспособности академического сообщества работать на началах самоорганизации и самоконтроля. Противоречивая ситуация выявлена относительно разумности использования ресурсов для достижения целей. И студенты, и преподаватели, и эффективные менеджеры говорят о доминировании имитационных практик: учебное время распределяется нерационально; интеллектуальный ресурс растворяется в потоке низкокачественных работ; финансовые ресурсы направляются на поддержку не имеющих научной и образовательной ценности проектов и т. п.

Всеми акторами риски недостижения целей осознаются, но именно те, кто должен докладывать главному гаранту качества – государству о необходимости изменений, в глубинных интервью практически единодушно высказывались о безальтернативности менеджеристской идеологии.

Третья гипотеза: *жесткая регламентация занятости профессорско-преподавательского состава ведет к снижению качества работы ППС, а следовательно, к потере ее эффективности.* Данная гипотеза подтвердилась резким неприятием со стороны ППС системы менеджмента качества, обязательств по составлению календарных планов, проведению мониторинга и т. д. Но дело не только в острой неприязни к перечисленному, а в имитационном характере всех видов работ, которые жестко регламентируют исполнение профессиональных обязанностей преподавателя, приводят к большим растратам эмоциональных, интеллектуальных и временных ресурсов, а реального смысла, нацеленного на улучшение научной или образовательной деятельности, не имеют. Эта позиция разделяется даже большинством эффективных менеджеров, которую можно выразить через формулу: «смысла в них нет, но делать надо обязательно».

Подтверждение эмпирической гипотезы позволяет нам выйти на более высокий уровень обобщения, для чего воспользуемся представленным в методологическом разделе понятийным аппаратом. Он разработан на основе неинституциональной методологии и включает в себя такой терминологический ряд, как социальный институт, институциональное равновесие, трансакционные издержки, рациональность выбора, контрактная экономика.

Итак, исходный тезис для заключения: менеджеристские реформы привели социальный институт высшего образования к утрате целевых ориентиров, значимых для общества и социальных акторов, и массовому распространению имитационных практик как результату адаптации к новым ценностям и формальным нормам. Его реальная, а не декларативная эффективность заметно снизилась.

Во-первых, нарушилось институциональное равновесие, что особенно заметно на примере ППС и эффективных менеджеров. Следствием этого становится рост оппортунистического поведения в форме явного или латентного отказа следовать новым правилам. В последнем случае речь идет об имитационном следовании менеджеристским нормам, но внутреннем неприятии их ценности для высшей школы. Отчасти это свойственно даже эффективным менеджерам, что органично их амбивалентной природе.

Во-вторых, менеджеризм приводит к росту трансакционных издержек в высшем образовании. Государство в последние два десятилетия заметно увеличило объем вложений в высшую школу, что хорошо видно по сопоставлению расходных статей в программах развития. Однако результатом стало лишь снижение качества науки и образования. Финансовые ресурсы распределяются на поощрение имитационных проектов, поддержку публикационной активности, рост индексов цитирования и т. п. Но трансакционные издержки – это не только нецелевые траты денежных средств. Следует не забывать и о других видах ресурсов: интеллектуаль-

ных и временных. За увеличение публикационной активности и индексов цитирования приходится платить деформацией профессиональной этики, провалами в подготовке кадрового резерва, необоснованной тратой времени на выпуск огромного объема статей и участия в большом количестве проектов, на качественное исполнение которых объективно не хватает времени и научного материала.

В-третьих, полученные данные свидетельствуют о том, что менеджизм является не самой удачной альтернативой для достижения индивидуальных целей акторов социального института высшей школы. К этому выводу подводят: выявленная амбивалентность эффективных менеджеров, имитационный характер научной и образовательной деятельности ППС, использование студентами в процессе поступления в вуз и учебной работы ресурсосберегающих технологий. Данный вывод делается при допущении предположения о том, что индивидуальные цели перечисленных акторов в основе своей совпадают с институциональными – профессиональной подготовкой, научными инновациями, социализацией студентов. Если же этого согласования не делать и в качестве нормы допустить целевую рассогласованность между разными группами института высшей школы, то очевидные бенефициарии в менеджеристской парадигме безусловно имеются. Это чиновники от науки и образования, которые получают простые и понятные индикаторы для выстраивания своих карьерных траекторий; разного рода псевдоученые, не обладающие профессиональной этикой и готовые ради количественных показателей воспринимать науку как разновидность спорта; незаинтересованные в профессиональном обучении студенты, поскольку при формально измеряемых метриках стало легче имитировать учебную деятельность.

В-четвертых, в российских университетах не формируется среда контрактной экономики. Ожидалось, что отдача от науки вырастет благодаря тому, что применение менеджеристских инструментов сформирует новую модель взаимодействия ППС, руководства вузов, бизнеса и уполномоченных органов государственной власти. Это сработало, но лишь отчасти. В университетах действительно проводятся научные исследования, результаты которых можно быстро монетизировать на рынке технологий или через грантовую деятельность. Однако этой способностью обладает крайне ограниченный сегмент научных разработок. Многие из того, что делают ученые, это работа на перспективу или «чистая» наука, не имеющая продажного потенциала. Особенно это касается социогуманитарной сферы. Сами показатели приоритетно рассчитываются с учетом особенностей точных наук. Отсюда закономерным становится отставание гуманитариев в показателях. Это только укрепляет представление о них как о чем-то ненужном и излишнем в университете менеджеристского типа. В этих условиях рост имитационных практик становится формой приспособления к заведомо уязвимой статусной позиции.

Таким образом, социальный институт высшей школы, находящийся под управленческим воздействием менеджеристских инструментов, не может быть определен как эффективный. Престижность высшего образова-

ния снижается, падает качество научных исследований, учебной деятельности времени уделяется все меньше как студентами, так и преподавателями, продолжает снижаться мотивация у всех акторов. Финансовые вложения себя не оправдывают. Содержательная сторона вытесняется формальной, т. к. именно последняя считается наиболее результативной и дает показатели, по которым удобнее всего измерять эффективность.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н. Менеджериализация и трудовые порядки университетской жизни: российский и международный контексты // Социологический ежегодник. 2016. № 2015–2016. С. 140–155.
2. Авдеева А. А. Проектный подход как способ государственного управления, нацеленного на результат // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-1. С. 190–193. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-10-1-190-193.
3. Баснукаев И. Ш. Управление проектом по временным параметрам // Финансовая экономика. 2020. № 11. С. 412–417.
4. Володарская Е. А. Системы количественных показателей эффективности исследовательских работ // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6. С. 158–171. DOI: 10.24411/2414-9241-2020-10011.
5. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // Terra Economicus. 2019. № 17. С. 146–162. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162.
6. Дадаев Я. Э. Возможности и риски коммерциализации высшего образования // Журнал прикладных исследований. 2022. № 2-2. С. 135–143. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_2_2_135; EDN: RGRUQA.
7. Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 96–98.
8. Ковалев В. В., Молдобаев Т. Ш., Молитвин М. Н., Суязов В. В. Анализ эффективности программ поддержки российских университетов (2010–2020) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. Т. 38. № 2. С. 208–234. DOI: 10.21638/spbu05.2022.203; EDN: ХССВНУ.
9. Корытцев М. А. Реформы высшего образования в контексте политики нового менеджериализма // Вопросы регулирования экономики. 2019. № 4. С. 162–170. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.162-170.
10. Леонов О. Л. Реформирование государственного управления и новый менеджериализм: уроки для Донбасса // Инновационные перспективы Донбасса. Донецк: ДНТУ, 2016. С. 48–53.

11. Леонтьева В. В. Клиентоориентированный подход при оказании муниципальных услуг // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 2. С. 20–30.
12. Ложкина А. С. Применение принципов и моделей клиентоориентированного подхода в управлении проектами // Управление проектами: идеи, ценности, решения. Сб. ст. СПб.: СПГА-СУ, 2019. С. 229–239.
13. Орлов И. Б. Современные теоретические доктрины государственной политики и управления // Право и управление. XXI век. 2013. № 3. С. 45–52.
14. Романов Е. В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 100–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115; EDN: RLVPWI.
15. Сюпова М. С. Показатели эффективности регионального управления в здравоохранении // Ученые записки ТОГУ. 2020. Т. 11. № 4. С. 94–99.
16. Тютин Д. В. Эволюция нового государственного управления: логика эффективности, результативности и менеджмента публичных ценностей // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 179–181.
17. Akerlof G. A. Identity and the Economics of Organizations // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 9–32. DOI: 10.1257/0895330053147930.
18. Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums // Governance. 2005. Vol. 3. No. 2. P. 115–137. DOI: 10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x.
19. Azariadis C. Implicit contracts and underemployment equilibria // Journal of Political Economy. 1975. No. 83. P. 1183–1202. DOI: 10.1086/260388.
20. Carr F. The Public Service Ethos: Decline and Renewal // Public Policy and Administration. 1999. Vol. 14. No. 4. P. 3–14.
21. Commons J. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. No. 21. P. 648–657.
22. Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique // Australian Journal of Public Administration. 1988. Vol. 47. No. 1. P. 7–15. DOI: 10.1111/J.1467-8500.1988.TB01042.X.
23. Denhardt J. V., Denhardt R. B. The New Public Service Revisited // Public Administration Review. 2015. Vol. 75. Iss. 5. P. 45–50. DOI: 10.1111/puar.12347.
24. Frederickson H. G. The Spirit of Public Administration. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. 272 p.
25. Heckscher C. C. The New Unionism: Employee Involvement in the Changing Corporation. Ithaca, NY: ILR, 1996. 302 p.

26. Hood C. A Public Management for All Seasons? // *Public Administration*. 1991. Vol. 69. No. 1. P. 3–19.
27. Le Grand J. *Equity and choice*. London: Harper Collins Academic, 1999. 190 p.
28. North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1990. 152 p.
29. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector*. N.Y.: Plume, 1992. 405 p.
30. Pollitt C. *Managerialism and the Public Service: the Anglo-American experience*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1992. 222 p.
31. Terry L. D. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement // *Public Administration Review*. 1998. Vol. 58. No. 3. P. 195–199. DOI: 10.2307/976559.

Получено редакцией: 12.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления, Южный федеральный университет

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3

Efficiency of Management of Higher Education in Russia in the Practices of Application of Managerial Tools

Alexander V. Dyatlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: avdyatlov@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5914-4744

Vitaly V. Kovalev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: vitkovalev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8439-3117

For citation: Dyatlov A. V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in russia in the practices of application of managerial tools. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3; EDN: RGIKSM

Abstract. The managerial ideology for two decades of its use as a management model in the system of higher education in Russia has demonstrated its inefficiency. It has become a source of higher education losing its social purpose. The purpose of the study: to establish the ability of state managerialism to ensure the effective management of the Russian institution of higher education. Methodology: neo-institutional theory. Methods: document analysis; mass sociological survey among students and teachers; in-depth interviews with vice-rectors and deans of seventeen Russian universities. Hypothesis: the effectiveness of higher education management in the practice

of applying managerialism is hindered by three barriers: 1) quality inversion, that can be caused by the disinterest of social actors to work effectively in the conditions of applying managerial ideology; 2) the mismatch between the managerial understanding of efficiency and the goals of higher education. In this case, we are talking about a deliberate rejection of the traditional goals of higher education for the sake of the formal implementation of managerial norms; 3) strict regulation of the work of the teaching staff, the reverse consequence of which is predicted to be the imitative fulfilment of the prescribed rules for the professional activities of students.

Three empirical indicators were used to test the hypothesis: intensification of educational and scientific activities; stimulation of inter-university and intra-university competition among employees; increasing the professionalisation of university management.

In the course of using survey methods, the effectiveness of state managerialism was refuted through the respondents' rejection of managerial values, the negative impact of institutional barriers on the process of achieving the goals of higher education, and the recognition of the neo-optimal (inefficient) nature of the use of budgetary funds. Instead of improving management efficiency, there is the emergence of imitative practices that are a direct consequence of formal adaptation to new institutional conditions. Professionals who are forced to adapt to managerial tools develop adaptive self-regulation strategies derived from their resource capabilities. As a result, new management tools operate in idle, on their own, in isolation from the target orientations of professional activity. This gives rise to a directly opposite effect on the goal conceived by the reformers: the effectiveness of management is reduced due to a sharp increase in the costs of using managerial tools and failure to achieve traditional professional goals. A paradoxical situation arises: according to formal signs, there is an increase in efficiency, but according to real results, a sharp decrease in the level of professionalism and expected social utility.

Keywords: management, managerialism, efficiency, managerial tools, higher education, social institution

References

1. Abramov R. N. Managerialization and labor orders of university life: Russian and international contexts. *Sociologicheskij ezhegodnik*, 2016: 2015–2016: 140–155 (in Russ.).
2. Avdeeva A. A. Project approach as a method of public administration aimed at the result. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2021: 10-1: 190–193 (in Russ.). DOI: 10.24412/2500-1000-2021-10-1-190-193.
3. Basnukaev I. Sh. Project management by time parameters. *Finansovaya ekonomika*, 2020: 11: 412–417 (in Russ.).
4. Volodarskaya E. A. Systems of quantitative indicators of effectiveness of research works. *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnyh kollektivov*, 2020: 6: 158–171 (in Russ.). DOI: 10.24411/2414-9241-2020-10011.
5. Volchik V. V., Maslyukova E. V. Reforms, implicit knowledge and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*, 2019: 17: 146–162 (in Russ.). DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162.
6. Dadaev Y. E. Opportunities and risks of commercialization of higher education. *Zhurnal prikladnyh issledovaniy*, 2022: 2-2: 135–143 (in Russ.). DOI: 10.47576/2712-7516_2022_2_2_135; EDN: RGRUQA.
7. Kirdina S. G. Institutional structure of modern Russia: evolutionary modernization. *Voprosy ekonomiki*, 2004: 10: 96–98 (in Russ.).
8. Kovalev V. V., Moldobaev T. Sh., Molitvin M. N., Suyazov V. V. Analysis of Efficiency of Programs to Support Russian Universities (2010–2020). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 2022: 38: 2: 208–234 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu05.2022.203; EDN: XCCBHV.
9. Korytcev M. A. Reforms of higher education in the context of the policy of new managerialism. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 2019: 4: 162–170 (in Russ.). DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.162-170.
10. Leonov O. L. Reforming public administration and new managerialism: lessons for Donbass. In *Innovative prospects of Donbass*. Donetsk, DNTU, 2016: 48–53 (in Russ.).
11. Leontyeva V. V. Client-oriented approach in the provision of municipal services. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie*, 2018: 2: 20–30 (in Russ.).
12. Lozhkina A. C. Application of principles and models of the client-oriented approach in project management. In *Project Management: Ideas, Values, Solutions Coll. of art*. St. Petersburg, SPGA-SU, 2019: 229–239 (in Russ.).

13. Orlov I. B. Sovremennye teoreticheskie doktriny gosudarstvennoj politiki i upravleniya [Modern theoretical doctrines of public policy and management]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2013: 3: 45–52 (in Russ.).
14. Romanov E. V. Publication activity of Russian universities: from “academic capitalism” to “academic socialism”. *Voprosy ekonomiki*, 2023: 2: 100–115 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115; EDN: RLVPWI.
15. Supova M. S. Indicators of regional management effectiveness in health care. *Uchenye zapiski ToGU*, 2020: 11: 4: 94–99 (in Russ.).
16. Tyutin D. V. Evolyuciya novogo gosudarstvennogo upravleniya: logika effektivnosti, rezul'tativnosti i menedzhmenta publicnyh cennostej [Evolution of the new public administration: the logic of efficiency, effectiveness and management of public values]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014: 5: 179–181 (in Russ.).
17. Akerlof George A. Identity and the Economics of Organizations. *Journal of Economic Perspectives*, 2005: 19:1: 9–32. DOI: 10.1257/0895330053147930.
18. Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums. *Governance*, 2005: 3: 2: 115–137. DOI: 10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x.
19. Azariadis C. Implicit contracts and underemployment equilibria. *Journal of Political Economy*, 1975: 83: 1183–1202. DOI: 10.1086/260388.
20. Carr F. The Public Service Ethos: Decline and Renewal. *Public Policy and Administration*, 1999: 14: 4: 3–14.
21. Commons J. Institutional Economics. *American Economic Review*, 1931: 21: 648–657.
22. Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique. *Australian Journal of Public Administration*, 1988: 47: 1: 7–15. DOI: 10.1111/J.1467-8500.1988.TB01042.X.
23. Denhardt J. V., Denhardt R. B. The New Public Service Revisited. *Public Administration Review*, 2015: 75: 5: 45–50. DOI: 10.1111/puar.12347.
24. Frederickson H. G. The Spirit of Public Administration. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 1997: 272.
25. Heckscher C. C. The New Unionism: Employee Involvement in the Changing Corporation. Ithaca, New York, ILR, 1996: 302.
26. Hood C. A Public Management for All Seasons? *Public Administration*, 1991: 69: 1: 3–19.
27. Le Grand J. Equity and choice. London, Harper Collins Academic, 1999: 190.
28. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990: 152.
29. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. New York, Plume, 1992: 405.
30. Pollitt C. Managerialism and the Public Service: the Anglo-American experience. Cambridge, MA, Basil Blackwell, 1992: 222.
31. Terry L. D. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement. *Public Administration Review*, 1998: 58: 3: 195–199. DOI:10.2307/976559.

The article was submitted on April 12, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management, Southern Federal University

Vitaly V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University

ТЕМА НОМЕРА

**ПРОЦЕССЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (БЮРОКРАТИЗАЦИИ)
В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.6

EDN: OXJTPY

**Влияние образования
на молодежные волонтерские практики
в условиях общей формализации системы:
кейс Свердловской области¹**

Ссылка для цитирования: Шуклина Е. А., Певная М. В., Минченко Д. В. Влияние образования на молодежные волонтерские практики в условиях общей формализации системы: кейс Свердловской области // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 92–113. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.6; EDN: OXJTPY

For citation: Shuklina E. A., Pevnaya M. V., Minchenko D. V. The impact of education on youth volunteer practices in conditions of the general formalisation of the system: the case of the Sverdlovsk Region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 92–113. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.6; EDN: OXJTPY

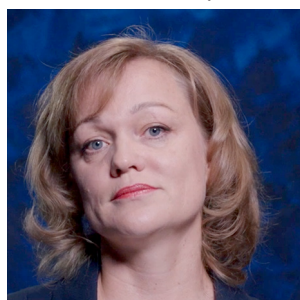

AuthorID РИНЦ: 137656

**Шуклина
Елена Анатольевна¹**

¹Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

e.a.shuklina@urfu.ru

AuthorID РИНЦ: 594823

**Певная
Мария Владимировна¹**

¹Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

m.v.pevnaya@urfu.ru

AuthorID РИНЦ: 1160222

**Минченко
Дарья Вячеславовна¹**

¹Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

minchenkodarya@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания. Проект FEUZ-2022-0026.

Аннотация. В статье анализируются особенности волонтерской деятельности образовательных общностей учащихся (школьников, студентов колледжей и вузов), формирующиеся под воздействием образовательной среды. Цель исследования заключается в выявлении различий волонтерских практик молодежи на разных уровнях образования, оказывающих влияние на волонтерскую деятельность учащихся, раскрытии условий ее формирования и развития. Эмпирическая база работы – данные анкетного опроса молодежи 14–24 лет ($n=996$, выборка – квотная), включающего 42% старшеклассников, 30% учащихся образовательных учреждений среднего профессионального образования и 28% студентов вузов из 70 муниципальных образований Свердловской области. Опрос дополняют данные девяти фокус-групповых интервью с учащимися школ, колледжей и вузов Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Краснотурьинска, проведенных в 2022 г. Данные социологических исследований позволили охарактеризовать типичные для школьников и студентов волонтерские практики, связанные с опытом и характером этой деятельности среди молодежи, а также с условиями образовательной среды. Образовательной общностью с наиболее выраженной добровольческой субъектностью являются студенты вузов. У них выше вовлеченность в волонтерство, самоидентификация со статусом волонтера, самомотивация добровольческой деятельности. При этом в вузах нивелируется роль наставников, фрагментирована связь образования и волонтерской активности. Типичные волонтерские практики школьников базируются во многом на ценностях, которые закладываются в рамках информального образования. Школьный опыт волонтерства отличается выраженной эмоциональной доминантой, фрагментарностью, разрозненностью и во многом бессистемностью. Он эффективен во многом благодаря личности наставника-учителя, вовлекающего старшеклассников. Волонтерство студентов колледжей характеризуется явно сниженной мотивацией при доминирующем административно-авторитарном характере организации добровольчества педагогами-организаторами и ограниченной вариативности проектов и направлений волонтерского участия. В статье показана зависимость характера волонтерских практик учащейся молодежи от организационной среды системы образования на разных ее уровнях. Практическая значимость исследования связана с обоснованием необходимости внедрения в образовательные программы колледжей и вузов технологии «service-learning». Она позволит повысить роль наставников в формировании волонтерских практик учащихся и имплементировать волонтерскую деятельность в образовательный процесс, тем самым повлияв на углубление вовлеченности студентов в волонтерские проекты, расширение вариативности последних и повышение их привлекательности для молодежи.

Ключевые слова: волонтерство, социальные проекты, воспитательная деятельность, формальное, неформальное, информальное образование, образовательная среда, уровень образования

Актуальность проблемы

Связь образования и добровольчества – широкая, многогранная область междисциплинарных исследований, в которой можно выделить два тренда: от «добровольчества к образованию» и от «образования к добровольчеству». В первом случае исследуется функциональная нагруженность добровольчества как инструмента образовательной и воспитательной деятельности, во втором – образование рассматривается как комплекс факторов, обуславливающих функционирование и развитие добровольчества.

Педагоги, социологи, психологи, антропологи, представители сферы управления, эксперты в области организации волонтерской деятельности предлагают свои подходы к концептуализации проблемы и раскрытию разных ее аспектов, связанных с реализацией образовательных функций добровольчества, развитием социальной ответственности, гражданского сознания, культуры участия через волонтерскую деятельность, приобретением практического опыта и профессиональных компетенций, знаний и *soft skills*, лидерских качеств и репутации, влияющих на социальное самоопределение, становление и развитие личности, ее самореализацию и социальную мобильность.

С другой стороны, исследуется влияние формального, неформального и информального образования на добровольчество как социальный феномен и вид деятельности. Эффективность волонтерской деятельности, реализуемой образовательными организациями разного уровня (от школьного к высшему); востребованность и адекватность образовательных ресурсов некоммерческих организаций и фондов уровню запросов волонтеров; информальное образование в семье как канал межпоколенческой передачи традиций волонтерства, исследуемый в контексте социального научения, межпоколенной трансмиссии ценностей [16] и др. – вот примеры направлений исследовательского поиска в изучении влияния образования на добровольчество. Интегральной версией этого направления связи образования и добровольчества можно считать применение социальных технологий «*service-learning*»: внедрение волонтерских практик в образовательный процесс, «обучение служению через волонтерство» [6; 13; 14]. Они отличаются от собственно волонтерства наличием осознанно выстроенной связи с учебной программой (или ее частью). В чистом виде в российской системе образования технологии «*service-learning*» встречаются нечасто, но их аналоги в учебном процессе присутствуют на всех уровнях образования, являясь объектом междисциплинарных исследований [2].

В нашем исследовании мы ориентируемся скорее на второе направление – от «образования к добровольчеству». Объектом исследовательского интереса авторов являются особенности волонтерской деятельности образовательных общностей учащихся (школьников, студентов колледжей и вузов), формирующиеся под воздействием образовательной среды. Цель работы – выявить различия волонтерских практик образовательных общностей на разных уровнях образования, оказывающих влияние на волонтерскую деятельность молодежи, раскрыть условия ее формирования и развития.

Методология и методы исследования

Для современных подходов к анализу добровольчества характерно его рассмотрение в контексте обширных социальных связей [27], где социологи анализируют реальность, обращаясь к общественному или массовому сознанию [11], либо к действующим субъектам как актерам в условиях

специфичной региональности и локальности общественных движений, проявлений активизма [1; 19; 20] в качестве социального механизма формирования солидарности, обеспечивающего воспроизводство социального капитала [17], когда включенность в добровольные ассоциации в процессе реализации волонтерского труда формирует чувство сопричастности к решению важных социальных вопросов, ответственное отношение к тому, что происходит вокруг [4; 20]. В этом контексте волонтерская деятельность остается жизненно важной частью повышения устойчивости сообщества и формирования человеческого капитала [30]. Молодежное волонтерство напрямую связано с гражданскими ассоциациями и сферой образования, где реализуются многие социальные проекты и инициативы, требующие молодежного участия [5]. Молодежное волонтерство выступает технологией формирования гражданственности и социальной ответственности.

В рамках междисциплинарных исследований активно разрабатываются теоретические подходы для изучения того, как разные образовательные факторы, в том числе уровень образования, связаны с добровольчеством и оказывают стимулирующее воздействие на желание молодежи заняться волонтерской деятельностью [21]. В литературе сложился консенсус относительно того, как на волонтерство влияет уровень образования. Выявлена положительная причинно-следственная связь в исследованиях в области политической психологии [22], экономических исследований волонтерства [23], управления его процессами [26] и др. Исследования влияния образования на волонтерскую деятельность в кросс-национальной перспективе позволили оценить его не только в качестве сильного предиктора добровольчества [25], но и более дифференцированно рассмотреть опосредующие факторы, которые могут вмешиваться во взаимосвязь добровольчества и образования: когнитивные компетенции, формирующиеся в академическом образовании и направленные на развитие мотивации волонтерской деятельности; более высокий социальный статус, обусловленный наличием высшего образования; более широкий кругозор и, следовательно, большая осведомленность, побуждающая к активному социальному действию. В контексте организации молодежного волонтерства в качестве важнейшего фактора, определяющего результативность волонтерской активности, рассматриваются роль лидеров группы [3], тим-лидеров [15], руководителей проектов [12; 18]. Исследователи фиксируют важность создания условий для волонтерского участия. В образовательной среде они могут быть связаны с внедрением методов «педагогического управления добровольческими ресурсами» в системе профессионального образования, программно-целевого подхода в воспитательную работу [8], вариативностью молодежных проектов в учебном заведении [9; 10; 24].

Уровень образования имеет прямую связь с характером участия волонтеров в разных областях, таких как здравоохранение, социальная работа, культура, образование и др. Так, в США более половины всех международных волонтеров имеют степень бакалавра или выше [28]. При

этом трое из четырех добровольцев учились в каком-либо колледже [29]. Некоторые программы (как «Peace Corp») требуют наличия степени бакалавра в качестве предварительного условия для участия в программе.

Итак, при анализе влияния уровня образования на формирование волонтерских практик учащейся молодежи важно оценивать особенности волонтерства образовательных общностей, выделять типичные для них волонтерские практики, связанные с опытом этой деятельности среди школьников и студентов, а также с условиями образовательной среды, активностью организаторов-наставников и доминирующими в школах, колледжах и вузах проектами и направлениями молодежного участия.

Описание методики

Эмпирическое социологическое исследование волонтерских практик учащихся выполнено в октябре 2022 г. с применением нескольких методов. Проведен количественный опрос молодежи из 70 муниципальных образований Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет, выборка – квотная (ошибка с доверительной вероятностью 0,99 менее 3%). Выдержаны квоты: половозрастная структура молодежи; основной вид занятости: в зависимости от уровня образования – школа, колледж, вуз; место проживания молодежи: тип населенного пункта по численности населения. Объем выборки 996 человек, в ней 49% юношей и 51% девушек. Проживают в региональной столице 31%, в городах с населением от 100 тыс. до 1 млн человек каждый десятый, 14% – жители средних городов. 44% опрошенных – молодежь малых населенных пунктов, 14% проживают в городах с населением от 50 тыс. до 100 тыс. человек, каждый десятый – житель города с населением от 100 тыс. до 1 млн человек и 32% – жители региональной столицы. По типу учебного заведения в выборке 42% старшеклассников, 30% учащихся учреждений среднего профессионального образования (далее СПО), 28% студентов вузов.

В подвыборке студентов 43% обучаются по гуманитарным направлениям, педагогике и образованию, искусству и культуре, 18% – по укрупненной группе специальностей «Науки об обществе», 13% – по естественно-научным направлениям, почти четверть (26%) – по направлениям инженерное дело, технологии и технические науки.

Фокус-групповые интервью проведены в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и Краснотурьинске в октябре-ноябре 2022 г. Всего организовано девять интервью, в том числе три – со старшеклассниками, три – со студентами колледжей (СПО), три – со студентами вузов. Четыре фокус-групповых интервью (по одному со старшеклассниками и студентами колледжей, два со студентами вузов) состоялись в Екатеринбурге, где сосредоточены почти все высшие учебные заведения региона. Еще три фокус-групповых интервью проведены в Нижнем Тагиле (по одному со старшеклассниками, студентами колледжей и студентами вузов) и два – в малом региональном городе Краснотурьинске, административном центре округа (со школьни-

ками, со студентами колледжей). Выбранные населенные пункты типичны для Среднего Урала и отражают региональную специфику, являясь индустриальными городами. В целом в фокус-группах участвовали 61 информант, в том числе 20 школьников 10–11 классов, 21 студент колледжей и техникумов, 20 студентов вузов.

Обработка транскриптов фокус-групповых интервью выполнена в программе Atlas.ti. Основными кодами идентификации участников стали их волонтерский опыт, принадлежность к волонтерской организации, намерения в отношении волонтерской деятельности, самооценка своего волонтерского опыта в целом и последнего участия в волонтерской активности.

Особенности волонтерских практик учащейся молодежи Свердловской области: сравнительный анализ

С целью охарактеризовать типичные практики волонтерства представителей образовательных общностей с разным уровнем образования (старшекласников, студентов колледжей и вузов) проанализируем их особенности на количественных данных, задавая тем самым статистические рамки типичного. Понятие «образовательная общность» рассматривается нами как разновидность социальной общности, «которая характеризуется доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями» [7, с. 389].

Таблица 1 (Table 1)

Приходилось ли заниматься волонтерской деятельностью за последний год? % *

Have you volunteered in the past year? %

Варианты ответа	Школьники	Студенты колледжей	Студенты вузов	Всего
Да	35	27	42	34
Нет	65	73	58	66
Всего	100	100	100	100

*Примечание. Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,270.

Структурные характеристики образовательных общностей как субъектов волонтерской деятельности во многом схожи. Так, третья часть учащейся в Свердловской области молодежи имела в 2022 г. опыт волонтерской деятельности, который она идентифицировала (см. табл. 1). Наиболее активной эта деятельность была у студентов вузов (42%) и наименее – у учащихся колледжей (27%). При этом выбор заниматься либо нет волонтерской деятельностью был свободным и осуществлялся по собственному желанию 70% школьников, 69% студентов вузов и только 60% студентов колледжей.

За последний год волонтерские практики были связаны с местом учебы у 16% старшеклассников, 17% студентов колледжей и 28% студентов вузов. Характер этих практик определялся следующими направлениями (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

**Направления волонтерской деятельности,
которыми приходилось заниматься респондентам, % ***
Areas of volunteer work that respondents had to do, %

Варианты ответа	Школьники	Студенты колледжей	Студенты вузов	Всего
Экологическое ¹	59	53	58	57
Социальное ²	75	66	66	70
Политическое ³	9	10	9	9
Образовательное ⁴	22	22	32	25
Культурное ⁵	28	20	19	23
Спортивное ⁶	33	34	32	33
Всего	226	205	216	217

*Примечание. Сумма % > 100, т. к. респонденты могли одновременно выбрать несколько альтернатив.

По данным исследования, социальные проекты доминировали в волонтерской деятельности всех образовательных общностей. Образовательное направление более характерно для вузовской среды, культурное – для добровольчества школьников по сравнению с другими группами учащихся.

Наиболее высокий уровень включенности в волонтерство характерен для студентов вузов (75% занимались ею в 2022 году более-менее постоянно). Чуть ниже он у студентов колледжей (68%) и школьников (66%) (см. табл. 3).

¹ Рассчитано по показателям: «Принимал участие в экологических проектах, субботниках, благоустройстве и очистке территории...»; «Помогал конкретными делами бездомным животным, зоопаркам и заповедникам».

² Рассчитано по показателям: «Участвовал в социальных проектах, оказывал нуждающимся детям, старикам, инвалидам, больным людям помощь конкретными делами, собирал средства на благотворительность...»; «Помогал делами в детском саду, школе, досуговых учреждениях».

³ Рассчитано по показателям: «Помогал в проведении предвыборных кампаний, политических акций и мероприятий, участвовал в выборах как наблюдатель, агитатор, журналист».

⁴ Рассчитано по показателям: «Помогал в организации и проведении образовательных мероприятий (конференций, форумов, публичных лекториев, семинаров и т. д.)».

⁵ Рассчитано по показателям: «Помогал организовывать и проводить спектакли, концерты, кинопоказы, выставки и т. д.».

⁶ Рассчитано по показателям: «Помогал в организации массовых спортивных мероприятий».

Таблица 3 (Table 3)

Как часто вы занимались добровольческой деятельностью? %

How often have you volunteered? %

Частота участия респондентов в добровольческих проектах в 2022 г.	Школьники	Студенты колледжей	Студенты вузов	Всего
Постоянная работа в роли волонтера (практически 1 раз в месяц)	36	28	37	35
Периодическая работа в роли волонтера (3–5 раз в год)	30	40	38	35
Случайное участие в роли волонтера (1–2 раза в год)	34	32	25	30
Всего	100	100	100	100

*Примечание. Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,230.

С этим трендом соотносятся данные о самоидентификации со статусом добровольца/волонтера¹. Идентифицируют себя с ним (полностью и частично) 70% студентов вузов, 66% студентов колледжей и 64% школьников.

Таблица 4 (Table 4)

Планируете ли вы заниматься добровольчеством в будущем? %

Do you plan to volunteer in the future? %

Варианты ответа	Школьники	Студенты колледжей	Студенты вузов	Всего
Планирую заниматься добровольчеством в будущем	44	37	48	43
Не планирую заниматься добровольчеством в будущем	18	19	17	18
Затрудняюсь ответить	38	44	35	39
Всего	100	100	100	100

*Примечание. Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,250.

Характеризуя устойчивость включенности образовательных сообществ в волонтерство, нужно отметить, что по самооценкам респондентов его социальная база в будущем предположительно будет расти, увеличиваясь на 10% у школьников и студентов колледжей и на 4% у студентов вузов по сравнению со временем опроса. Количественный потенциал последних, по-видимому, уже в значительной степени исчерпан (см. табл. 1, табл. 4).

В целом студенчество является в наибольшей степени сформированным субъектом волонтерства. В его структуре волонтеры представлены количественно больше, чем в остальных образовательных сообществах. Оно является более активным, устойчивым, интегрированным в добровольче-

¹ Вопрос: «Как вы считаете, можно ли вас назвать добровольцем (волонтером)?».

ские практики субъектом волонтерской деятельности. Эта деятельность студентов в большей степени, чем у других образовательных общностей, связана с образовательной организацией и со сферой образования в целом.

Типичные волонтерские практики старшеклассников

О волонтерском опыте старшеклассников

Волонтерский опыт в школе чаще всего сводится к участию в школьных массовых экологических или благотворительных мероприятиях – сбор макулатуры, кормов для приютов животных, пластиковых крышек, учебных принадлежностей для нуждающихся. Это участие, как правило, не предполагает со стороны школьников больших затрат времени и усилий, ограничивается разовыми действиями. В ряде случаев это приводит к подмене понятий и за волонтерство принимаются простое человеческое участие и разовая помощь – *«бабушку через дорогу перевести», «сумки помочь донести», «в магазине незнакомых проконсультировать, дать совет, что выбрать из техники», «просто купить носочки для детей из детского дома и принести в школу».*

Роль наставников-педагогов

В восприятии школьников роль педагога и его индивидуально-личностный вклад в организацию и реализацию волонтерской деятельности весьма значительны. Прежде всего ценятся личная инициатива в предложении интересного проекта, активное личное участие в его осуществлении. Более того, школьный опыт добровольчества (как удачный, так и неудачный) задает матрицу восприятия добровольчества в дальнейшем:

«У меня все мероприятия связаны именно со школой, с учителем. В начальных классах просто собирали вещи для детей из приюта, для животных собирали продукты и разный корм. Очень много мероприятий было связано с Великой Отечественной войной: ходили листовки раздавали, концерты устраивали в школе, в дом престарелых ходили, где концерты устраивали. К больным детям в больницу тоже ходили, плакаты рисовали, видео снимали. Сама я не занимаюсь таким, и с родителями тоже, и с друзьями не занимаюсь. В основном по инициативе школьного преподавателя» (студентка колледжа, 17 лет, Екатеринбург).

Как правило, высоко оценивается умение и желание педагога организовывать и планировать волонтерскую деятельность, обучать добровольчеству: разъяснять цели и задачи проекта, мотивировать на ожидаемый результат, распределять роли и ответственность. Особое значение для школьников имеет умение стимулировать интерес к волонтерской деятельности, объяснить, какую роль в жизни сограждан они могут сыграть. Важен неформальный подход наставника, а демотивирующий эффект бюрократизации и авторитарного давления весьма значителен.

«В школе просто ставят перед фактом. И все. А куда, зачем, могут и не сказать, если не поинтересоваться. Принуждающее... Ну, может, и не во всех классах так... Но наш классный руководитель говорит, что вы обязаны. Мне не сложно, но просто так иногда преподносят, что нет желания что-то делать» (школьница, 16 лет, Н. Тагил).

Проекты и направления волонтерского участия

Предлагаемые школьникам проекты волонтерства, как правило, организационно просты и предполагают несколько типичных направлений.

- Социальные проекты, например,

«Мы ездили в благотворительный фонд, фонд организовывал мероприятия для детей инвалидов. Мы туда приезжали с игрушками, проводили конкурсы, дарили им игрушки, какие-то сладости» (школьница, 16 лет, Н. Тагил).

- Мероприятия экологической направленности, например,

«Чуть меньше года назад у нас в школе проходила акция. Мы собирали батарейки, непригодные к использованию. Мне понравилось, что мы, так скажем, не загрязнили природу этими батарейками и то, что поучаствовало очень много человек со всей школы» (школьник, 16 лет, Краснотурьинск).

- Организация культурно-досуговых мероприятий, например Дня пожилого человека:

«Мы устраивали концертную программу из двадцати шести номеров. Было очень приятно, когда бабушки улыбались и кричали нам «Браво». И мне понравилось, что они счастливы, что это очень их радует» (школьница 16 лет, Краснотурьинск).

Волонтерская деятельность и образование

- Важной предпосылкой для многих школьников является опыт волонтерской деятельности в рамках информального образования в семье, ближайшем окружении.

«Мы с папой очень часто ездили в приют и отвозили корма собакам. Помогали животным. У меня родители очень хорошо относятся к волонтерству и считают, что нужно этим заниматься и помогать людям» (школьница, 16 лет, Краснотурьинск).

Неформальное образование, посвященное добровольчеству, не является типичной практикой школьников, однако вызывает у них интерес. «Я знаю волонтерскую организацию, которая проводит обучение – это “Ural music night”. Вот у них, там раз в неделю есть собрания, есть обучение. Это прикольно, классно, я считаю.

И перед самым мероприятием всегда идет небольшой инструктаж... Ты маски, не знаю, раздаешь, билеты сканируешь, сам по залу сопровождаешь, все равно тебе рассказывают, что ты должен делать» (школьница, 17 лет, Екатеринбург).

Вместе с тем нельзя отрицать значимости для школьников формального образования в обучении добровольчеству.

«У моего класса социально-гуманитарного профиля есть предмет “Школа волонтера”. Нам там объясняют, кто такие волонтеры, чем они занимаются, что такое волонтерский проект» (школьник, 17 лет, Н. Тагил).

Образовательные практики для определенной группы школьников становятся элементом культуры участия, когда подкрепляются конкретными формами активности:

«Я в прошлый понедельник ходил на конференцию. Собирались, чтобы обговорить какие-то организационные вопросы. Наш классный руководитель предложил провести мероприятие на Богословском алюминиевом заводе, помочь благоустроить территорию, мы это обсуждали...» (школьник, 16 лет, Краснотурьинск).

Типичные волонтерские практики студентов колледжей

О волонтерском опыте студентов колледжей

Опыт волонтерства студентов колледжей, как правило, фрагментарный. Организационно он часто ограничен образовательной средой. Часть студентов «инициированы» добровольчеством еще в школьных проектах и акциях, большинство же вовлекаются в волонтерские мероприятия в колледже. Сформированное в школе представление о волонтерстве как о добрых поступках, внимательном отношении к окружающим, разовой помощи – *выступить на концерте, спасти котенка* – продолжает доминировать в студенческой среде, но дополняется режимом обязательности его реализации в мероприятиях колледжа. Очень часто она рассматривается студентами как разновидность внеучебной деятельности.

«На первом курсе активно участвовал в волонтерской деятельности техникума, помогал нашему социальному педагогу» (студент колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

Роль наставников-педагогов

Роль наставников в волонтерской деятельности в колледже значительна, поскольку связана с их организационной функцией, реализуемой часто в административно-формальном режиме. Студентами позиция педагога воспринимается неоднозначно, как:

- отстраненно-формальная: *«Есть педагог организатор, который нам предлагает мероприятия, а мы выбираем»* (студентка колледжа, 18 лет, Краснотурьинск);
- принуждающая: *«Сотрудники колледжа просто требуют. Это неприятно, ты вроде помогаешь от чистого сердца, но приходится сталкиваться с тем, что нужно выполнить какой-то план»* (студент колледжа, 19 лет, Краснотурьинск);
- иницирующая: *«От колледжа я стал чаще ходить по инициативе преподавателей»* (студент колледжа, 17 лет, Екатеринбург);
- комплексная: организующая, контролирующая, сопровождающая, обучающая, что встречается гораздо реже.

Доминирует, как правило, «принуждающая» позиция. При этом у студентов формируется отношение к волонтерству как к обязанности, а образовательные/воспитательные усилия наставника часто не трансформируются в активную мотивацию студента:

«Что касается большинства моих одноклассников, мы с ними занимались волонтерством, но устали от всего этого. Я считаю, мы часть своего долга выполнили перед техникумом» (студент колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

В лучшем случае студенты относятся к волонтерству прагматически: *«Смотря конкретно, как это может пригодиться. Может, для поступления в вуз или на работу куда-то. Будут за это баллы какие-то давать?»* (студент колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

«Я знаю, что у нас в колледже за волонтерство, то ли повышенные стипендии идут, то ли денежные вознаграждения. “Worldskills”, по этому проекту много волонтеров из нашего колледжа, у них идет денежное вознаграждение от государства» (студент колледжа, 17 лет, Екатеринбург).

Проекты и направления волонтерского участия

Чаще студенты упоминают свое участие в проектах социальной направленности.

«Не так давно колледж организовывал акцию, договаривались с реабилитационным центром, чтобы студенты пришли и провели квест-игру для детей младшего школьного возраста. Понравилось то, как дети реагировали на нас, они были такими счастливыми, и когда мы уходили, они бежали с объятиями к нам и спрашивали, вернемся ли мы» (студентка колледжа, 17 лет, Краснотурьинск).

Это же касается и упоминаний волонтерского участия во всероссийских и региональных конкурсах и чемпионатах:

«В апреле этого года у нас прошел “Абилимпикс”. Помогала глухонемым участникам. Показывала им все. Водила в танковый музей, в мастерские. Показывала им оборудование, инструменты, с которыми они будут работать» (студентка колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

«Много мероприятий нам предлагают как волонтерам. Ну и частое сотрудничество именно с “Worldskills”» (студент колледжа, 17 лет, Екатеринбург).

При этом упоминаемые проекты могут быть очень простыми, но вызывающими эмоциональный отклик особенно у студентов, впервые столкнувшихся с волонтерской деятельностью.

«Самое запоминающееся мероприятие – это когда мы с ребятами в детском садике строили горку. Я понимал, что мы делаем хорошее дело. Потому что детишки будут радоваться. Это согрело душу. К тому же я еще друзей своих позвал, нам было весело. Много с кем познакомился там» (студент колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

Волонтерская деятельность и образование

Одной из выявленных и нуждающихся в дальнейшем более скрупулезном анализе стала проблема социальной базы неформального образования студентов колледжей. В культуре семьи и ближайшего окружения студентов (особенно областных колледжей) ценности добровольчества как вида деятельности представлены неявно. Семья чаще апеллирует к идеалам соседской, общинной взаимопомощи.

«Если честно, у меня даже родители об этом не особо что-то знают, поэтому и я как-то даже не задумывалась о волонтерстве» (студентка колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

Сама образовательная среда, особенно сообщество сокурсников, часто не создает субъективных условий для волонтерства:

«Среди моих друзей мне кажется нет таких, кто бы согласился заняться волонтерством. Говорят, что лучше больше времени уделять себе» (студентка колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

«Я вижу, как некоторые люди просто либо стесняются, либо они боятся быть униженными из-за этого своими друзьями: “тебе, что, заняться нечем?”». Из моих друзей и знакомых я не знаю, кто занимается» (студентка колледжа, 17 лет, Екатеринбург).

Практики подключения ресурсов неформального образования к обучению волонтеров в целом вызывают определенный интерес студентов:

«На платформе “Добро.ру” можно проходить курсы, я лично сейчас прохожу курс по тим-лидерству для волонтеров» (студентка колледжа, 17 лет, Краснотурьинск).

«Я был волонтером на мероприятии для людей с ограниченными возможностями “Абилимпикс”. Нас всех собирали отдельно. Проговаривали, как поздороваться с человеком, как с ним общаться, как вообще себя с ними вести, даже учили языку жестов» (студент колледжа, 18 лет, Н. Тагил).

«К нам приходил психолог, объясняла, как лучше общаться с людьми с ограниченными возможностями, чтобы мы не нервничали. Нас проконсультировали, что будет и какие люди к нам придут» (студентка колледжа, 17 лет, Екатеринбург).

Формальное образование напрямую не связано с волонтерской деятельностью на уровне учебных программ колледжа (за единственным исключением в Свердловской области – медицинского колледжа), но социальные педагоги и администрация организуют обучение конкретных групп волонтеров и под конкретные мероприятия. *«В колледже есть волонтеры от каждой группы. Их отправляют на разные мероприятия и к ним специально готовят» (студент колледжа, 17 лет, Екатеринбург).*

Типичные волонтерские практики студентов вузов

О волонтерском опыте студентов вузов

Большинство студентов вузов имеет опыт школьного волонтерства, он более насыщенный, чем у студентов колледжей. В связи с определенной «опытностью», «экспертностью» они имеют более устойчивые представления о волонтерстве, его роли в своей жизни, которые реализуются на практике, формируя приемственность *«Опыт участия в молодежных организациях у меня есть и некоммерческих организациях есть. Я тесно сотрудничаю и по выходным езжу помогать в местный приют для животных. Для меня это важно» (студент, 19 лет, Екатеринбург).*

При этом прежний опыт прерывается, когда вступает в противоречие (в том числе и за счет смены территории и социального окружения для иногородних студентов) с уровнем организации волонтерства в большой образовательной организации, что не оправдывает ожидания либо пугает своими «масштабами» и задачами, вызывая негативные эмоции: *«изматывающе», «нудно и непонятно», «бесполезно», «обязательно».* Другая типичная причина неучастия – «столкновение» с новой образовательной ситуацией и/или средой вуза индифферентной по отношению к добровольчеству.

Роль наставников-педагогов

Так называемый личностный фактор (влияние наставника), обуславливающий характер добровольческой деятельности студента, проявляется неявно. Студенчество имеет больше свободы в выборе и предъявляет особые требования к волонтерству, его осмысленности и целесообразности,

его соответствии своим ресурсам и возможностям, ценностям, интересам, образу жизни. Оно больше ориентируется на организацию и характер проекта, его «проработанность», полезность и будущий результат, чем на авторитет организатора. Выбор волонтерского проекта порой связан со сложно организованной мотивацией, как альтруистической, так и прагматической.

Проекты и направления волонтерского участия

Типичными направлениями добровольчества в вузе являются:

- социальные проекты: *«Первый раз, когда я волонтерила, это был День открытых дверей в вузе. Меня позвала куратор волонтерского движения. Мы работали с людьми с инклюзией. Это был интересный опыт: ты учишься проявлять лидерские качества, общаться с людьми...»* (студентка вуза, 19 лет, Н. Тагил);

- экологические: *«Это был вклад в экологию. Мы отбирали, сортировали мусор и относили его в центр переработки. Там очень много вещей делают из переработанного пластика и стекла. Это в принципе арт-объекты»* (студентка, 19 лет, Екатеринбург);

- образовательные: *«Мы готовили творческие мастер-классы для детей. Нам пришлось много работать, мы готовили программу, проводили мероприятия»* (студентка вуза, 20 лет, Н. Тагил).

Особенность вузовских проектов в том, что они создаются в коллаборации с разными институтами, организационно более сложны и предполагают участие в их создании самих студентов.

Волонтерская деятельность и образование

Особенностью обучающих практик в вузе является отмечаемая студентами полисубъектность в их организации: практические занятия в рамках отдельных дисциплин, семинары, тренинги, организованные студенческими волонтерскими сообществами, используемые образовательные ресурсы онлайн-платформ, НКО, субъектов бизнеса и политических партий и пр.

- *«У нас есть центр “ПРО-добро”. Там проводятся мастер-классы по инклюзии, например...»* (студентка вуза, 20 лет, Н. Тагил).

- *«У меня это был форум “Моя педагогическая династия”, у нас на факультете. Подготовка длилась несколько недель. Это было очень серьезно. Подготовкой волонтеров занималась непосредственно декан»* (студентка вуза, 20 лет, Н. Тагил).

Для обучения добровольчеству активно используются мероприятия внутри вуза (добровольческие акции, благотворительные концерты, ярмарки). Они помогают студентам приобрести опыт работы в команде, общаться, налаживать отношения с людьми, руководить проектами.

«На разных мероприятиях, которые я провожу как руководитель Медиацентра, всегда задействованы волонтеры. Мы готовим их, и они всегда нам помогают с освещением, вообще с организацией мероприятий» (студентка вуза, 20 лет, Н. Тагил).

Активно используются онлайн-курсы и ресурсы Интернета (например, Добро.РФ, Coursera, edX, Udemu). В ходе внедрения проектной деятельности только начинается включение волонтерских практик в учебные программы. Волонтерскими сообществами вузов проводятся тренинги и семинары, позволяющие студентам приобрести навыки коммуникации, лидерства, использования маркетинга, краудфандинга, управления волонтерскими проектами.

Заключение

Связь образования и добровольчества (волонтерства) проявляется в разных аспектах. Они нередко взаимообусловлены как виды деятельности, даже взаимно интегрированы как системы (подсистемы), функционально дополняют и воздействуют друг на друга. Образовательные общности старшеклассников, студентов колледжей и вузов оказались в зоне нашего внимания как субъекты волонтерской деятельности с точки зрения характера ее реализации в зависимости от уровня образования, влияния образовательного пространства на интеграцию учащихся в добровольчество, формирования типичных волонтерских практик в зависимости от организационных условий среды, в том числе от особенностей обучения волонтерству.

Характеризуя особенности волонтерской деятельности школьников, студентов колледжей и вузов, отметим, что образовательной общностью с более выраженной добровольческой субъектностью являются студенты вузов: в структуре группы выше уровни участия в волонтерстве и идентификации себя со статусом добровольца, активность, инициативность, свобода и осознанность выбора направления, вида деятельности и конкретного проекта. Для студенчества в большей степени характерна самомотивация волонтерской деятельности, ориентация на ее социальную эффективность и личностную самореализацию. Формы обучения волонтерству многообразны по субъектам, видам, средствам, целям и результатам. Образовательный эффект от обучения волонтерству во многом определяется способностью конкретного студента-волонтера адаптироваться в образовательном пространстве вуза, задействуя его инструменты, определиться с местом волонтерства в своей жизни.

Типичные волонтерские практики школьников базируются во многом на ценностях взаимопомощи, добра и справедливости, закладываемых в рамках неформального образования в семье и ближайшем окружении. Опыт волонтерства, полученный в школе, крайне важен, хотя и отличается эмоциональной доминантой, фрагментарностью, разрозненностью и во многом бессистемностью, ограниченным обучающим

эффектом. Но семья и школа задают матрицу восприятия волонтерской деятельности в дальнейшем, формируя позитивные либо негативные установки в отношении ее. Эффективность школьного добровольчества во многом связана с личностью наставника-руководителя, увлекающий пример которого оказывает серьезное мотивирующее воздействие.

Учащиеся колледжей продолжают сложившийся в школе тренд на волонтерство, хотя для этой образовательной общности характерна пониженная мотивация к этой деятельности. Характер организации добровольчества в колледже часто оценивается учащимися как административно-авторитарный, с ограниченной свободой выбора направлений и видов деятельности, давлением педагога-организатора. Волонтерство рассматривается как обязательный вид внеучебной деятельности, область принуждения. Вместе с тем в колледже формируется костяк волонтеров с выраженными потребностями в этом виде деятельности и интегративный эффект обучения волонтерству: семейный, школьный и студенческий. Эта группа учащихся участвует в реализации сложных и ответственных проектов и достаточно высоко оценивает свои перспективы продолжать в дальнейшем заниматься этим видом деятельности.

Исследование позволило выявить зависимость волонтерских практик учащейся молодежи от организационной среды системы образования на разных ее уровнях. Тенденция к формализации и бюрократизации системы образования, с одной стороны, обусловила воспроизводство системы нормативных требований к организации волонтерской деятельности в образовательной организации, с другой – ограничила их вариативность. Свою роль в формировании волонтерских практик могут и должны играть наставники (педагоги, лидеры социальных проектов и сообществ, некоммерческих организаций) и включение волонтерской деятельности в образовательный процесс. Если в школе роль наставника-учителя достаточно высока, хотя и не повсеместна, то в колледжах и вузах она требует определенного пересмотра. Внедрение в образовательные программы в колледжах технологии «service-learning» сможет углубить вовлеченность студентов в волонтерские проекты и расширить вариативность последних, повысить их привлекательность для молодежи. В вузах благодаря этому может расширяться круг наставников не только из среды вуза, но и из внешних организаций, в том числе некоммерческого сектора и общественных организаций, способных вовлекать и мотивировать студентов к волонтерскому участию.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актер, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.
2. Андержанова З. А. Вовлечение в волонтерскую деятельность воспитанников детских домов как фактор их социализации // Социальная политика и социология. 2010. № 3. С. 203–210.

3. Белановский Ю. С., Ширшова И. В. Мир социального волонтерства: метод. пос. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 96 с.
4. Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 49–71. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625.
5. Буюкова К. И., Малкова И. Ю. Волонтерство как форма организации образовательной деятельности в контексте третьей миссии университета // Высшее образование в России. 2021. Т. 30 (8–9). С. 69–79. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79.
6. Закирова Л. Ф. Метод «SERVICE-LEARNING» в зарубежной педагогике (на примере немецких вузов) // Казанский педагогический журнал. 2010. № 5–6. С. 158–164.
7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.
8. Катаров В. К., Штыков А. С., Бутенко А. А., Коновалов А. П. Управление воспитательной работой в вузе: программно-целевой подход // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 5 (99). С. 115–122.
9. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4 (1). С. 63–71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-1-63-71.
10. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Говин О. Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // Образование и наука. 2019. Т. 21 (6). С. 122–145. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-6-122-145.
11. Ключарев Г. А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6; EDN: OFZZNJ.
12. Козель В. Н. Событийное волонтерство как технология вовлечения горожан в системную волонтерскую деятельность: метод. пособие. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 99 с.
13. Лаврентьев А. В., Шарахина Л. В., Юдина А. А. Внедрение волонтерской практики в образовательный процесс: учеб. пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2014. 65 с.
14. Линович М. В. Внедрение образовательной практики «Обучение через волонтерство» в систему академического образования в России // Волонтер. 2012. № 1–2. С. 34–37.
15. Мартынова М. Д., Суркова И. М., Любушкин В. С. Международное событие как источник личностного роста волонтера: социологический опрос и кейсы // Primo aspectu. 2018. № 2. С. 33–40.
16. Мерсиянова И. В., Малахов Д. И., Иванова Н. В. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. 2019. Т. 20 (3). С. 66–89. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-66-89.

17. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захарова. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
18. Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5 (2). С. 47–56. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5.
19. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.
20. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 71–89.
21. Aboramadan M. Factors that drive volunteerism in nonprofit organizations: A theoretical framework // Selected Aspects of Non-Profit Organizations. IntechOpen, 2019. DOI: 10.5772/intechopen.86943.
22. Bekkers R. Participation in voluntary associations: Relations with resources, personality, and political values // Political psychology. 2005. Vol. 26 (3). P. 439–454. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2005.00425.x.
23. Brown S., Taylor K. Charitable behaviour and the big five personality traits: Evidence from UK panel data // SSRN Electronic Journal. 2015. No. 9318. DOI: 10.2139/ssrn.2656503. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2656503 (дата обращения: 08.06.2023).
24. Chen L., Chen Z., Xu X. The value, key and path of cultivating college students' spirit of voluntary service in colleges and universities // Journal of Education and Educational Research. 2022. No. 1 (2). P. 87–92. DOI: 10.54097/jeer.v1i2.3579.
25. Gesthuizen M., Scheepers P. Educational differences in volunteering in cross-national perspective: Individual and contextual explanations // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2012. Vol. 41 (1). P. 58–81. DOI: 10.1177/0899764010394203.
26. Handy F., Cnaan R. A. The role of social anxiety in volunteering // Nonprofit Management and Leadership. 2007. Vol. 18 (1). P. 41–58. DOI: 10.1002/nml.17.
27. Jones K. S. Giving and volunteering as distinct forms of civic engagement: The role of community integration and personal resources in formal helping // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2006. Vol. 35 (2). P. 249–266. DOI: 10.1177/0899764006287464.
28. Lough B. J. International Volunteering // List R., Anheier H., Toepler S. (eds) International Encyclopedia in Civil Society. Springer, Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-319-99675-2_9531-1.
29. Lough B. J., Oppenheim W. Revisiting reciprocity in international volunteering // Progress in Development Studies. 2017. Vol. 17 (3). P. 197–213. DOI: 10.1177/1464993417713275.

30. Nursey-Bray M., Kamal M., Giacomo M., Millcock S. Building community resilience through youth volunteering: towards a new model // *Regional Studies, Regional Science*. 2022. Vol. 9 (1). P. 242–263. DOI: 10.1080/21681376.2022.2067004.

Получено редакцией: 17.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шуклина Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Минченко Дарья Вячеславовна, студентка Института экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.6

The Impact of Education on Youth Volunteer Practices in Conditions of the General Formalisation of the System: The Case of the Sverdlovsk Region¹

Elena A. Shuklina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: e.a.shuklina@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-6478-4332

Maria V. Pevnaya

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-5539-5722

Darya V. Minchenko

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: minchenkodarya@yandex.ru

For citation: Shuklina E. A., Pevnaya M. V., Minchenko D. V. The impact of education on youth volunteer practices in conditions of the general formalisation of the system: the case of the Sverdlovsk Region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 92–113. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.6; EDN: OXJTPY

Abstract. The article analyses the features of volunteer activities of educational communities of students (schoolchildren, students of colleges and universities), which are formed under the influence of the educational environment. The purpose of the study is to identify differences in the volunteer practices of young people at different levels of education that affect the volunteer activities of students, to reveal the conditions for its formation and development. The empirical base of the work is the data of a questionnaire survey of young people aged 14–24 years (n = 996, the sample is by quota), including 42% of high school students, 30% of students of educational institutions of secondary vocational education and 28% of university students from 70 municipalities of the Sverdlovsk region. The survey is complemented by data from 9 focus group interviews with students from schools, colleges and universities in Yekaterinburg, N. Tagil and Krasnoturinsk conducted in 2022. The data of sociological research allowed to characterise volunteer practices typical for schoolchildren and students, related to the experience and nature of this activity

¹ The study was carried out within the framework of the state task. Project FEUZ-2022-0026.

among young people, as well as to the conditions of the educational environment.

The educational community with the most pronounced volunteer subjectivity is university students. They have higher involvement in volunteering, self-identification with the status of a volunteer, self-motivation of volunteering. At the same time, the role of mentors is levelled in universities, the connection between education and volunteer activity is fragmented. Typical volunteer practices of schoolchildren are largely based on the values that are laid down in the framework of informal education. The school experience of volunteering is characterised by a pronounced emotional dominance, fragmentation, fragmentation, and largely unsystematic. It is effective largely due to the personality of the mentor-teacher, involving high school students. Volunteering of college students is characterised by a clearly reduced motivation with the dominant administrative-authoritarian nature of the organisation of volunteering by teachers-organisers and limited variability of projects and areas of volunteer participation.

The article shows the dependence of the nature of volunteer practices of young students on the organisational environment of the education system at its different levels. The practical significance of the study is related to the rationale for the need to introduce the “service-learning” technology into the educational programmes of colleges and universities. It will increase the role of mentors in shaping students’ volunteer practices and implement volunteer activities in the educational process, thereby influencing the deepening of students’ involvement in volunteer projects, expanding the variability of the latter and increasing their attractiveness for young people.

Keywords: volunteering, social projects, educational activities, formal, non-formal, informal education, educational environment, level of education

References

1. Aksenova O. V. The subject of social action in Russia’s current development: actor, agent, nobody? *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11 (2): 37–53 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.

2. Anderzhanova Z. A. Vovlechenie v volontyorskuyu deyatelnost’ vospitannikov detskih domov kak faktor ih socializacii [Involving orphanage residents in volunteer activities as a factor in their socialization]. *Social’naya politika i sociologiya*, 2010: 3: 203–210 (in Russ.).

3. Belanovskij Yu. S., Shirshova I. V. Mir social’nogo volonterstva: metod. posobie [The World of Social Volunteering: A Methodical Guide]. Moscow, GBU goroda Moskvy «Mosvolontyor», 2018: 96 (in Russ.).

4. Basheva O. A., Ermolayeva P. O. The phenomenon of digital volunteerism in emergency situations: its essence, types and theoretical framework. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11 (1): 49–71 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625.

5. Buyakova K. I., Malkova I. Yu. Volunteering as a Form of Students’ Educational Activities in the Context of the University’s Third Mission. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2021: 30 (8–9): 69–79 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79.

6. Zakirova L. F. Method of “Service-learning” in foreign pedagogy (on the example of german universities). *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2010: 5–6: 158–164 (in Russ.).

7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Sociology of higher education: monograph. Ekaterinburg, University for the Humanities, 2019: 539 (in Russ.).

8. Katarov V. K., Shtykov A. S., Butenko A. A., Konovalov A. P. University discipline management system: program-oriented approach. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2015: 5 (99): 115–122 (in Russ.).

9. Kisilenko A. V. Volunteering: the potential of self-organization of the russian youth. *Nauchnyi rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2018: 4 (1): 63–71 (in Russ.).

10. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Govin O. Contemporary volunteering in the formation of prosocial behaviour of a person. *Obrazovanie i nauka*, 2019: 6 (21): 122–145 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-6-122-145.

11. Klucharev G. A. Ontological Problematics in Sociological Interpretation: To the Question Statement. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 1: 5–16 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250017230-6; EDN: OFZZNJ.

12. Kozel’ V. N. Sobytiynoe volontyorstvo kak tekhnologiya vovlecheniya gorozhan v sistemnuyu volontyorskuyu deyatelnost’: metod. posobie [Event Volunteering as a Technology for Involving Citizens in Systemic Volunteer Activity : A Methodological Guide]. Moscow, GBU goroda Moskvy «Mosvolonter», 2018: 99 (in Russ.).

13. Lavrent’ev A. V., Sharahina L. V., Yudina A. A. Vnedrenie volontyorskoj praktiki v obrazovatel’nyj process: ucheb. posobie [Introduction of Volunteer Practice in the Educational Process: Textbook]. St. Petersburg, SPbGEU, 2014: 65 (in Russ.).

14. Linovich M. V. Vnedrenie obrazovatel'noj praktiki "Obuchenie cherez volontyorstvo" v sistemu akademicheskogo obrazovaniya v Rossii [Introducing the educational practice of "Learning by Volunteering" into the system of academic education in Russia]. *Volontyor*, 2012: 1–2: 34–37 (in Russ.).
15. Martynova M. D., Surkova I. M., Lyubushkin V. S. International event as a source of volunteer personal growth: sociological survey and cases (experience of volunteer's program of volunteer's center of football world cup FIFA 2018 in Russia, host-city Saransk. *Primo aspectu*, 2018: 2: 33–40 (in Russ.).
16. Mersiyanova I. V., Malahov D. I., Ivanova N. V. The Role of Family as a Channel of Intergenerational Transmission of Volunteer Traditions in Contemporary Russia. *Zhurnal ekonomicheskoi sociologii*, 2019: 20 (3): 66–89 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2019-3-66-89.
17. Patnem R. Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie tradicii v sovremennoj Italii [Making Democracy Work. Civic traditions in contemporary Italy]. Transl. from Eng. by A. Zaharova. Moscow, "Ad Marginem", 1996: 287 (in Russ.).
18. Prokazina N. V., Bobyleva N. Yu., Hatnyuk N. N. Realization of voluntary (volunteer) capacity in Russia. *Nauchnyi rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2019: 5 (2): 47–56 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-5.
19. Khaliy I. A. Modern social movements: innovative potential of Russian transformation in traditional milieu. Moscow, IS RAN, 2007: 300 (in Russ.).
20. Yanickij O. N. Volontyory: grazhdanskie i gosudarstvennye. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2014: 1: 71–89 (in Russ.).
21. Aboramadan M. Factors that drive volunteerism in nonprofit organizations: A theoretical framework. Selected Aspects of Non-Profit Organisations. IntechOpen, 2019. DOI: 10.5772/intechopen.86943.
22. Bekkers R. Participation in voluntary associations: Relations with resources, personality, and political values. *Political psychology*, 2005: 26 (3): 439–454. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2005.00425.x.
23. Brown S., Taylor K. Charitable behavior and the big five personality traits: Evidence from UK panel data. *SSRN Electronic Journal*, 2015: 9318. DOI: 10.2139/ssrn.2656503. Accessed 08.06.2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2656503
24. Chen L., Chen Z., Xu X. The value, key and path of cultivating college students' spirit of voluntary service in colleges and universities. *Journal of Education and Educational Research*, 2022: 1 (2): 87–92. DOI: 10.54097/jeer.v1i2.3579.
25. Gesthuizen M., Scheepers P. Educational differences in volunteering in cross-national perspective: Individual and contextual explanations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2012: 41 (1): 58–81. DOI: 10.1177/0899764010394203.
26. Handy F., Cnaan R. A. The role of social anxiety in volunteering. *Nonprofit Management and Leadership*, 2007: 18 (1): 41–58. DOI: 10.1002/nml.170.
27. Jones K. S. Giving and volunteering as distinct forms of civic engagement: The role of community integration and personal resources in formal helping. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2006: 35 (2): 249–266. DOI: 10.1177/0899764006287464.
28. Lough B. J. International Volunteering. In List R., Anheier H., Toepler S. (eds) *International Encyclopedia in Civil Society*. Springer, Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-319-99675-2_9531-1.
29. Lough B. J., Oppenheim W. Revisiting reciprocity in international volunteering. *Progress in Development Studies*, 2017: 17 (3): 197–213. DOI: 10.1177/14649934177132750.
30. Nursey-Bray M., Kamal M., Giacomo M., Millcock S. Building community resilience through youth volunteering: towards a new model. *Regional Studies, Regional Science*, 2022: 9 (1): 242–263. DOI: 10.1080/21681376.2022.2067004.

The article was submitted on April 17, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Shuklina, Doctor of Sociological Sciences, Professor of chair of sociology and public administration technologies, Ural Federal University

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Technology, Ural Federal University

Darya V. Minchenko, student of the Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7
EDN: NICCCN

Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса

Ссылка для цитирования: Ярмак О. В., Бакулин А. В., Бакулин Д. В. Феномен сетецентризма в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

For citation: Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

AuthorID РИНЦ: 862892

Ярмак Ольга Валерьевна¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

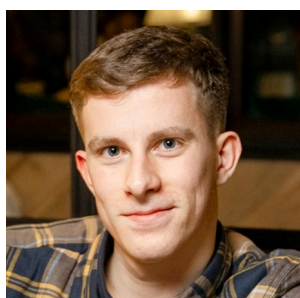
olga_yarmak@inbox.ru

Бакулин Александр Викторович¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

bakulin-sanya2014@ya.ru

Бакулин Дмитрий Викторович¹

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

dmitrybaku@ya.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается новый социальный феномен сетецентризма и его проявления в условиях современного геополитического противостояния на примере анализа Херсонского информационного пространства. Данная исследовательская тематика в настоящее время имеет особую актуальность по причине внедрения новых инструментов сетевой войны в физической, информационной, когнитивной и социальной сферах жизни посредством функционирования центров информационного воздействия в постконфликтных обществах.

Сетецентризм в условиях когнитивного противостояния трактуется авторами как совершенно новый социальный и цивилизационный феномен. В этом смысле сетецентрические операции, осуществляемые специальными службами западных государств или же ТНК, могут рассматриваться как некий постмодернистский аналог колонизации и подчинения, разворачивающийся в новых условиях, в новых форматах и с использованием новых коммуникативных технологий. Основная особенность стратегии сетевых войн с использованием сетецентрических механизмов состоит в достижении поражающего воздействия во всех сферах общества, включая его цивилизационные основания. При этом используются не силовые механизмы влияния, а широкая совокупность факторов – от цивилизационных и информационных до социальных и когнитивных.

Анализ сетецентрических операций осуществляется авторами через призму классических концепций сетевых обществ, теории «управляемого хаоса», а также с учетом прикладных отечественных (доктрина Н. В. Огаркова) и зарубежных разработок (концепция сетецентрических войн А. Себровски, Дж. Гарстка и Дж. Джонсона).

Замысел данного исследования состоял в анализе сетевых конструкций контент-единиц информационного поля Херсонской области, которые формируют военный, кризисный и посткризисный дискурсы.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии двух центров информационного воздействия, которые используют сетецентрические механизмы работы в когнитивном поле. Кроме того, анализ работы сетевых информационных центров показал, что сегодня сегмент социальных медиа, в первую очередь сегмент Telegram, является пространством активного сетецентрического воздействия на массовое сознание конфликтного общества. Это создает экспериментальную площадку для апробирования новых инструментов когнитивного противостояния и формирует интернет-аудиторию, не подверженную непосредственному информационному воздействию и проявлениям сетецентризма в социуме.

Ключевые слова: сетевая информационная война, сетецентризм, Украина, Россия, Херсонская область

Введение

Сегодняшнее геополитическое противостояние сформировало возможности для создания новых медиатехнологий, используемых не столько в политической, сколько собственно в социальной сфере, с целью воздействия на общественное сознание и управления массовым поведением. Надо отметить, что лидерство в разработках новейших технологий когнитивной и информационной войн имеют западные, в первую очередь американские, социально-политические технологи. Однако в настоящее время сформировалось две тенденции. Первая состоит в том, что далеко не все когнитивные технологии западного производства приме-

нимы к славянской ментальности, вторая – происходит накопление опыта использования российскими исследователями и практиками когнитивных приемов и методик.

Функционирование центров информационно-психологического воздействия в период когнитивного противостояния, особенно с учетом функционирования глобальных коммуникаций и масс-медиа, является чрезвычайно актуальной проблемой. В связи с этим возникает новый спектр проблематики, связанный с вопросами информационного воздействия и нарушения информационной безопасности. Современный человек ежедневно обрабатывает сотни тысяч единиц информационного контента, что и делает интернет-коммуникации фактором информационного воздействия на массовое сознание, затрагивающего все сферы жизнедеятельности человека. С появлением коммуникативных сетей мировые международные и политические игроки получили возможность достигать новые цели – покорять противника без применения оружия [12]. Для их достижения используются различные инструменты – от угроз до односторонней подачи информации и активного распространения фейкового контента.

Использование новых форм информационного воздействия с набором новейших инструментов наблюдается в украинском кейсе начиная с 2013 г. – с наступлением на Украине политического кризиса, событий Русской весны, воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Россией, противостояния в юго-восточных украинских регионах. Остроту ситуации придает проводимая специальная военная операция на Украине.

Теоретико-методологические основы исследования

Классические теории сетевых обществ (Д. Белл, Ж. Бодрийяр, М. Кастельс, Э. Гидденс, Г. Тард) указывали на то, что в новом типе обществ информация и создаваемые политико-коммуникативные сети играют ключевую роль [2; 3; 12; 9]. Особенности сетевых обществ, созданных при помощи интернет-сетей и производства больших массивов данных, являются как переизбыток, так и всеобщая открытость информации.

Впервые к проблеме информационного воздействия на массовое сознание обратился социолог Г. Тард, который обозначил, что любые идеи могут распространяться в обществе молниеносно [9]. У. Липпман утверждал, что СМИ, формируя повестку дня, навязывают массовому обществу информацию, о которой необходимо думать в данный момент времени, а то, что не освещается в масс-медиа, обществом игнорируется [6]. Вдохновившись теорией Липпмана, исследователи Э. Кац и П. Лазарсфельд в своей работе «Личное влияние: роль, которую играют люди в потоке массовых коммуникаций» развили свою «теорию ломов», где уже не масс-медиа оказывают массовое информационное воздействие, а авторитетные личности, которые впоследствии становятся акторами политико-коммуникационных сетей и субъектами формирования информационной повестки и дискурсов [4].

В условиях обострившегося геополитического противостояния началось активное внедрение новых инструментов ведения информационной войны. Суть данного нового социального феномена находится в онто-

логической плоскости: «to network» означает «охватить сетью», «внедрить сеть», «подключить к сети». Соответственно, основной смысл сетевого информационного противостояния заключается в том, что создаются сети, где не только обмениваются информацией, но и распределяют доступ к ней. Можно констатировать, что информационные войны как конфликты постмодерна не только приобретают сетевой характер, но и становятся гибридной разновидностью сетевых процессов.

Сетецентризм в условиях когнитивного противостояния

В этом ракурсе важно понимание значения сетецентризма как совершенно нового социального и цивилизационного феномена. Сетецентрические операции выступают постмодернистским аналогом колонизации и подчинения, осуществляемым в новых условиях, в новых форматах и с использованием новых коммуникативных технологий. Сеть становится более гибким оружием, она использует непосредственно силовые механизмы влияния только в крайних случаях, а базируется на широкой совокупности факторов – от цивилизационных и информационных до социальных и когнитивных. Считается, что в основе сетецентрических операций лежат теория «управляемого хаоса» [8; 5] и технологии управления хаосом, которые и являются инструментом сетецентризма.

Первыми о грядущих информационных, сетевых войнах встречаются в работе маршала Советского Союза Н. В. Огаркова¹ [7], а спустя тридцать лет – в концепциях вооруженных сил США 2010² и 2020³ гг. Один из авторов концепции сетецентрических войн, американский автор Дж. Джонсон считает, что «информационное превосходство в сочетании с сетевой, распыленной атакующей боевой мощностью создаст хорошо продуманные и точные действия на раннем этапе, что приведет к чрезвычайно высоким темпам изменения. Это то, что мы называем скоростью командования. Это то, что мы называем сетецентричной войной» [13].

Сетецентризм, применяемый в сфере информационных войн, основывается на трех принципах: 1) силы, объединенные достаточно надежными сетями, получают возможность качественно нового обмена информацией; 2) обмен информацией повышает качество информации и уровень общей информированности о происходящем; 3) в результате общая ситуационная осведомленность такова, что позволяет обеспечивать необходимые сотрудничество и самосинхронизацию, повышает устойчивость и скорость передачи команд, что, в свою очередь, резко повышает эффективность выполнения боевой задачи [14]. На каждом из этапов сетецентрического воздействия происходит достижение информационного

¹ Доктрина Огаркова в прошлом и настоящем. 20 декабря 2019. URL: <https://topwar.ru/165683-doktrina-ogarkova-v-proshlom-i-nastojaschem.html?ysclid=lgasfz8ld583757200> (дата обращения: 20.04.2023).

² Joint Vision 2010. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF> (дата обращения: 20.04.2023).

³ America's Military – Preparing for Tomorrow. Joint Vision 2020. URL: <https://www.offiziere.ch/wp-content/uploads/1225.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

превосходства. То есть сетецентризм ориентирован на достижение информационно-коммуникационного превосходства с объединением участников боевых действий в единую сеть.

Основная особенность стратегии сетевых войн с использованием сетецентрических механизмов состоит в достижении поражающего воздействия во всех сферах общества, включая его цивилизационные основания. Необходимо отметить, что цивилизационные основания авторы рассматривают в понимании С. Хантингтона и его концепции «столкновения цивилизаций» и «цивилизационных разломов». По его мнению, цивилизация является наивысшей культурной общностью людей и обладает самым широким уровнем культурной идентификации; цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей [10]. Именно разрушение этих черт цивилизации деформирует цивилизационные основания социальных систем.

Для подобной деструктивной трансформации используются DIMET-операции, охватывающие сферу дипломатии, информационных операций, вооруженных сил, экономику и технологии [1]. Механизм сетецентрических операций реализуется посредством принципа трансграничного давления, главной целью которого является разрушение всех ключевых взаимосвязей социального объекта и создание деструктивных моделей. Деструктивные сети генерируют хаотические процессы, создают инвайронментальные и экзистенциальные риски, разрушают цивилизационные основы социальной системы. Вследствие их работы происходят потеря эффективности управления, утрата контроля над всеми элементами системы и разрушение территориальной целостности, смена режима и установление «марионеточной» власти. Последствия сетецентрического воздействия на общество, с нашей точки зрения, можно разделить на 1) экономические (появление неконтролируемой коррупции, теневого финансового рынка, утрата полноценного контроля над национальной кредитно-финансовой и инвестиционной системами); 2) аномические, которые создают ситуации дестабилизации, терроризма и насилия (передел собственности и формирование новых финансовых и политических элит, незаконный оборот оружия, террористические акты, рост преступности и насилия); 3) институциональные, затрагивающие цивилизационные основания и социальные институты общества (в том числе институты образования, науки, здравоохранения, семьи, цифрового и технологического суверенитетов государства).

Сущность сетецентрического противостояния состоит в том, что оно ведется всегда – и в военный, и в кризисный периоды, и в мирное время в отношении всех без исключения (противников, нейтральных или дружественных акторов). На эту характеристику сетецентризма указывает российский социальный мыслитель А. Г. Дугин, который считает основной его задачей – «установление контроля над всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях – и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир»¹. В основе этого подхода лежит осу-

¹ Доклад Изборскому клубу А. Дугина при участии В. Коровина и А. Бовдунова. Александр Дугин. 4 декабря 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/2318> (дата обращения: 20.04.2023).

ществление «операций базовых эффектов», цель которых состоит в тотальном контроле над всеми акторами коммуникативному пространству, которыми является как отдельный индивид, так и социальные группы (сформированные внутри и благодаря коммуникативного пространства) и социальные системы в целом. Конфликты в современных обществах (обществах постмодерна) протекают в физической, информационной (охватывающей коммуникативное пространство жизнедеятельности человека), когнитивной (затрагивающей трансформации сознания человека, его ценностных ориентиров, смыслов, установок, исторической памяти) и социальной сферах. При этом системный эффект от конфликта достигается за счет однонаправленного действия на все четыре элемента сети. Основным результатом сетецентрических операций в информационной области является информационное превосходство, под которым понимается достижение единого сетевого центра создания, распространения и управления информационными потоками. Однако, с нашей точки зрения, в современном информационном пространстве этого недостаточно; сейчас наблюдается стремление достигнуть когнитивного превосходства, ориентированного на управление информацией с формированием необходимых треков медиаповестки, утраты способности к анализу и поиску альтернативных мнений, что в конечном итоге приводит к тотальному когнитивному контролю.

Описание исследовательской проблемы

Вхождение новых регионов в состав Российской Федерации с 4 октября прошлого года обозначило новый виток сетевой информационной войны с применением сетецентрических операций в когнитивной сфере. Здесь необходимо отметить, что внешний фактор в информационном поле в этих регионах присутствовал и до референдума о воссоединении с Россией. Это связано с тем, что, во-первых, данные регионы были исторически и цивилизационно связаны с Россией, имели с ней прочные социокультурные связи, ментальные и когнитивные привязанности к Русскому миру¹, что создавало ряд проблем для действующей украинской власти. Во-вторых, данные регионы являлись и являются сейчас пересечением геополитических и экономических интересов России и Запада, что формировало противоречивость их экономического пространства. В-третьих, результатом активной работы центров информационно-психологических операций еще с 2004 г. стало распространение русофобии, антироссийского и антирусского дискурсов с переформатированием цивилизационных объединяющих основ, исторической коллективной памяти и ценностно-смыслового поля именно в пророссийских регионах Украины.

После воссоединения с Россией новые регионы столкнулись с интенсивным применением сетецентрических операций в информационном поле со стороны центров, управляемых украинской стороной и действующих в тесном контакте со спецслужбами США и других государств НАТО.

¹ Украина. Парламентские выборы 2012. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-parlamentskie-vybory-2012.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Основным направлением их работы является управление информационными потоками с целью не только создания у населения антироссийских установок, но и образования новых дискурс-направлений. Последние, являясь продуманными действиями, направлены на внушение мысли, что безопасное существование людей в новых регионах будет возможным только в составе Украины, а риски – от физических до ментальных – создаются и распространяются российской властью и ее представителями. Это может формировать когнитивное противоречие в сознании жителей новых российских регионов (особенно Запорожской и Херсонской областей, которые не испытали на себе всех прелестей т. н. АТО), что и обозначило исследовательскую проблему.

Методы исследования

В ходе авторского исследования был осуществлен анализ контента херсонского интернет-сегмента в период с 1 сентября по 10 ноября 2022 г., то есть в преферендумный период, во время его проведения и постферендумный период. Общая выборка составила 46 748 сообщений из социальных сетей ВКонтакте, Telegram и Facebook¹, контент которых непосредственно связан с событиями в Херсонской области в обозначенный период. Из них большая часть – 81% (38 238 сообщений) – из сети Telegram, 15% (7072 сообщения) – Facebook и только 3% (1438 сообщений) исследуемой тематики находится в сети ВКонтакте (см. рис. 1). Для анализа были выбраны наиболее многочисленные группы указанных социальных сетей с количеством подписчиков более 1000 чел. В социальной сети Facebook было проанализировано 26 сообществ, в ВКонтакте – 9 групп, наибольшее количество – 40 каналов – было выявлено в Telegram. Данные сообщества были выбраны не только по количественному принципу, но и по контентному: в них содержалась информация о событиях, происходящих в Херсонской области.

Рис. 1. Доля выгруженного контента из социальных сетей, %
Figure 1. Share of uploaded content from social networks, in %

¹ Принадлежит компании Meta – запрещенной в России.

Для систематизации выгруженной информации полученный массив данных необходимо было структурировать, для чего был разработан классификатор сообщений (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Классификатор для систематизации выгруженного контента из социальных сетей
Classifier for systematising downloaded social networks content

Код	Категория	Подкатегория	Код
А	Социальные	Образование	1
		Медицина	2
		Гуманитарная помощь	3
		Льготы и пособия	4
В	Социально-культурные	СВО	1
		Гражданские мероприятия	2
С	Политические	Органы власти, личности	1
		Внешняя политика	2
		Референдум	3
		Гражданство	4
D	Военные	Обмен	1
		Обстрел	2
		Теракт	3
		Фронт	4
		Погибшие	5
		Мятеж	6
		Мобилизация	7
		Разминирование	8
Е	Экономические	Восстановление территорий	1
		Цены	2
		Таможенный контроль	3
		Энергоресурсы	4
		Валюта	5
F	Городские	F	
G	Другое	G	
H	Мусор	H	
I	Фейки	I	

Разработанный авторский классификатор содержал 9 категорий, каждой из них был присвоен свой код (от А до I), и она включала подкатегории. Так, категория «социальные» содержала подкатегории, относящиеся к социальной сфере жизнедеятельности людей – образованию, медицине, гуманитарной помощи, выплате льгот и пособий. Социально-культурный

кластер классификатора включал подкатегории социальной и культурной сферы жизни региона: гражданские мероприятия (концерты, праздники, митинги и т. д.), мероприятия в поддержку проведения СВО, участия добровольцев и т. д.

Категория «политические» – это все то, что относится к политической жизни региона (проведение референдума, трансформация органов власти, появление новых политических лиц, их выступления, обращения и т. д.). Внешняя политика (обращения зарубежных политиков, заявления на саммитах, санкции) составила отдельное политическое направление. К политическому кластеру было отнесено «получение гражданства» (это сообщения о процедуре получения гражданства РФ, необходимых документах и т. д.) в связи с тем, что смена гражданства в данном случае – это не только социальное и правовое действие, а следствие политических событий и составляющая интеграционного процесса.

Категория «военные» – это собственно военная тематика – от обстрелов и терактов до фронтового дискурса (обмены, фронтовые сводки, погибшие, мобилизация, разминирование территорий). Экономический кластер контента содержит подкатегории, относящиеся не к экономике в классическом понимании, а скорее к экономическому выживанию в кризисный период (восстановление территорий, динамика цен, таможенный контроль, получение энергоресурсов, смена валюты).

Категория «городские» содержит сообщения о трансформации инфраструктуры городов (ремонт энергосетей, дорожного полотна, восстановление зеленых зон и посадка деревьев и т. д.). Категория «фейки» составили сообщения, их разоблачающие. «Мусор» – это сообщения об услугах, рекламе, поиске работы и прочем, что отсекалось из выборки для максимального достижения ее контентной чистоты.

После чистки выгруженного контента релевантные сообщения составили 25 164 единицы, или 54% от исходного выявленного материала. «Немусорная», вычищенная доля контента из сети Facebook составила 77%, сети ВКонтакте – 71%, Telegram – 49% (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Количество выгруженного, нерелевантного и релевантного контента, ед.

Number of downloaded, irrelevant and relevant content, in units

Социальные сети	Количество выгруженных сообщений	Количество нерелевантных сообщений	Количество релевантных сообщений
Facebook	7072	1603	5469
ВКонтакте	1438	418	1020
Telegram	38 238	19 563	18 675
Итого	46 748	21 584	25 164

Считаем, что высокая доля нерелевантных сообщений в Telegram свидетельствует о преобладании широкой новостной повестки. Наибольшее количество полученного контента (каналов и постов) из этой сети свидетельствует о ее представленности в интернет-пространстве Херсонского региона. Низкая представленность анализируемой тематики в социальной сети ВКонтакте, с нашей точки зрения, является следствием ее политического запрета на Украине, что сформировало отсутствие привычки обращаться к этой сети.

В исследовании была осуществлена попытка не только анализа контента на коммуникативных площадках, но понимание субъектов информационного поля, его сетевой структуры, сетей распространения информации. Одной из задач проводимого анализа информационных потоков являлось обнаружение ретрансляторов, каналов распространения информационных вбросов и источников информации, что способствовало выявлению центров информационного воздействия в Херсонском интернет-сегменте.

Этапы исследования включали в себя ряд шагов: на первом – реализовался алгоритм сбора данных из социальных сетей; на втором – осуществлялась предобработка неструктурированных данных, их сортировка; на третьем – анализ ретрансляторов и контента; на четвертом – выполнение визуализации проанализированных данных.

Результаты исследования

Тематика интернет-сообщений Херсонского интернет-сегмента за исследуемый период отмечалась высоким разнообразием, что свидетельствует как о тектонических изменениях в жизни херсонцев, так и о повышенном внутреннем и внешнем интересе к событиям в Херсонской области. Военная тематика, конечно, является наиболее значимой в контентном поле Херсонского интернет-пространства. В первую очередь это тематика обстрелов, максимально представленная в сети Telegram (61%). На втором месте пользовательского интереса интернет-аудитории находятся ситуация на фронте, на третьем месте – тема референдума (в большей степени освещенная в ВКонтакте) (см. рис. 2).

Facebook Telegram VK

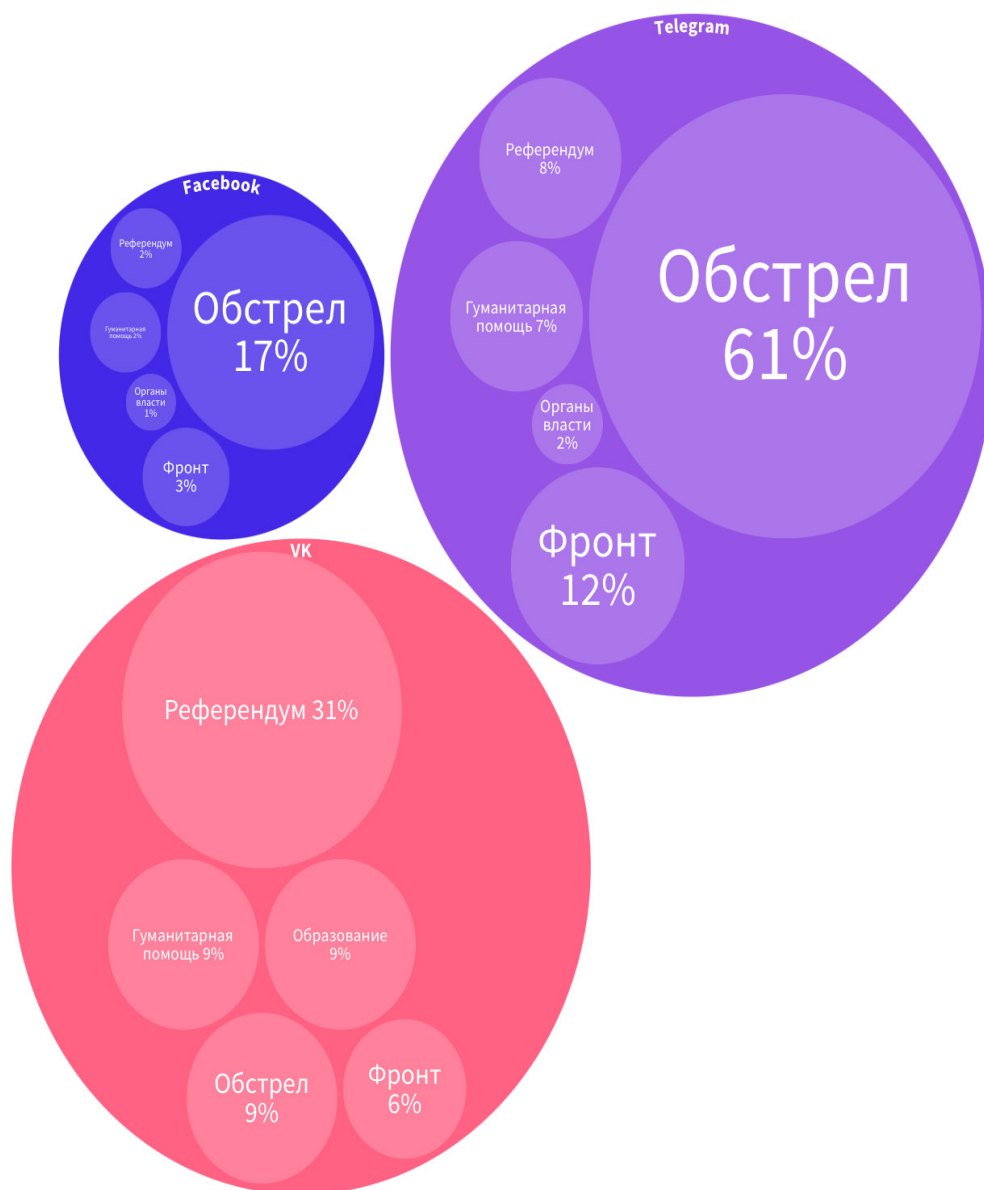

Рис. 2. Топ-5 тематических кластеров в социальных сетях

Figure 2. Top 5 thematic clusters in social networks

Сетевая конструкция контент-единицы «обстрел». Первое, что необходимо отметить, образ обстрелов имеет двоякое толкование в российском и украинском сегментах сети. В российском дискурсе – находится в «спасительной и освободительной» повестках (осуществление только по военным объектам); в украинском (представлена только в Facebook) – выступает средством от «захватчиков», с упоминанием украинской стороны при обсуждении обстрелов гражданских объектов и территории в целом. С обстрелами оказался связан кластер «гуманитарной помощи», формируемый инфор-

Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» строилась совершенно спонтанно как в российской, так и в украинской информационной повестке. В украинском пространстве социальных медиа (в Facebook) повестка референдума в Херсонской области формировалась аналогично создаваемому официальным Киевом дискурсу референдума по воссоединению Республики Крым и города Севастополя с Россией [12]. Происходило это с использованием таких сетецентрических инструментов информационного поля, как 1) отрицание факта события; 2) его «очернение» и делегитимизация в широком смысле слова – от правового до когнитивного («насильственное присоединение украинской территории к РФ», «жители Херсонской области ждут, когда ВСУ освободят их от оккупации»); 3) формирование рискогенного семантического поля («жизнь жителей Херсона в оккупации» представлена только в негативном ключе, она есть и будет небезопасной в физическом, ресурсном, информационном отношениях) (см. рис. 9).

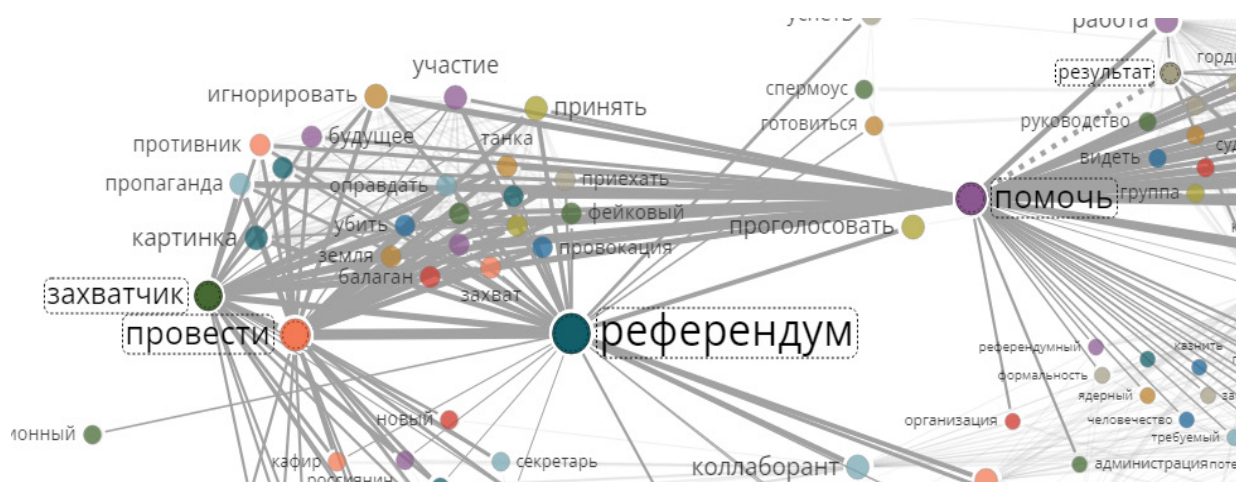

Рис. 9. Сетевая конструкция контент-единицы «референдум» в Facebook

Figure 9. Network structure of the content unit "referendum" in Facebook

В ВКонтakte и Telegram сформирована пророссийская повестка проведенного референдума с такими информационными треками: 1) срыв референдума украинской стороной («киевский режим хочет сорвать референдум»); 2) поддержка референдума жителями Херсонской области («жители Херсона активно идут голосовать», «открыты участки для голосования», «херсонцы хотят быть с Россией»), 3) содействие федерального центра («российские регионы готовы оказывать помощь в проведении референдума», «обращение Херсонской администрации к Президенту РФ В. В. Путину о желании войти в состав РФ»), 4) освещение деятельности украинских провокаторов, целью которых является срыв референдума (рис. 10, 11).

вания. Украинская сторона конфликта представляет свое гуманитарное участие в Херсонском регионе через Facebook с освещением не собственно гуманитарной помощи, а работы созданных Украиной фондов помощи для пострадавших от «российской агрессии». Есть один значимый момент: украинская сторона, в отличие от российской, формирует образ предоставления гуманитарной помощи как следствие российской «оккупации», чем и создает негативную тональность позитивного (по своей природе) социального явления.

Сетевые конструкции Херсонского интернет-сегмента сети. Выявлено, что существует два центра информационного воздействия, посредством которых распространяется информация через создаваемые сети онлайн-сообществ, имеющие двухуровневую конструкцию. В российской сети на первом уровне – «кластере приема» – информация поступает через онлайн-сообщества «Главное в Скадовске», «Херсонская область чат», «Главное в Каховке и Новой Каховке», «Главное в Чернобаевке», «Главное в Геническе», на втором – «кластере распространения» – она распределяется по сети (по каналам «На самом деле в Херсоне», «Южный регион/Новороссия», «Администрация Херсонской области», «Типичный Херсон»). Контентная повестка российской информационной сети имеет следующие треки:

- Россия оказывает гуманитарную помощь жителям Херсонской области;
- ВСУ на Херсонском направлении терпят поражение;
- обстрел мирного населения и провокации присутствуют со стороны ВСУ;
- жители Херсонской области и города Херсон возвращаются домой в Россию.

В Facebook функционирует украинский центр информационного воздействия, контент которого вбрасывается сначала в сеть сообществ «Херсонская правда», «Херсон INFO», «Херсон как есть», «ИНФО Новини Сумщины», «Дніпровщина інформаційна», затем контент из этих каналов поступает в так называемые «периферийные» сообщества (созданные местными ЛОМами и находящиеся под контролем ЦИПСО), что и формирует «кластер периферии». Украинский информационно-сетевой центр формирует такие дискурсы, как 1) успешная деятельность ВСУ на Херсонском направлении, 2) ВСУ «освобождает территории», 3) Россия формирует негативный имидж ВСУ в международном поле.

В целом можно отметить, что украинский сегмент дискурса-поля предреферендумного и постреферендумного периодов Херсонского интернет-сегмента представляет собой некую тематическую методичку, которую можно было наблюдать и при формировании повестки нигилизации событий Крымской весны и делегитимизации референдума по воссоединению Республики Крым и города Севастополя с Россией [12].

Анализ выявленных информационных треков обоих центров сетевого управления информацией свидетельствует об использовании ими сетецентрических операций, которые охватывают:

1. Физическую сферу (обстрелы мирного населения, создание экзистенциальных рисков).
2. Информационную сферу (охват интернет-сегмента Херсонского региона с проникновением в международное медиаполе и сегменты противоположной стороны).
3. Когнитивное поле (формирование противоположных контентных структур фронта и референдума, что создает противоречивые установки в массовом сознании).
4. Социальное пространство (трансформация политической структуры региона, институтов общества).

Анализ инфраструктуры сетевых информационных центров показал, что информация в современном обществе распространяется как управляемая сеть. Центры информационного воздействия ее организуют, подготавливают аудиторию к поддержке или отрицанию определенного медиаобраза. Остановимся на некоторых особенностях создания исследуемых нами образов контент-единиц сетевыми информационными центрами. Так, фронтную повестку формируют два центра информационного воздействия – пророссийский и украинский. Трек по референдуму создавался преимущественно российской сетью с превалярованием пророссийского дискурса. Кластер по оказанию гуманитарной помощи формировался обеими сторонами, но имел разновекторную когнитивную направленность.

Вместо заключения

Сегодня центры информационного воздействия являются сетевыми структурами, управляющими информационными потоками и являющимися инструментами когнитивной трансформации массового сознания, формирования в нем стереотипов, установок, образов и смыслов. Современную повестку украинского конфликта и освещение проводимой Россией СВО создают два центра информационного воздействия по принципам осуществления сетецентрических операций с применением приемов информационного превосходства.

В социальной сети Facebook функционирует центр информационного воздействия, регулируемый украинской стороной. Данный центр занимается построением негативного образа ВС РФ, когнитивного «стирания» всего русского и России в целом посредством создания дискурса делегитимизации референдума о воссоединении Херсонской области с Россией, создания «победной» и «освободительной» фронтных повесток, распространения и закрепления экзистенциальных рискогенных установок в сознании жителей Херсонской области.

Российский центр управления информационной повесткой активно работает в двух социальных сетях – ВКонтакте и Telegram. Однако есть некоторые особенности сетевой работы данного центра. В сети ВКонтакте образы ВСУ, ВС РФ, представителей политической элиты России и Украины формируются как антиподы образам, создаваемым украинской стороной в Facebook. На площадке Telegram активно работают оба центра, что говорит о ряде моментов. Во-первых, о высокой степени доверия пользователей к информации, получаемой из Telegram. Во-вторых, о присутствии аудитории, склонной получать одновременно и пророссийский, и проукраинский контент. В-третьих, Telegram является сегодня площадкой применения сетецентрических операций в информационной и когнитивной сферах.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют обоснованно предположить использование стратегии сетецентрического воздействия в рамках сегмента социальных медиа, в первую очередь сегмента Telegram, который и является пространством активного сетецентрического влияния. С одной стороны, это пространство выступает экспериментальной площадкой для апробирования новых инструментов когнитивного противостояния. С другой стороны, Telegram сегодня аккумулирует политически разновекторную аудиторию, в том числе ту ее часть, которая стремится анализировать информацию с точки зрения обеих противостоящих сторон. Фактически можно говорить о формировании интернет-аудитории, не подверженной беспрекословному информационному воздействию, а сохраняющей стремление к достижению информационной объективности и «чистоте» информационного потребления.

Приведенные данные показали некоторые попытки анализа когнитивной трансформации сознания человека с использованием сетецентрических механизмов в коммуникативном пространстве в период конфликтов. Они имеют серьезные научно-исследовательские перспективы, так как предоставляют новое теоретическое знание и позволяют апробировать его в сложных условиях гибридного противостояния, имеющего не только политическую, военную и экономическую составляющие, но и информационную и когнитивную, направленные на стирание и разрушение исторических, социальных и культурных основ социального бытия.

Библиографический список

1. Андреев Э. М. Современные процессы евразийской интеграции: актуальные проблемы исследования и практической реализации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 186–204.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.

4. Лазарсфельд П. Ф., Кац Э. Личное влияние: Роль, которую играют люди в потоке массовых коммуникаций. Албания: Издатели транзакций, 2006. 400 с.
5. Лепский В. Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 5–23. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm (дата обращения: 20.04.2023).
6. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: ФОМ, 2004 (ППП Тип. Наука). 382 с.
7. Макаренко С. В. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетецентрических войнах начала XXI века. СПб.: Научно-технические технологии, 2017. 546 с.
8. Манн С. Р. Теория хаоса и стратегическое мышление // Параметры (Ежеквартальный отчет Военного колледжа армии США). Осень 1992. Т. XXII. С. 54–68.
9. Тард Г. Общественное мнение и толпа / Пер. с фр.; под ред. П. С. Когана. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 200 с.
10. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
11. Шилова В. А., Веденин В. А. «Образ врага» в информационных войнах в контексте отношений России с Украиной, Великобританией и США в 2019 году (анализ контента политических блогеров социальной сети Twitter) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. Т. 7. № 4. С. 27–66. EDN: BNXUZZ.
12. Ярмук О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 136–152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703.
13. Cebrowski A. K., Garstka J. H. Network-Centric Warfare – Its Origin and Future // Proceedings. January 1998. Vol. 124/1/1,139. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (дата обращения: 20.04.2023).
14. Johnson J. L. Appeal to the US Naval Institute. Annapolis, Maryland, April 23, 1997. Joint vision 2010. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF> (дата обращения: 20.04.2023).

Получено редакцией: 20.04.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой Социально-философских наук и массовых коммуникаций, Севастопольский государственный университет

Бакулин Александр Викторович, студент 4 курса направления «Социология», Севастопольский государственный университет

Бакулин Дмитрий Викторович, студент 4 курса направления «Социология», Севастопольский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7

The Phenomenon of Network-Centrism in Conditions of Modern Cognitive Opposition: On the Example of the Analysis of the Kherson Case

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: olga_yarmak@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5025-9112

Alexander V. Bakulin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: bakulin-sanya2014@ya.ru

ORCID: 0009-0008-6629-9961

Dmitry V. Bakulin

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: dmitrybaku.ya.ru

ORCID: 0009-0008-1731-2859

For citation: Yarmak O. V., Bakulin A. V., Bakulin D. V. The phenomenon of network-centrism in conditions of modern cognitive opposition: on the example of the analysis of the Kherson case. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 114–135. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.7; EDN: NICCCN

Abstract. The presented article discusses a new social phenomenon of network-centrism and its manifestations in the conditions of modern cognitive confrontation on the example of the analysis of the Kherson information space. This research topic is currently of particular relevance due to the introduction of new tools of network warfare in the physical, informational, cognitive and social spheres of life of individuals through the functioning of information impact centres in post-conflict societies.

Network-centrism in terms of cognitive confrontation is understood as a completely new social and civilisational phenomenon. Network-centric operations are understood by the authors as a kind of postmodern analogue of colonisation and subjugation, carried out in new conditions, in new formats and using new communication technologies. The main feature of the strategy of network wars using network-centric mechanisms is to achieve a damaging effect in all spheres of society, including its civilisational foundations. At the same time, not the power mechanisms of influence are used, but a wide range of factors – from civilisational and informational to social and cognitive ones. The analysis of network-centric operations is carried out through the prism of the classical concepts of network societies, the theory of “controlled chaos”, as well as taking into account applied domestic ones – the doctrine of the USSR Marshal N. V. Ogarkov and foreign developments – the concept of network-centric wars by Vice Admiral of the US Navy A. Cebrowski, Pentagon researcher J. Garstka and Admiral J. Johnson.

The idea of the study was to analyse the network structures of the content units of the information field of the Kherson region, that form military, crisis and post-crisis discourses.

The results obtained by the authors indicate the presence of two information impact centres that use network-centric mechanisms of work in the cognitive field. In addition, the analysis of the work of network information centres showed that today the social media segment, primarily the Telegram segment, is a space for active network-centric influence on the mass consciousness of a conflict society, that creates an experimental platform for testing new tools of cognitive confrontation and forms an Internet audience, that is exposed to direct information impact and manifestations of network centrism in society.

Keywords: network information war, network-centrism, Ukraine, Russia, Kherson region

References

1. Andreev E. M. Modern Eurasian integration processes: actual problems of research and practical implementation. *Socialno-gumanitarnye znaniya*, 2015: 6: 186–204 (in Russ.).
2. Bell D. Socialnye ramki informacionnogo obshhestva [The social framework of the information society]. In *Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade* [The new technocratic wave in the West]. Moscow, Progress, 1986: 330–342 (in Russ.).
3. Baudrillard J. Obshhestvo potrebleniya: ego mify i struktury [Consumer society: Its Myths and Structures]. Trans. from Fr. by E. A. Samarskaya. Moscow, Respublika, Kulturnaya revolyuciya, 2006: 268 (in Russ.).

4. Lazarsfeld P. F., Katz E. Personal influence: The role that people play in the flow of mass communications. Albania, Izdateli tranzakcii, 2006: 400 (in Russ.).
5. Lepsky V. E. Stanovlenie strategicheskix subektov: postanovka problemy [Formation of strategic subjects: problem statement]. *Refleksivnye processy i upravlenie*, 2002: 2: 1: 5–23. Accessed 20. 04.2023. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2002_1.htm/ (in Russ.).
6. Lippman U. Public opinion. Transl. from eng. by T. V. Barchunova. Moscow, FOM, 2004: 382 (in Russ.).
7. Makarenko S. V. Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century. St. Petersburg, Naukoemkie texnologii, 2017: 546 (in Russ.).
8. Mann S. R. Teoriya xaosa i strategicheskoe myshlenie [Chaos theory in strategic thinking]. *Parameters* (Quarterly Report of the US Army War College), Fall 1992: XXII: 54–68 (in Russ.).
9. Tard G. Public Opinion and the Crowd. Transl. from Fr.; ed. by P. S. Kogan. 2nd ed. Moscow, LENAND, 2015: 200 (in Russ.).
10. Huntington S. F. Clash of Civilizations. Transl. from Eng. by Yu. Novikov. Moscow, St. Petersburg, AST, 2003: 603 (in Russ.).
11. Shilova V. A., Vedenin V. A. “The image of the enemy” in information wars in the context of Russia’s relations with Ukraine, the United Kingdom and the United States in 2019 (content analysis of political bloggers of the social network Twitter). *Kommunikatsii. Media. Disayn*, 2022: 7: 4: 27–66 (in Russ.). EDN: BNXUZZ.
12. Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkaiderova T. V., Maranchak A. G. Social paradoxes of communication in post-conflict societies. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 136–152 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703.
13. Cebrowski A. K., Garstka D. Network-centric war: its origin and future. *Proceedings*, January 1998. Accessed: 20.04.2023. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>
14. Johnson J. L. Appeal to the US Naval Institute. Annapolis, Maryland, April 23, 1997. Joint vision 2010. Accessed 20.04.2023. URL: <https://www.usni.org/sites/default/files/inline-files/JV2010.PDF>

The article was submitted on April 20, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak, Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Sevastopol State University

Alexander V. Bakulin, 4th year student of the direction “Sociology”,
Sevastopol State University

Dmitry V. Bakulin, 4th year student of the direction “Sociology”,
Sevastopol State University

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.9

EDN: HYAMCU

Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России с 2016 по 2021 год¹

Ссылка для цитирования: Чой Ву Ик. Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России с 2016 по 2021 год // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 136–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.9; EDN: HYAMCU
For citation: Wooik Choi. Research of mutual perception of the Republic of Korea and Russia in the period 2016–2021. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 136–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.9; EDN: HYAMCU

Чой Ву Ик¹

¹ Институт российских исследований
Университета иностранных языков Ханкук,
Сеул, Республика Корея

wooikchoi@gmail.com

Аннотация. Исследование взаимного восприятия Кореи и России можно считать важной формой культурного обмена для понимания восприятия народа и культуры другой страны. Кроме того, данный проект исследует препятствия на пути развития двусторонних отношений и возможные точки соприкосновения для сотрудничества, что способствует определению направления для укрепления стратегического партнерства. Данная статья основана на результатах исследования 2021 г., при этом особое внимание уделялось различиям восприятия народов обеих стран и его изменениям с 2016 г.

Корейцы все еще связывают Россию с образами прошлого – Советским Союзом, коммунистической страной и коммунизмом. Россияне же связывают Южную Корею с современными понятиями, такими как развитие промышленности и технологий и корейская культура. Оба народа выражают желание посетить другую страну, при этом интерес к культуре чуть более высок у россиян.

В восприятии корейцев в двусторонних отношениях значительных изменений не наблюдается. Немного сократилась доля корейских респондентов, выражающих положительное отношение к политическому сотрудничеству, позитивные настроения можно наблюдать и в отношении сотрудничества в сфере экономики. Также не наблюдается значительных изменений и в восприятии россиянами отношений двух стран. Немного сократилась доля тех, кто положительно оценивает перспективы текущих двусторонних отношений, так же как и корейцы, россияне позитивно относятся к экономическому сотрудничеству.

¹ Работа поддержана Исследовательским фондом Университета иностранных языков Ханкук в 2022 г.

Как показал анализ результатов опроса, сотрудничество Южной Кореи и США в качестве союзников и конфронтация между Россией и США являются основным препятствием на пути развития отношений между Россией и Кореей. Внешнеполитические проблемы остаются решающим фактором развития сотрудничества. Таким образом, по мнению общест­венности, практическим и эффективным способом развития двусторонних отношений может стать обмен в сфере экономики, медицины, туризма и культуры на уровне частного сектора и местных органов власти, а не политико-дипломатическое сотрудничество на государственном уровне.

Ключевые слова: российско-корейские отношения, опрос, взаимное восприятие, культурный обмен, экономическое сотрудничество

В 2020 г. исполнилось 30 лет со дня установления дипломатических отношений между Республикой Корея и Россией. В честь 30-летия установления дипотношений Корея и Россия объявили 2020–2021 гг. «Годами взаимного культурного обмена». Таким образом, обе страны показали стремление активизировать культурный обмен и создать основу для долгосрочного и устойчивого партнерства, поощряя гуманитарные связи между учреждениями в сферах культуры и искусства. На этом фоне было проведено «Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России в 2021 году»¹.

В настоящее время культурный обмен представляет собой деятельность, которая способствует взаимопониманию разницы культур, а также содействует миру и процветанию в международном сообществе. Исследование взаимного восприятия Кореи и России можно считать важной формой культурного обмена для понимания восприятия народа и культуры другой страны. Кроме того, данный проект исследует препятствия на пути развития двусторонних отношений и возможные точки соприкосновения для сотрудничества, что способствует определению направления для укрепления стратегического партнерства. Этот опрос позволяет измерять и отображать смутные мысли в конкретных цифрах, что служит основой и стандартом для планирования и реализации проектов развития сотрудничества между двумя странами.

Прошло уже более 30 лет с тех пор, как Корея и Россия установили дипломатические отношения в 1990 г. Это, с одной стороны, короткий, а с другой стороны, долгий срок. Фактически дипломатические отношения были установлены, когда Россия еще являлась Советским Союзом. Но сразу после этого произошел распад СССР, наступил период рыночных реформ, и Россия приобрела новый облик. Республика Корея также перешла от военного правительства к демократическому, от развивающейся страны к державе в сфере науки и технологий и сейчас стала страной, которая рас-

¹ В 2021 г. «Исследование взаимного восприятия Кореи и России в 2021 году», проведенное Институтом российских исследований Университета иностранных языков Ханкук, было опубликовано в 2022 г. в виде одноименной книги [5]. Данная статья написана на основе этой книги, а номера страниц этой книги указаны в сносках.

пространяет корейскую культуру во всем мире. Настало время, когда необходима всесторонняя оценка последних 30 лет российско-корейских отношений и конкретные данные для того, чтобы предсказать перспективы их развития.

Тем временем в Корее и России было проведено несколько опросов взаимного восприятия [2; 6; 7; 8; 9]. Однако опрос, проведенный Институтом российских исследований Университета иностранных языков Ханкук, – это первая попытка специализированного исследовательского института в обеих странах провести одновременный опрос всего населения с одинаковым содержанием. Институт российских исследований в 2016, 2017, 2018 и 2021 гг. завершил ряд исследований восприятия Республики Корея и России [1; 3; 4; 5].

«Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России в 2021 году» включает в себя результаты опроса восприятия Кореи россиянами, который был проведен в марте 2021 г., и итоги опроса восприятия России корейцами, проведенного в сентябре 2021 г. В этой статье читатели смогут узнать не только о результатах исследования 2021 г., но и о том, как за 6 лет с 2016 г. изменилось это восприятие и каковы его особенности. Мы надеемся, что данная статья внесет ценный вклад в развитие сотрудничества между двумя странами.

Основные итоги исследования взаимного восприятия

Основной целью данного исследования было определение «потенциала партнерских связей» между Россией и Республикой Корея, выяснение «причин, препятствующих осуществлению потенциала сотрудничества», «поиск точек соприкосновения взаимных интересов для укрепления сотрудничества между двумя странами».

Опрос граждан Кореи проводился в сентябре 2021 г. исследовательским центром Hankook Research. А опрос граждан России осуществлялся в марте 2021 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Аналогичные опросы были проведены в Корее в 2016 и 2017 гг., а в России – в 2016, 2017 и 2018 гг. Данная статья основана на результатах исследования 2021 г., при этом особое внимание уделялось различиям в восприятии народов обеих стран и его изменениям.

Основное содержание исследования взаимного восприятия Республики Корея и России включает:

- источники информации о другой стране и опыт посещения;
- восприятие стран и населения другой страны;
- восприятие истории, культуры и туризма другой страны;
- оценка потенциала развития экономических отношений обеих стран;
- российско-корейское стратегическое партнерство: перспективы и препятствия;

- представления о текущих вопросах обеих стран в 2021 г. (например, вспышка COVID-19, тридцатая годовщина установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея).

Метод опроса: выборка опроса репрезентирует население обеих стран по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта:

- объем выборки (2021 г.) – 1026 респондентов из Кореи / 1600 респондентов из России;
- тип выборки – случайная / стратифицированная по месту проживания, полу и возрастной группе;
- метод: население Кореи – интернет-опрос / население России – телефонный опрос (САТТ).

Основные итоги опроса граждан Кореи

Уровень осведомленности о России и заинтересованности в ней

Уровень заинтересованности корейцев в России несколько снизился по сравнению с 2017 г. Основными источниками информации о России были телевидение и Интернет.

Четверо из десяти опрошенных в той или иной мере информированы о России, этот показатель сократился с 51 до 40% по сравнению с 2017 г. 61% корейцев строят представления о России на основе информации из телевизионных передач, далее следуют такие источники, как Интернет (36%), YouTube (29%), школьное/вузовское образование (26%). Среди конкретных источников, известных людей, авторов, передач, интернет-контента, благодаря которым респонденты узнали о России, первое место занимают телевизионные передачи (7%), далее следуют В. Путин (6%), YouTube (6%), Л. Толстой (5%), школьные учебники или школьная программа (5%) [5, с. 46–48].

Восприятие России и ее населения

Для большинства корейцев слово «Россия» устойчиво ассоциируется с Советским Союзом, однако по сравнению с 2016–2017 гг. эти показатели значительно сократились. Что касается отношений жителей обеих стран, доля тех, кто относится к россиянам с доверием и симпатией, немного увеличилась по сравнению с 2017 г., однако пока более половины опрошенных корейцев относятся к россиянам нейтрально, без доверия, но и без антипатии.

Доля корейцев, которые ассоциируют слово «Россия» с Советским Союзом была рекордной и составила 48%. Однако можно проследить, что с течением времени этот показатель постепенно снижался: с 57% в 2016 г. до 56% в 2017 г. и 48% в 2021 г. Слово «Россия» в обще-

ственном сознании корейцев ассоциируется с зимой и холодом (28%), а также с В. Путиным (24%), коммунизмом/коммунистической страной (18%), Советским Союзом (17%), Москвой (11%), медведями (10%) и так далее. Только 11% корейцев имеют опыт использования российских товаров. Наиболее востребованными оказались алкогольные напитки (15%), косметика (12%), куклы (10%), средства от похмелья и шоколад (по 6%). Большинство (55%) корейцев относится к россиянам нейтрально. Доля тех, кто относится позитивно, составила 12%, а негативно – 17% [5, с. 49, 50, 52, 53, 55].

Туристическая и культурная привлекательность России

Туристическая привлекательность России оценивается довольно высоко, однако главными препятствиями для путешествий стали языковой барьер и пандемия коронавируса. Доля респондентов, выражающих заинтересованность в русской культуре, равна доле опрошенных корейцев, которых эта культура не особо интересует.

65% корейцев никогда не были, но хотели бы побывать в России. Среди самых востребованных мест для посещения в России первое место занимает Москва (27%), далее следуют Владивосток (23%), Байкал (15%) и Санкт-Петербург (15%). Главными препятствиями для поездки в Россию являются незнание языка (54%), пандемия коронавируса (39%) и физическая небезопасность пребывания (32%). По мнению опрошенных корейцев, Россия занимает девятое место среди стран, чей опыт по борьбе с коронавирусной инфекцией в 2020 г. был наиболее эффективным. Первое место в этом списке заняла Южная Корея (45%), второе – Израиль (27%), а третье – Германия (13%). Доля опрошенных корейцев, которые (совсем) не заинтересованы в культуре России (43%), немного превысила долю тех, кто выразил в ней (высокую) заинтересованность (41%) [5, с. 56–59, 61].

Перспективы и препятствия на пути сотрудничества между Россией и Республикой Корея

Во-первых, большинство корейцев не видит изменений в текущих отношениях между Россией и Республикой Корея. Процент положительной оценки российско-корейских отношений выше отрицательной, а также распространено мнение о том, что отношения между странами сохраняются без особых изменений.

Доля корейцев, считающих, что за последние год-два отношения между Россией и Южной Кореей «скорее улучшились», немного сократилась по сравнению с 2017 г. (18→15%), а доля тех, кто отмечает «ухудшение отношений между странами», значительно сократилась (17→6%). И наоборот, доля тех, кто отмечал «сохранение отношений между странами», увеличилась с 44 до 60% в 2021 г. Мнения корейцев относительно текущих отношений между странами остались без изменений: доля тех, кто считает отношения между странами «дружественными» и «скорее

дружественными», составила 44% в 2017 г. и 46% в 2021 г., а около трети опрошенных (33 и 28%) оценили их как «скорее недружественные» и «совсем недружественные». Доля тех, кто считает, что сотрудничество с Россией «отвечает интересам Южной Кореи», несколько снизилась (65→61%), однако и показатели варианта «не отвечает интересам» также сократились (17→12%). С другой стороны, доля корейских респондентов, которые «затруднялись ответить», значительно возросла (18→27%), что можно рассматривать как растущую осторожность в отношении сотрудничества с Россией [5, с. 66, 68, 70].

Во-вторых, увеличилась доля тех, кто негативно оценивает перспективы развития отношений между странами. Стоит отметить, что процент негативных взглядов на перспективы российско-корейского сотрудничества увеличивается при осознании текущих разногласий между Россией и США.

Доля корейских респондентов, считающих, что «Россия и Республика Корея уже являются партнерами», осталась на уровне 2017 г. (10% в 2017 г. и 11% в 2021 г.). Не отмечаются изменения и в ответе «не могут стать партнерами» (11% в 2017 г. и 12% в 2021 г.). Однако доля корейцев, которые считают, что «обе страны пока не являются партнерами, но могут ими стать», снизилась с 64 до 59%. 44% опрошенных видят «внешнеполитические проблемы» ключевым препятствием на пути развития отношений между странами, что стало самым высоким показателем и в 2021 г. При упоминании того, что «в настоящее время Россия и США находятся в конфронтации», показатели мнения об укреплении сотрудничества между странами сократились почти на 10–15% в таких сферах, как экономика (40→27%), дипломатия (43→27%) и культура (48→37%) [5, с. 69, 72, 79].

В-третьих, в области экономики половина опрошенных воспринимают Россию в качестве страны-партнера, а доля корейцев, одобряющих конкретные проекты сотрудничества между странами, включая заключение Соглашения о свободной торговле и проекты по освоению Дальнего Востока и Арктической зоны России, весьма высока.

Процент респондентов, ответивших, что в области экономики у Южной Кореи и России складываются «конкурентные отношения», снизился с 24% в 2017 г. до 17% в 2021 г., а доля тех, кто отмечал «партнерские отношения», значительно выросла с 38 до 48%. Процентное соотношение ответов «полностью поддерживаю» и «скорее поддерживаю» заключение Соглашения о свободной торговле между Россией и Южной Кореей повысилось с 61% в 2017 г. до 62% в 2021 г., а показатели вариантов «скорее не поддерживаю» и «совершенно не поддерживаю» увеличились с 7 до 10% каждый. Несмотря на рост негативного отношения, ответы с положительным мнением имеют куда более высокие показатели. Доля корейцев, считающих, что участие южнокорейских компаний в проектах по освоению Дальнего Востока и Арктической зоны «обязательно» или «желательно», снизилась с 78% в 2017 г. до 69% в 2021 г. Доля против этого немного увеличилась с 7 до 14%. Несмотря на рост негативного отношения, показатель положительных ответов куда выше негативных [5, с. 67, 73, 75].

В-четвертых, оценка 30-летия установления дипломатических отношений между Россией и Кореей оказалась выше среднего. Корейские респонденты отметили, что для развития российско-корейских отношений правительству следует сосредоточить внимание на экономическом сотрудничестве.

При оценке 30 лет дипломатических отношений между Кореей и Россией и достижений в различных областях двусторонних отношений (туризм, наука и техника, экономика, культура, политика) средний показатель оказался самым высоким во всех областях, и такие результаты нельзя считать отличной оценкой. Тем не менее области с более высоким показателем положительного отношения граждан – это туристический обмен, научно-техническое и экономическое сотрудничество, в то время как сфера политического сотрудничества имеет более высокий показатель с негативным отношением. Что касается роли правительства, то ответ «расширение экономического сотрудничества» набрал наибольшее число голосов среди опрошенных – 52%, за ним следуют «расширение усилий в политико-дипломатической сфере» (46%), «укрепление публичной дипломатии» (38%) и «активизация общения массовых культур» (30%) [5, с. 65, 77].

Основные итоги опроса граждан России

Уровень осведомленности о Южной Корее и заинтересованности в ней

За пять лет выросла доля россиян, которые много знают о стране и проявляют интерес к информации о ней, однако данный показатель все еще меньше половины от общего числа опрошенных.

На сегодняшний день лучше всего осведомлены о стране молодые люди (18–24 лет), эта же возрастная группа больше всего интересуется корейской поп-музыкой и корейским языком. За пять лет снизилась доля тех, кто мало или ничего не знает о Корее. Из опрошенных в 2021 г. 5% ответили, что «много знают» о Южной Корее, а 45% сказали, что «знают немного, но хотели бы знать больше». Интернет и телевидение являются основными источниками информации о Южной Корее, причем интернет-сайты чаще выбирают люди молодого возраста. Среди конкретных источников доминируют новостные передачи, телеканалы о путешествиях, YouTube-каналы про путешествия и блоги [5, с. 105, 106, 115, 116].

Восприятие Кореи и ее населения

Россияне считают, что доминирующей особенностью Южной Кореи является промышленное и технологическое развитие, а ВВП Южной Кореи сравним с ВВП Германии или Франции. 60% опрошенных россиян относятся к корейцам нейтрально.

Топоним «Корея» у большинства респондентов ассоциируется и с Северной, и с Южной Кореей. Доля тех, кто соотносит это слово с Южной Кореей, повысилась на 6% по сравнению с 2018 г. и составила 20% в 2021 г., и только 10% связывают это название с Северной Кореей. Две трети опрошенных россиян когда-либо использовали корейские товары. Они воспринимают Южную Корею как промышленно и технологически развитую страну, ВВП которой стоит на одном уровне с Германией, Турцией и Францией. Постепенно растет доля россиян, симпатизирующих этническим корейцам, проживающим в России. В вопросе восприятия жителей других стран наблюдается смещение позитивных оценок в сторону более нейтральных. Такую ситуацию можно объяснить отсутствием за последние год-два социальных контактов и ограничением поездок за границу. В 2021 г. 60% опрошенных россиян оценили свое отношение к корейцам как нейтральное [5, с. 107–109].

Туристическая и культурная привлекательность Кореи

Большинство опрошенных россиян хотели бы посетить страну, интерес к культуре у них постоянно растет. Отмечается рост интереса к корейской кухне, косметике и поп-музыке.

Туристическая привлекательность Южной Кореи за пять лет выросла на 11%, при этом 59% опрошенных россиян хотели бы посетить страну. За последние три года культурный фактор стал одним из основных элементов в образе Южной Кореи (увеличился на 9%), интерес россиян к корейской культуре продолжает расти. Среди различных аспектов культуры можно отметить рост интереса к корейской кухне, косметике и поп-музыке (особенно среди молодого поколения). По мнению опрошенных, в 2020 г. Южная Корея заняла третье место среди стран, чей опыт в борьбе с коронавирусом оказался наиболее эффективным [5, с. 107, 111, 112, 114].

Перспективы и препятствия на пути двустороннего сотрудничества между Россией и Республикой Корея

Во-первых, 80% опрошенных среди россиян воспринимают текущие отношения России и Южной Кореи преимущественно дружественными (доля позитивных оценок выросла на 12% за три года). В 2021 г. 58% опрошенных россиян оценили отношения между странами в области экономики как партнерские, а доля тех, кто считает, что сотрудничество со страной выгодно для России, составила 65% [5, с. 117, 119].

Во-вторых, однако в 2021 г. доля тех, кто полагает, что «за последние год-два отношения между странами скорее улучшились», сократилась (34→20%), то же касается и ответа «уже являются партнерами» (16→11%). Внешнеполитические проблемы остаются ключевым препятствием на пути развития отношений между странами (41% в 2021 г. и 48% в 2018 г.). При упоминании о том, что «Южная Корея и США являются союзниками», доля

россиян, считающих, что сотрудничество между Россией и Южной Кореей активизируется во всех сферах, включая экономику (35→25%), дипломатию (35→26%), культуру (46→38%), снизилась примерно на 8–10% [5, с. 119, 121, 122].

В-третьих, за пять лет более чем вдвое выросло число россиян, считающих Южную Корею стратегическим партнером в вопросе развития Дальнего Востока (14→31%). Соглашение о свободной торговле между Россией и Южной Кореей поддерживают 90% респондентов (и 98% жителей ДФО). Опрошенные стали чаще ассоциировать Корею со страной с высокими технологиями, а наиболее перспективными направлениями сотрудничества двух стран по-прежнему остаются медицина, туризм и передовые технологии [5, с. 107, 120, 121].

В-четвертых, при оценке 30 лет дипломатических отношений между Кореей и Россией и достижений в различных областях двусторонних отношений (туризм, наука и техника, экономика, культура и политика) средний показатель оказался самым высоким во всех областях, и такие результаты нельзя считать отличной оценкой. Тем не менее области с более высоким показателем положительного отношения граждан – это туристический обмен, научно-техническое сотрудничество, экономическое сотрудничество, в то время как сфера политического сотрудничества имеет более высокий показатель с негативным отношением [5, с. 117].

Сопоставление восприятия стран и народов России и Кореи

Уровень информированности и заинтересованности друг в друге жителей двух стран

Информированность о другой стране и заинтересованность в ней среди населения двух стран постоянно растет (в 2021 г. этот показатель среди корейского населения сократился), однако пока эта цифра меньше половины от общего числа опрошенных. Главным источником информации о другой стране являются Интернет и телевидение.

Восприятие другой страны и ее населения

Доля корейцев, ассоциирующих слово «Россия» с Советским Союзом, по-прежнему достаточно высока, однако в 2021 г. данный показатель составил меньше 50%. Причем две трети опрошенных россиян ассоциируют слово «Корея» как с Южной, так и с Северной Кореей. Слово «Россия» для корейцев ассоциируется с зимой, холодом, В. Путиным, коммунистическим государством и Советским Союзом, а топоним «Корея» для россиян – с промышленным и технологическим развитием и корейской культурой. Две трети российских респондентов когда-либо использовали корейские товары (бытовую технику, косметику, автомобили, мобильные телефоны), а доля

корейцев, использующих российские товары (алкоголь, косметику, куклы) составила лишь 11% от числа опрошенных. Более половины опрошенных обеих стран относятся к гражданам другой страны нейтрально.

Туристическая и культурная привлекательность другой страны

Более половины опрошенных среди жителей обеих стран выразили желание посетить другую страну. Доля россиян, проявляющих интерес к корейской культуре, больше 50%, а интерес корейцев к российской культуре составил меньше 50%.

Перспективы и препятствия на пути сотрудничества между странами

Доля опрошенных корейцев, которые считают отношения России и Южной Кореи преимущественно дружественными, меньше 50%, и наоборот, 80% российских респондентов воспринимают их положительно. Доля респондентов обеих стран, которые отмечают, что «за последние год-два отношения России и Южной Кореи скорее улучшились», сократилась. Доля корейцев, которые отмечают, что страны «пока не являются стратегическими партнерами, но могут ими стать», также снизилась в 2021 г. по сравнению с 2017 г. Доля опрошенных россиян, считающих, что страны «уже являются партнерами», также сократилась в 2021 г. по сравнению с 2018 г. Доля жителей двух стран, которые положительно оценивают текущие или будущие отношения между странами, немного сократилась. «Внешиполитические проблемы» остаются основным препятствием на пути развития отношений между странами. Главной причиной можно рассматривать союзнические отношения Южной Кореи и США, в то время как Россия и США находятся в конфронтации. Доля тех, кто считает сотрудничество двух стран выгодным для своей страны, а также тех, кто одобряет экономическое сотрудничество и поддерживает заключение Соглашения о свободной торговле и сотрудничестве в сферах освоения Дальнего Востока и Арктической зоны, достаточно высока, причем среди ответов россиян этот показатель выше, чем среди ответов корейской стороны. Оценка 30-летних дипломатических отношений между Кореей и Россией в целом средняя, россияне по-прежнему оценивают их выше, чем корейцы. На вопрос: «В каких сферах сотрудничество между Южной Кореей и Россией должно развиваться в первую очередь?» – корейцы в 2021 г. ответили, что это должны быть «промышленность и энергетика», «торговля», «политика и дипломатия», ответ россиян выглядит следующим образом: «медицина», «туризм и общение», «высокие технологии».

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

- В восприятии корейцев значительных изменений двусторонних отношений не наблюдалось. Немного сократилась доля корейских респондентов, выражающих положительное отношение к политическому сотрудничеству, позитивные настроения можно наблюдать и в отношении сотрудничества в сфере экономики. По мнению опрошенных корейцев, правительству стоит прилагать больше усилий для сотрудничества в экономической сфере.

- Также не наблюдается значительных изменений в восприятии россиянами отношений двух стран. Немного сократилась доля тех, кто положительно оценивает перспективы текущих двусторонних отношений, так же как и корейцы, россияне позитивно относятся к экономическому сотрудничеству, называя медицину, туризм, гуманитарный обмен и высокие технологии перспективной сферой сотрудничества.

- Как показал анализ результатов опроса, сотрудничество Южной Кореи и США в качестве союзников и конфронтация между Россией и США являются основным препятствием на пути развития отношений между Россией и Кореей. Внешнеполитические проблемы остаются главным препятствием, однако значимость этого фактора продолжает снижаться. В то же время процент тех, кто считает, что информации о странах недостаточно, продолжает увеличиваться.

- Таким образом, по мнению общественности, практическим и эффективным способом развития двусторонних отношений может стать обмен в сфере экономики, медицины, туризма и культуры на уровне частного сектора и местных органов власти, а не политико-дипломатическое сотрудничество на государственном уровне.

- В восприятии другой страны оба народа не обладают достаточными знаниями и интересом и относятся друг к другу нейтрально. Корейцы все еще связывают Россию с образами прошлого – Советским Союзом, коммунистической страной и коммунизмом. Россияне же связывают Южную Корею с современными понятиями, такими как развитие промышленности и технологий и корейская культура. Оба народа выражают желание посетить другую страну, при этом интерес к культуре чуть более высок у россиян. Граждане обеих стран выступают за экономическое сотрудничество, в этом вопросе также видны более высокие показатели у жителей России.

- Что касается корейских респондентов, то самым главным фактором, влияющим на разницу в восприятии, оказался возраст. Поэтому необходимо предоставлять больше информации о России более младшей возрастной группе и формировать более положительный образ России у старшей возрастной группы.

- Туризм может стать важным средством для улучшения восприятия людей другой страны. Что касается Южной Кореи, изменение сообщений СМИ может оказать влияние на улучшение восприятия России, однако это требует дополнительных исследований.

Библиографический список

1. Баскакова Ю. М., Чой Ву Ик. Россия и Корея: образы стран по данным сравнительного исследования. М.; Сеул: Ихван, 2018. 96 с.
2. Овакимян А. Образ Кореи в общественном мнении россиян // Вестник общественного мнения. 2013. № 2. С. 45–55.
3. Федоров В. В., Чой Ву Ик и др. Россия и Корея: образы стран по данным сравнительного исследования. М.; Сеул: Ихван, 2016. 89 с.
4. Федоров В. В., Чой Ву Ик и др. Россия и Корея: образы стран по данным сравнительного исследования. М.; Сеул: Ихван, 2017. 101 с.
5. Чой Ву Ик. Исследование взаимного восприятия Кореи и России в 2021 году. Сеул: Дахэ, 2022. 143 с.
6. 송정수 · 김세일. 「한국 대학생들의 러시아 국가이미지 연구」, 『A Search of Enhanced Cooperation and Mutual Recognition between Korea and Russia』, 2015년 6월 27일 KASEUS 주관 국제학술대회 자료집, 2015. 33–42쪽.
7. 윤영기 · 김슬기. 「러시아에서 한국의 국가 이미지 — 러시아 대학생들의 동북아 국가 이미지와 인식차이 비교분석」, 『Russia & Russian Federation』, 한국외국어대학교 러시아연구소, 2012. Vol. 3. No. 3. P. 46–51쪽.
8. 최진희. 「한러수교 20주년과 문화교류」, 『외국학연구』, 2011. 제18집. 383–400쪽.
9. 홍완석. 「제4장 러시아 문화수요 설문조사 및 분석」, 『한-러 문화교류 기초조사』, 서울: 문화체육관광부, 2009. 105–198쪽.

Получено редакцией: 09.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чой Ву Ик, кандидат социологических наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.9

Research of Mutual Perception of the Republic of Korea and Russia in the Period 2016–2021¹

Wooik Choi

Institute of Russian Studies of the Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

E-mail: wooikchoi@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2014-1794

¹ This work was supported by the Hankuk University of Foreign Studies Research Foundation in 2022.

For citation: Wooik Choi. Research of mutual perception of the Republic of Korea and Russia in the period 2016–2021. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 136–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.9; EDN: HYAMCU

Abstract. The study of the mutual perception of Korea and Russia can be considered an important form of cultural exchange for understanding the perception of the people and culture of another country. In addition, this project explores obstacles to the development of bilateral relations and possible points of contact for cooperation, that helps to determine the direction for strengthening the strategic partnership. This article is based on the results of the 2021 study, with particular attention to the differences in perceptions of the peoples of both countries and its changes since 2016.

Koreans still associate Russia with images of the past – the Soviet Union, a communist country, and communism. Russians associate South Korea with modern concepts such as the development of industry and technology and Korean culture. Both peoples express a desire to visit another country, while the interest in culture is slightly higher among Russians.

There are no significant changes in the perception of Koreans in bilateral relations. The proportion of Korean respondents expressing a positive attitude towards political cooperation has slightly decreased, positive sentiments can also be observed in relation to cooperation in the economic sphere. There are also no significant changes in Russians' perception of relations between the two countries. The proportion of those who positively assess the prospects for current bilateral relations has slightly decreased, just like the Koreans, the Russians have a positive attitude towards economic cooperation.

As the analysis of the survey results showed, cooperation between South Korea and the United States as allies and confrontation between Russia and the United States is the main obstacle to the development of relations between Russia and Korea. Foreign policy problems remain a decisive factor in the development of cooperation. Thus, in public opinion, a practical and effective way to develop bilateral relations can be an exchange in the field of economy, medicine, tourism and culture at the level of the private sector and local authorities, rather than political and diplomatic cooperation at the state level.

Keywords: Russian-Korean relations, survey, mutual perception, cultural exchange, economic cooperation

References

1. Baskakova Yu. M., Choi Wooik. Russia and Korea: images of countries according to a comparative study. Moscow, Seoul, Ihwan, 2018: 96 (in Russ.).
2. Ovakimyan A. The image of Korea in the public opinion of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2013: 2: 45–55 (in Russ.).
3. Fedorov V. V., Choi Wooik et al. Russia and Korea: Images of countries according to a comparative study. Moscow, Seoul, Ihwan, 2016: 89 (in Russ.).
4. Fedorov V. V., Choi Wooik et al. Russia and Korea: Images of countries according to a comparative study. Moscow, Seoul, Ihwan, 2017: 101 (in Russ.).
5. Choi Wooik. Study of mutual perception of Korea and Russia in 2021. Seoul, Dahe, 2022: 143 (in Russ.).
6. Song Jung Soo, Kim Se Il. Russia's Images in the Eyes of Korean Students. In A Search of Enhanced Cooperation and Mutual Recognition between Korea and Russia. Seoul, KASEUS, 2015: 33–42 (in Korean).
7. Yoon Youngki, Kim Seulki. National Image of Korea in Russia – Comparative Analysis of the East North Asian National Image and perception difference of Russian University Students. *Russia & Russian Federation*, 2012: 3: 3: 46–51 (in Korean).
8. Choi Jinhee. 20th anniversary of diplomatic relations between Korea and Russia and Cultural exchange. *The Journal of Foreign Studies*, 2011: 18: 383–400 (in Korean).
9. Hong Wan Suk. A Basic Survey on Cultural Exchange between Korea and Russia. Seoul, Ministry of Culture, Sports and Tourism, 2009: 105–198 (in Korean).

The article was submitted on February 09, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wooik Choi, Candidate of Sociological Sciences, Professor,
Institute of Russian Studies of the Hankuk University of Foreign Studies

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8

EDN: GJWNXL

Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости

Ссылка для цитирования: Барсова Н. С., Подъячев К. В. Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 2. С. 149–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8; EDN: GJWNXL.

For citation: Barsova N. S., Podyachev K. V. Participation of Soviet specialists in the creation of the Egyptian national dance school as a manifestation of cultural sensitivity phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 14. No. 2. P. 149–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8; EDN: GJWNXL

Барсова Наталья Сергеевна¹

¹ Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой,
Санкт-Петербург, Россия

natafari.russia@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 1204251

Подъячев Кирилл Викторович¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

kirvik@bk.ru

AuthorID РИНЦ: 519041

Аннотация. Статья представляет собой сочетание историко-искусствоведческого и социологического исследования. Авторы внимательно рассматривают историю работы советских хореографов, прежде всего связанных с хореографической школой И. Моисеева в Египте в 1950–1960-х годах. В результате этой работы были зафиксированы и выведены на профессиональную сцену египетские традиционные танцы, зародившиеся, вероятно, в глубокой древности, в том числе и ракс шарки, известный в мире как bellydance. Авторы опираются на концепцию институционализации культуры, суть которой состоит в том, что фольклорная традиция в индустриально-урбанистическом обществе уже не может передаваться естественным путем через семью, как в обществе аграрном, но может быть сохранена через фиксацию и институционализацию в системе учреждений

культуры и дополнительного образования. Эта идея была реализована в СССР, и, как показано в данной статье, в Египте при активном участии советских специалистов.

Авторы приходят к выводу, что успешный опыт работы советских хореографов с египетским культурным наследием является эмпирическим подтверждением того, что «культурная открытость» (т. е. восприимчивость и уважительное отношение к другим культурам), которую многие социальные мыслители считают особенностью русской цивилизации, действительно проявляется в реальных жизненных ситуациях.

Наконец, рассмотренный в статье пример показывает, что советский опыт институционализации и профессионализации культурной традиции может успешно применяться и в других странах, у народов, принадлежащих к совсем иным макросоциальным общностям. При этом он дает возможность сохранить элементы национальной самобытности и даже локального своеобразия в условиях индустриально-урбанистического, а возможно, и постиндустриального общества. Таким образом, он должен самым внимательным образом изучаться и применяться в том числе и для преодоления межрегиональных неравенств в РФ.

Ключевые слова: традиция, культура, межкультурная коммуникация, социология, искусствоведение, Египет, хореография, народный танец

Введение

На фоне происходящего кризиса глобализации и резкого обострения геополитической конфликтности актуализируются вопросы цивилизационной самобытности, с одной стороны, и межкультурного диалога – с другой.

Проблема видится в определенном противоречии между идеей «многополярного мира», предполагающего наличие нескольких центров силы, и насущной задачей снижения потенциала конфликтности в новом мировом порядке. Непосредственно с этим связан и вопрос взаимодействия различных культур как внутри одного государства, так и на глобальном уровне. С одной стороны, попытка реализации идеи «конца истории» (в социокультурном смысле означающей глобальную унификацию как материальной культуры, так и поведенческих паттернов), собственно, и привела к текущему мировому кризису. С другой – обратный процесс деглобализации рискует вылиться во всемирный «парад суверенитетов» и существенный рост международной конфликтности. В области социокультурного развития это означает проблему сложного выбора – между стиранием специфических черт национальных культур и культурным изоляционизмом, вредным для развития и угрожающим ростом межэтнической, международной конфликтности.

Также выдвигаемая сегодня идея о России как «государстве-цивилизации» актуализирует поиск специфических черт, характеризующих ее в этом качестве. И очень бы хотелось, чтобы этот поиск опирался не только на умозрение, но и на полученные научными методами эмпирические данные.

В данном тексте мы, конечно, не претендуем на рассмотрение всей массы вопросов, связанных с обозначенной проблематикой. Но следует отметить, что многие социальные мыслители считали ключевой особенностью русской (российской) цивилизации «культурную открытость» (т. е. восприимчивость и уважительное отношение к другим культурам). Это та самая «всечеловечность», которой много места уделено в творчестве Ф. М. Достоевского. Прослеживается тут и связь с направлениями мысли, возникшими именно в России: философией общего дела Н. Ф. Федорова, философией всеединства В. С. Соловьева.

Уважительное отношение россиян к иным народам и культурам наверняка не вызовет удивления у читателей, потому что им оно представляется абсолютно естественным настолько, что не воспринимается как предмет рефлексии. Между тем это явление представляется если не уникальным, то весьма редким в мировой истории. Для многих древних народов была характерна так называемая «идеология периферийного варварства», т. е. уверенность в том, что ценна только своя, родная культура, а все чужое малозначительно, если не прямо враждебно. Часто она рассматривалась как подлежащая уничтожению или завоеванию. Еще Аристотель писал, что «варвар и раб – понятия тождественные»¹.

Выдающийся отечественный культуролог Д. С. Лихачев считал универсализм (трактуемый как восприимчивость к другим личностям и культурам) одной из главных характерных черт европейской культуры в целом [19, с. 45]. Однако если это справедливо по отношению к высшим образцам художественного творчества, то на уровне поведенческих реакций ситуация обстоит совсем иначе. Историк и социальный мыслитель В. В. Кожинов показал, что для европейского общества характерны кровная иерархичность и крайний расизм, которые российской традиции глубоко чужды. По его словам, если говорить о «цивилизованном» поведении русских по отношению к жителям Азии или Африки, «речь должна идти не о количественной мере цивилизованности, но о качественно иной цивилизации... в русской ментальности ...просто нет самого этого – сложившегося на Западе – представления о “низших” расах» [17, с. 80]. Об этом же писал С. Г. Кара-Мурза, указывая на то, что западное общество было свободным и открытым только на уровне пропаганды, а на деле и в XX в. оставалось закрытым и расистским [16, с. 205].

Эта культурная открытость позволила русским найти общий язык со множеством разных народов, что, в свою очередь, дало возможность для создания евразийской державы как пространства мирного сосуществования культур. Л. Н. Гумилев указывал, что наши предки «...относились к окрестным народам как к равным... И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов» [12, с. 518].

¹ Политика. Книга I; 1:5 [4, с. 36].

Ниже мы на конкретном примере рассмотрим, как эта характерная особенность может проявляться в реальных формах культурного взаимодействия, причем в сфере, где влияние традиций, национальной самобытности наиболее сильно, – народной культуре (в данном случае – танцевальной).

Еще один аспект, на который хотелось бы обратить внимание: исследования, проводившиеся под руководством И. А. Халий и О. В. Аксеновой¹ с 2013 г. в регионах РФ, выявили феномен, который можно назвать «институционализацией традиции». Он состоит в следующем: в аграрном обществе фольклорная традиция, народные ремесла и т. п. передавались естественным путем, внутри семьи, от старших поколений к младшим. С переходом к индустриально-урбанистическому обществу такая передача стала невозможной. Но на помощь пришли исследователи (историки, этнографы, фольклористы), а еще чаще энтузиасты-любители («локальные акторы»), которые либо фиксировали традицию (записывали песни, сказки, собирали предметы искусства и быта в музейные коллекции), либо же непосредственно «перехватывали» ее. В регионах РФ обнаруживались многочисленные «примеры, когда живую традицию удавалось буквально “ухватить за хвост”, то есть перенять приемы традиционного ремесла едва ли не у последнего остававшегося в живых носителя традиции» [21, с. 130]. В дальнейшем же на основе собранного материала создавались музейные коллекции и, что даже важнее, творческие студии, в которых уже современных детей (в том числе и горожан) обучали этим традиционным приемам. В дальнейшем эти кружки, первоначально создававшиеся, как правило, на голом энтузиазме, вливались в существующую систему дополнительного образования. Что характерно, это отмечалось во всех изученных регионах России (около 30), причем хотя бы один пример такого рода можно было встретить в каждом муниципальном образовании, даже каждом сельском поселении. Таким способом самобытные элементы культуры, часто характерные даже не для региона (субъекта РФ), а для одной конкретной локальности, не были утрачены и сохранились для потомков не только как драгоценное наследие прошлого, но как (sic!) живая традиция. Хотя способ ее передачи существенно отличался от бывшего в прошлом.

Также в ходе изучения социокультурных оснований развития советского времени, проводившегося под руководством О. В. Аксеновой, выявлено то, что можно назвать «аристократизацией» народной культуры. Лозунг «культуру – в массы!» на практике воплощался в том, что аристократическая культура, ранее доступная лишь немногим, открывалась для широких слоев населения [22, с. 146]. Для этого, конечно, приходилось ее несколько упрощать, но все же в советские годы, особенно в первую половину периода, имел место скорее обратный процесс. Народную, хтоническую культуру как бы «объединяли» с высокой, аристократической, придавая ей качества профессионализма и утонченности. Плюс к этому, через развитие образования и самодеятельных творческих коллективов, не столько классическую культуру «опускали» до масс, сколько

¹ Один из авторов этого текста – К. Подъячев принимал в этой работе непосредственное участие.

наоборот, поднимали массы до понимания оной. Исследование, представленное в данной статье, позволяет увидеть, что этот процесс, начавшийся еще в 1920-х гг. в СССР (а истоки его лежат еще в кампании «хождения в народ»), дал свои даже в стране радикально отличной от России по географическим, историческим, религиозным условиям. И в данной работе мы попытаемся это показать.

Авторы этой статьи – с одной стороны, искусствовед, практикующий хореограф, с другой – социолог-регионалист, исследователь социокультурных особенностей России – объединили творческие усилия, чтобы рассмотреть, как именно советский опыт институционализации культурной традиции и профессионализации народного искусства повлиял на развитие традиционной египетской хореографии, которая сегодня вышла далеко за пределы арабского мира и является популярнейшим жанром хореографического творчества во многих странах, в том числе и в России.

Для работы над статьей использовались в числе прочего архивные документы, которые со времени архивирования и до настоящего момента никто не изучал.

Предыстория

В сентябре 1943 г. между СССР и Египтом были установлены дипломатические отношения. Надо отметить, что это произошло еще в тот период Великой Отечественной войны, когда перспективы поражения Третьего рейха стали вполне отчетливыми, однако нельзя было еще четко судить о сроках и масштабах этого поражения.

Первый советский посол Н. В. Новиков прибыл в Каир в ноябре 1943 г. Инициатива установления дипломатических отношений исходила от египетской стороны [20, с. 27].

А 23 июля 1952 г. Египет провозгласил независимость, и в марте 1954 г. была достигнута договоренность о преобразовании дипломатических миссий в посольства [3, с. 41]. Наряду с вопросами военного и экономического сотрудничества уже тогда обсуждалось и сотрудничество в области культуры, и в частности народной хореографии, как следует из рассекреченного документа: «Секретарь генерального директора египетского департамента информации Хакки в беседе с советником нашего посольства в Каире т. Герасимовым рассказал, что в департаменте информации рассматривается вопрос о создании национальной балетной труппы, – писал заведующий отделением стран Ближнего и Среднего Востока Г. Зайцев в секретном донесении № 1464 заместителю министра культуры СССР Н. Е. Твердохлебову 28 декабря 1955 года. – Департамент информации намерен обратиться в Министерство культуры СССР с просьбой прислать двух-трех мастеров балета для руководства этой труппой, так как в Египте нет таких специалистов»¹.

¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 147, л. 41.

О египетской танцевальной традиции

Всеми исследователями египетского танца отмечается, что эта страна имеет очень древние народные танцевальные традиции, некоторые из которых восходят ко времени фараонов. В качестве примера можно привести традицию мужских танцев-поединков «тахтиб». Большинство египтологов согласны, что именно изображения движений тахтиба зафиксированы на многих древнеегипетских барельефах. Тем не менее до обретения Египтом независимости в 1952 г. народное танцевальное наследие в этой стране систематически не изучалось, не фиксировалось и тем более не обрабатывалось профессионалами для современного сценического представления.

С одной стороны, египетский танец сегодня весьма популярен в мире, в него вовлечено большое количество людей отнюдь не арабского происхождения, в том числе и в России. Но все же для широкой аудитории это предмет малознакомый, потому мы считаем нужным далее привести некоторые пояснения о его жанрах и направлениях. Так как Египет имеет очень глубокую историю, то и его культура (в том числе танцевальная) не является монолитной. В ней выделяется ряд разных форм, часто весьма непохожих одна на другую.

Наиболее известное в мире направление египетского танца – рак шарки (راقص الراس , *raks sharqi*). В западном мире его знают как *danse du ventre*, *bellydance* (танец живота). В современной России именно его подразумевают, когда говорят про арабский, восточный танец или ориенталь. Этот танец формировался в странах Арабского Востока в среде профессиональных исполнителей, которые трудились в развлекательной индустрии, как можно судить по имеющимся источникам, начиная с XII–XIII вв. Восходит же он, несомненно, еще к танцам Древнего Востока – как египетским, так и месопотамским. Однако же именно в Египте он под влиянием уникальных социальных условий (и советского опыта, о чем скажем ниже) приобрел наиболее развитую сценическую форму.

Помимо рак шарки специалисты выделяют и другие направления египетского танца. Так, начиная с 1930-х гг. под влиянием западных танцев начинает складываться жанровое разнообразие египетского народного танца. Значительную роль в становлении данного направления сыграли советские хореографы, о которых идет речь в нашей статье. Сегодня египетский народный сценический танец представлен такими жанрами, как, например, саиди (танец жителей Верхнего Египта), фалляхи (танец крестьян), нубийский танец (танец жителей Нубии), сива (танец жителей оазиса Сива), хаггала (танец бедуинов), эскандарани (танец жителей Александрии), танцы побережья Суэцкого канала и ряд других. Социально-экономические трансформации в Египте 1960–1970-х гг. привели к массовой миграции деревенского населения в большие города, и в среде новых горожан возникло танцевальное направление, вобравшее в себя элементы танцев разных регионов страны и получившее название «шааби». Это направление продолжает эволюционировать, изменяясь под влиянием городской среды и урбанистической культуры. Так, в период политических

потрясений 2011–2013 гг. в Египте под влиянием американской субкультуры «hip-hop» сложилось новое направление египетского танца, получившее название «махраганат», или, в английской версии, street shaabi. Интересно, что в Египте все эти направления танца в настоящее время сосуществуют. Таким образом, египетский сценический танец, уходя корнями в глубь веков, эволюционирует, реагируя на социальные изменения в египетском обществе.

Начало

Впервые египетские чиновники задались вопросом изучения народного танцевального наследия своей родины в середине 1950-х гг. Государственный деятель Яхья Хакки в 1985 г. вспоминал, что поводом для пристального внимания правительства к народному искусству стала насущная необходимость организации ансамбля национального танца для представления нового независимого Египта на международной сцене [2, с. 29]. Как сообщает Я. Хакки, профессор аль-Хаджауи привез из своей поездки группу энтузиастов-любителей народных танцев, которые переняли свое искусство от отцов и дедов. Сообщается, что к этой группе якобы добавили выпускников частных балетных школ, которые существовали на тот момент в Каире, однако конкретных имен не называется. Эта группа, по воспоминаниям Хакки, подготовила первый концерт народных танцев, который состоялся на сцене летнего театра «Эзбекиё» в 1955 г. Как сообщают арабские авторы, концерт не привлек широкого внимания публики, но стал важным сигналом для чиновников: «Фестиваль выявил одну весьма важную истину: если не принять срочные меры и не зафиксировать фольклор, то очень скоро он будет навсегда утерян» [2, с. 30]. Это вполне соответствует проблеме сохранения самобытной культуры при трансформации аграрного общества.

Поначалу Департамент искусств попытался решить эту задачу силами энтузиастов-любителей, которым было поручено поставить народную оперетту «Йа Лейль, йа Айн». В основе ее лежала старинная сказка (возможно, восходящая к фараоновым временам) о любви верхнеегипетского охотника и дочери морского царя Айн. На роль Айн была приглашена Наима Акеф – молодая артистка из знаменитой цирковой семьи. Она не была знатоком народного танца, однако пробовала свои силы в качестве исполнительницы ракс шарки. А роль Лейля исполнил Махмуд Реда – спортсмен (чемпион Египта по плаванию) и танцор-любитель, знакомый с классическим и джазовым танцем; в то время он только начинал интересоваться народным искусством. В дальнейшем он сыграет большую роль в становлении египетской хореографической культуры. Точно неизвестно, кто стал постановщиком оперетты.

Премьера состоялась на сцене Каирского театра оперы в сентябре 1956 г. Она прошла всего несколько раз, однако некоторые танцы из нее были представлены египетской делегацией в СССР в августе 1957 г. на концертах и творческих вечерах во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Но наибольшее влияние на дальнейшее развитие ситуации в данной сфере оказали гастроли Государственного ансамбля народного танца СССР, которым тогда руководил великий хореограф И. Моисеев. Творчество Моисеева, надо сказать, являет собой яркий пример институционализации и «аристократизации» народной культуры, о коих шла речь выше. С 30 января по 3 марта 1957 г. ансамбль дал 35 концертов в трех городах: Каире, Порт-Саиде и Александрии. Всего их посетили почти полмиллиона зрителей¹. Общественный резонанс был огромен. И. Моисеев встречался с президентом Египта Г. А. Насером, с другими представителями руководства страны. Гастроли ансамбля завершились 3 марта, а уже 10 марта МИД Египта направил советскому правительству ноту о том, что «желает пригласить русского артиста г. Игоря Моисеева, директора Государственного ансамбля народных танцев СССР, на пятнадцать дней в качестве гостя Египетского правительства с целью изучить египетское народное искусство и высказать свои соображения о создании египетской труппы народного балета»².

Отчеты руководителей гастрольной поездки ансамбля показывают, что консультации еще до того уже начались де-факто. Так, во время посещения коллективом пирамид Гизы Министерство национального руководства Египта организовало для советских артистов особое представление – на фоне пирамид раскинули шатер, где перед ними «предстало яркое и красочное зрелище – искусство бедуинов. Были показаны скачки на арабских скакунах, традиционные, праздничные танцевальные и обрядовые сцены. Состоялись также встречи с двумя известными египетскими танцовщицами – Тахией Кариокой и Надией Гамаль. Во время посещения ансамблем Каирского Института физического воспитания студенты института познакомили артистов ансамбля со многими народными танцами и сценами на темы народных обычаев, обрядов и на трудовые темы»³.

Моисеев после этого рекомендует к приглашению в Советский Союз Надию Гамаль и упоминавшуюся выше Наиму Акеф. Забегая вперед, скажем, что Акеф действительно посетила СССР в составе египетской делегации во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве и произвела настоящий фурор (см. рис. 1). Как свидетельствуют фотографии, кинохроника и публикации в советской прессе, она танцевала на нескольких концертах, а также принимала участие в официальных приемах на самом высоком уровне.

Итак, по приглашению МИД Египта 16–25 мая 1957 г. И. Моисеев провел в Каире консультации по вопросу создания национального ансамбля народного танца. Его доклад об этой поездке⁴ и рапорт, составленный им для Министерства национальной ориентации Египта на французском и русском языках, позволяют утверждать, что именно советский хореограф Игорь Моисеев стоял у истоков системы хореографического образования в Египте.

¹ РГАЛИ, ф. 232, оп. 8, ед. хр. 391.

² РГАЛИ, ф. 232, оп. 8, ед. хр. 391, л. 26.

³ РГАЛИ, ф. 232, оп. 8, ед. хр. 391, л. 7.

⁴ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 8, ед. хр. 481, л. 52–57.

Рис. 1. Наима Акеф (слева) и Суламифь Мессерер на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, 1957 г.

Figure 1. Naima Akef (left) and Shulamith Messerer at the VI World Festival of Youth and Students in Moscow, 1957

Формирование египетской хореографической школы

И. Моисеев столкнулся со сложной задачей: при отсутствии в Египте национальной школы для артистов драмы, оперы и балета организовать «национальную балетную труппу» в кратчайшие сроки. Под словом «балетная труппа» египтяне подразумевали такой коллектив, который мог бы представить именно национальное искусство Египта на международной сцене. Моисеев предложил оригинальное решение этой проблемы — организовать сразу две танцевальные школы. Первая школа должна была подготовить хореографические кадры для долгосрочной перспективы: туда он предложил набрать способных детей в возрасте от 9 лет для прохождения всесторонней подготовки в течение 7 лет. Вторая школа должна была решить кратковре-

менную задачу создания национального коллектива, для чего Моисеев предложил отобрать молодежь в возрасте 15–18 лет из числа студентов частных балетных школ и Института физической культуры, срок их обучения составлял бы 2 года. Моисеев сообщает, это предложение было принято.

Моисеев лично проинструктировал строительную компанию, которой было поручено надстроить еще один этаж в Каирском театре оперы, где должны были разместиться танцевальные классы: их технические характеристики изложены Моисеевым в 22 пунктах, начиная от габаритов залов и уклона пола, заканчивая оснащением для классов и качеством паркетных досок. Рекомендации по тренировочной форме для учащихся и составу штата сотрудников выделены в отдельные пункты. Он лично расписал программу подготовки танцоров и провел просмотр кандидатов в будущий ансамбль.

Свою роль сыграло и участие египетской делегации в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве (см. рис. 2).

**Рис. 2. Наима Акеф со своей наградой
на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, 1957 г.**

*Figure 2. Naima Akef with her award
at the VI World Festival of Youth and Students in Moscow, 1957*

Создатель частного танцевального коллектива, упоминавшийся выше энтузиаст-любитель Махмуд Реда добился включения своей любительской труппы в состав делегации. На конкурсе народного танца, проходившего в рамках фестиваля, труппа Реды заняла 3-е место. И хотя помимо них на 3-м месте оказались еще 9 коллективов, все же награда, полученная из рук председателя жюри И. Моисеева, открыла для него большие возможности в Египте. Н. Барсова, автор этих строк, неоднократно была участником семинаров М. Реды, которые он неизменно начинал с благодарности Моисееву. На одном из семинаров он прямо сказал, что убежден: если бы не этот приз, его частный ансамбль мог так и остаться только мечтой. В 1958 г. Реда стал студентом советского балетного училища, открытого в Каире согласно плану Моисеева, и встал к хореографическому станку в классах советских педагогов.

После Фестиваля, 17 октября 1957 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Египтом. Каждые два года в рамках этого соглашения утверждался комплексный план работ. Принятый на 1958 г. план культурного сотрудничества между СССР и Египтом сообщает, что египетская сторона намерена принять двух советских балетмейстеров сроком на 6 месяцев «для оказания помощи в создании национального египетского ансамбля» и «преподавателя по балету для работы в балетной школе» на 2 года¹. Первый пункт этого плана долго переносился, а «преподаватель по балету», солист Большого театра А. В. Жуков, прибыл в Каир осенью 1958 г. и приступил к работе. Правда, обещанной балетной школы в Каире не обнаружилось. «В ходе работы выяснилось, – докладывал министр культуры СССР Н. А. Михайлов в секретном письме ЦК КПСС № 1510с от 20.07.1959, – что практически Министерством культуры Египетского района ОАР на т. Жукова было возложено руководство созданием балетной школы в Каире, от оборудования помещений для школы до отбора учащихся и преподавателей школы, и налаживания всей работы школы».

Как видно из документов², работа велась по плану, предложенному Моисеевым, и Жуков сразу набрал 2 класса по 18 человек – один для детей в возрасте 9–12 лет без подготовки для прохождения полного 9-летнего курса обучения, а второй для молодежи с подготовкой от 12 до 20 лет для освоения 2–3-летнего курса. Жукову поначалу помогали египетские педагоги, однако очень скоро их заменили на советских специалистов – Л. К. Черкасову и Н. А. Орловскую. В 1959 г. прибыл также педагог по характерному танцу Н. А. Бочарников. В таком составе советские педагоги подготовили с учащимися школы первый концерт, который состоялся 14 июля 1959 г. на сцене Каирского театра оперы. Несмотря на скромную программу концерта, который состоял из нескольких несложных экзерсисов, он получил большой резонанс в египетском обществе – как сообщает в том же письме ЦК КПСС министр культуры СССР Н. А. Михайлов, в зритель-

¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 395, л. 34.

² РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 425, л. 83.

ном зале был аншлаг, присутствовал в том числе новый министр культуры Египта Сарват Окаша, сыгравший в дальнейшем одну из ключевых ролей в истории советско-египетского сотрудничества в области хореографии. В 1962 г. училище было преобразовано в Институт балета. Директором его была назначена Анаят Азми, сыгравшая большую позитивную роль в сотрудничестве СССР и Египта в области хореографии.

Советский штат института постоянно увеличивался, и полный список педагогов (а также концертмейстеров, художников по костюмам, свету и декорациям, мастеров по изготовлению балетной обуви), работавших в Каире по несколько лет, исчисляется десятками.

Осенью 1973 г. в Каире широко отмечали 15-летний юбилей Института балета. Празднования продолжались 17 дней. На открытии присутствовали министр культуры Египта Юсуф ас-Сибай и министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

В декабре 1971 – январе 1972 г. по предложению советского хореографа Кузнецова Министерство культуры Египта отправило лучших выпускников Института, солистов Каирской балетной труппы Магду Салех и Абдель Монейма Камеля на гастроль в СССР. Они посетили Москву, Ленинград, Новосибирск и Ташкент. Следующие гастроли Каирской балетной труппы состоялись в рамках Фестиваля египетской культуры 3–16 октября 1972 г., во время которых артисты танцевали в Москве и Ленинграде. В 1977 г. египетский балет отправился на гастроль в Японию, в 1978–1983 гг. состоялись гастроли по ФРГ, Мексике, Франции, Финляндии и США. Таким образом, как констатируют исследователи, советским специалистам в Египте действительно удалось в кратчайшие сроки подготовить балетную труппу международного уровня.

Опыт институционализации традиционной культуры

Особенно важно отметить, что деятельность советских специалистов в Каирском Институте балета значима не только для классического балета, но и для сценической репрезентации египетского традиционного народного танца. Хотя история советско-египетского сотрудничества в области хореографии изучена пока отрывочно, имеющиеся сведения позволяют констатировать ряд важных для нас фактов.

Во-первых, советские сотрудники Института балета были нацелены на сценическую обработку национальных египетских танцев и широко применяли аутентичные элементы в партиях своих воспитанников. Приведем несколько примеров таких работ. В 1965 г. 2-е отделение ежегодного концерта Института составили египетские народные танцы и полонецкие пляски из оперы «Князь Игорь», причем в партии старшей невольницы, которую исполнила Сухейр аш-Шушнини, «использовались движения, характерные для египетского “танца живота”, и движения бедер, применяемые в некоторых египетских народных танцах» [5, с. 47]. В 1966 г., выбирая балет для первой полноценной постановки на Каирской

сцене, советский балетмейстер Павлов остановил выбор на знаменитом ориентальном «Бахчисарайском фонтане» в постановке Р. В. Захарова. Премьера «Бахчисарайского фонтана» состоялась 4 декабря 1966 г.; на премьере присутствовал и президент Египта Г. А. Насер, министр культуры Египта С. Окаша и министр культуры СССР Е. Фурцева. Премьера и рабочие будни Института широко освещались египетской и советской прессой¹. В 1969 г. другой советский балетмейстер, Шатилов, подготовил с училищем балет «Щелкунчик» в редакции Вайнонена, в котором восточный танец исполнила Хамзада Фэйзи: «Шатилов ввел в постановку этого танца ряд элементов, присущих египетским народным танцам (танцу живота и танцу бедер), что вызвало восхищение зрителей» [5, с. 61]. «Щелкунчик» и «Бахчисарайский фонтан» транслировались на египетском телевидении, а также были многократно показаны во время празднования 1000-летия Каира в 1969 г., что способствовало популяризации сценически обработанного египетского традиционного танца ракс шарки. В конце 1960-х гг. А. Н. Шульгина, уже поработавшая в Государственном ансамбле народного танца Египта, «что позволило ей изучить египетскую народную хореографию» [5, с. 71], поставила совместно с выпускницей Института Магдой Эзз Фахми балет «Доктор Айболит», в котором были использованы народные египетские движения и колорит, в том числе движения «танца живота». Это был первый детский балет в Египте, и он пользовался успехом и популярностью. Позже советскими специалистами были поставлены балеты «Шахерезада», «Гаянэ» и «Семь красавиц», где широко используются движения египетских народных танцев.

Во-вторых, советский штат Института подготовил первых египетских хореографов, обращавшихся к тематике народного танца.

Выше уже говорилось о Махмуде Реда. Он стал создателем частной танцевальной группы «Ансамбль народного танца Реды». Группа начала выступления в 1959 г., а через 10 лет перешла в ведение Министерства культуры Египта и сегодня является одним из главных государственных ансамблей. Характерно, что примерно так же формировались многие учреждения культуры и дополнительного образования в российских регионах как в советское, так и в постсоветское время. Другим видным деятелем в области египетского народного сценического танца стал Эсмат Али Яхъя, выпускник первого класса Жукова, солист Каирской балетной труппы, репетитор, педагог, балетмейстер, впоследствии ректор Каирского Института балета. Балетмейстерская работа Яхъя в области египетского народного танца выразилась в его совместной работе с другим выпускником Института Абделем Монеимом Камелем над балетной постановкой «Глаза Бахии» на народный египетский сюжет. Другие ученики советских педагогов продолжили это направление. Так, Надия Абдель Малек защитила в Академии художеств СССР первую в своем роде диссертацию о народном египетском костюме и его сценической интерпретации, а также поставила в Институте балет «Ящик с игрушками» на музыку К. Дебюсси, где

¹ Никифорова А. Балет в стране пирамид // Вечерний Новосибирск. 4 января 1964; Ефремов М. Три года в Москве // Советская культура. 23 мая 1964.

игрушки представляли жителей разных регионов Египта; в хореографии она использовала некоторые народные движения и позы [5, с. 128]. Магда Эзз Фахми защитила в ГИТИС диссертацию о древнеегипетском танце [23] и создала две постановки с использованием народных танцевальных мотивов – «Арабские сахарные куклы» и «Праздник»: обе работы были выполнены на музыку египетского композитора, использовавшего народные мелодии, и сочетали классический танец с народным египетским, а также с танцем ракс шарки. Наконец, в 1980-е гг. на излете советско-египетского сотрудничества в области хореографии упоминавшаяся выше Магда Салех создала для воспитанников Института постановку «Невеста Нила», сочетавшую современный и египетский национальный танцы.

В-третьих, некоторые факты свидетельствуют о том, что Институт балета, как и рекомендовал Моисеев, занимался систематическим изучением аутентичных народных танцев. Так, из работы Эсмата Али Яхьи [24] известно, что, будучи сотрудником Института, он собирал сведения о народных танцах различных областей Египта, чтобы разработать методику преподавания египетского традиционного народного танца. Вероятно, его диссертация, которую он защитил в ГИТИС в 1977 г. под руководством профессора А. А. Борзова (одного из выдающихся советских хореографов и теоретиков народного танца), является первой попыткой создать подобную методику на академической основе.

Отдельного разговора заслуживает Магда Салех — первая египетская прима-балерина. В середине 1960-х она в числе пяти лучших учениц Института стажировалась в Москве, в хореографическом училище при Большом театре. В 1970-е гг. по ее инициативе при поддержке Министерства культуры Египта египетские аутентичные народные танцы были зафиксированы в документальном фильме. Этот фильм лег в основу ее диссертации — одной из первых в мире научных работ о египетских народных танцах [25]. Эта диссертация и фильм до сегодняшнего дня остаются одними из немногих источников аутентичного египетского танца, доступных исследователям. Благодаря любезности Магды Салех авторы располагают этой уникальной съемкой, которая позволяет в полной мере оценить, какую значительную работу проделали советские хореографы, когда выводили египетский народный танец на сцену.

Главной целью египетских властей был национальный ансамбль народного танца. Переговоры о приглашении советских специалистов по народному танцу начались еще в 1955 г., и этот вопрос постоянно возникал в секретной переписке Министерства культуры СССР вплоть до 1960 г. Наконец, в ответ на очередную телеграмму министра культуры Египта С. Окаши от 4.04.1960 поступает ответ: «Специалист в области народного танца т. Рамазин Б. И. выехал в Каир 22 марта сего года»¹. Именно Борис Иосифович Рамазин, в прошлом солист ансамбля Моисеева, один из ведущих педагогов его школы, вместе со своей супругой Ларисой Михайловной, выпускницей Московского хореографического училища и солисткой того же коллектива, стал создателем первых программ

¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 501, л. 78а.

национальной труппы народного танца Египта (см. рис. 3). О прибытии Рамазиных, а также двух специалистов — по народному костюму и народному пению — сообщала главная газета Египта «Аль-Ахрам» 23.03.1960 г. [3, с. 113].

**Рис. 3. Л. Рамазина с коллективом Государственного ансамбля народного танца Египта, Египет, между 1961 и 1964 гг.
(фото предоставлено Л. Рамазиной)**

*Figure 3. L. Ramazina with the staff of the State Ensemble folk dance of Egypt. Egypt, between 1961 and 1964
(photo provided by L. Ramazina)*

Рамазины работали над репертуаром первого в истории Государственного ансамбля народного танца Египта почти 5 лет¹, после чего их перевели в Судан, где они проделали ту же работу в национальном коллективе Судана. Нам удалось восстановить многие детали их работы благодаря самой Ларисе Рамазиной. Все, что она сообщила, подтверждают и документы Министерства культуры СССР². Первое представление действительно состоялось в 1963 г. в рамках празднеств, посвященных 22 годовщине революции 23 июля 1952 г. в театре Баллон [3, с. 113].

Супруги Рамазины подготовили две или три программы ансамбля, в каждой из которых было до 12 танцев, — мнения исследователей расходятся. Сама Рамазина не помнит точного количества постановок. Существенную административную роль в формировании ансамбля играл уполномоченный министерства культуры и директор ансамбля Ахмад Саад

¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 849, л. 17.

² РГАЛИ, ф. 2329, оп. 52, ед. хр. 679, с. 14–15.

ад-Дин, однако в хореографическом зале советским хореографам никто не помогал. Л. Рамазина вспоминает, что они много ездили по стране, чтобы собрать народные движения. Со слов участника первого состава ансамбля Сами Юнеса известно, что Рамазины посетили районы Нубия, Саид и Мерса Матрух [24, с. 42]. Другим источником движений были египетские танцовщицы ракс шарки. В особенности Рамазиной запомнилась легенда египетской сцены Нагва Фуад, с которой их сразу познакомили местные чиновники. Лариса Михайловна тепло вспоминает и Надию Гамаль, с которой познакомилась еще во время первых гастролей «моисеевцев» в Египет в 1957 г., участвуя в нескольких посещениях египетских кабаре, организованных египетскими чиновниками для знакомства с танцевальной культурой страны. Л. Рамазина присутствовала и на представлении у пирамид, о котором сообщалось в отчете руководителей поездки. Ряд постановок Рамазиных Государственный ансамбль народного танца Египта исполняет до сегодняшнего дня, причем делает это в костюмах, созданных при них также советским специалистом – Людмилой Власовой, художником по костюмам ансамбля Моисеева. Как свидетельствуют раскритиченные документы Министерства культуры СССР, Власова изготовила все костюмы ансамбля для первой и второй программ и работала над третьей. По какой-то причине после отъезда супругов Рамазиных из Египта она пожелала вернуться в СССР, передав работу над костюмами третьей программы своему преемнику, имя которого не установлено. Как вспоминает Лариса Михайловна, костюмы Власова разрабатывала, используя материалы полевых экспедиций и фонды Каирской библиотеки.

Раджи Инаят, директор ансамбля 1966–1970 гг., оставил такое мнение о Рамазине: «Рамазин самый подходящий артист для создания ансамбля народных искусств. Он обладает как административными, так и художественными способностями, он создал творческие силы и традиции. И поэтому следует сохранять эти традиции» [3, с. 115].

После отъезда Рамазиных в ансамбле меньше года работала хореограф из Румынии, не оставившая особенного следа. Дальнейшее развитие репертуара ансамбля, а также создание школы при нем были связаны с именем советского хореографа и теоретика народного танца А. А. Борзова, который работал в Каире в 1966–1968 гг. По информации, полученной от его родных, хореограф подготовил две программы и организовал гастроли ансамбля в СССР в 1968 г., во время которых ансамбль выступил на сцене Большого театра. В период работы Борзова в Египте одним из его ассистентов была уже упоминавшаяся А. Н. Шульгина.

Заслугой Борзова является создание первой в Египте школы при Государственном ансамбле народного танца, в которую набирали детей от 11 до 14 лет. Срок обучения составлял по разным источникам 3 или 4 года. На четвертом году обучения учащиеся включались в состав ансамбля. В первый год, как сообщает Аль-Холи, набрали 30 детей; первый выпуск состоялся в 1970 г. Известно, что одним из педагогов школы была Шульгина, а другие педагоги были выбраны Борзовым из числа артистов ансамбля

первого состава, что сыграло большую роль в появлении первого поколения педагогов и балетмейстеров египетского народного сценического танца. Методике преподавания их обучал сам Борзов.

В середине 1970-х все шесть египетских постановщиков танцев ансамбля были воспитанниками советской школы искусства народных танцев [3, с. 117].

С 1971 г. ансамбль возглавляли египетские хореографы из числа учеников советской школы. Так, в 1971–1977 гг. руководителем ансамбля был Сами Юнес, участник первого состава коллектива, ученик Рамазиных. Под его руководством ансамбль стал участником Фестиваля египетской культуры в СССР, который состоялся в октябре 1972 г. В архиве РГАЛИ хранится отпечатанная программа закрытия фестиваля, которое прошло в Зале Чайковского 16 октября 1972 г.: в ней значатся танцы Эль Нуба, Эль Таяра, Хеяль Эль Маата, Эль Хаггала, Эль Бамбутия, Эль Хусан и Кифах Эль Шааб¹. Предположительно все эти танцы являются советскими работами, поскольку известно, что в течение 4 лет после отъезда Борзова из Египта репертуар ансамбля не обновлялся [3, с. 120]. Фестиваль египетской культуры, в котором приняли участие труппа Государственного ансамбля народного танца Египта и Каирская балетная труппа, широко освещался советской прессой².

Следующим руководителем коллектива после двухлетнего простоя с 1977 по 1979 г. стал Мухамед Халиль, ученик Борзова. Он восстановил ряд популярных постановок Рамазина и Борзова. Другие ученики Рамазина и Борзова – Самир Габер, Сами Заглюль, Фатхи Андраус, Гиляль аш-Шарбини – стали основателями ряда региональных ансамблей народного танца. Некоторое время назад Государственный ансамбль народного танца Египта возглавил Осама Имам — представитель знаменитой в Египте хореографической семьи Имам (Любна, Назра и Осама Имам), все члены которой были первыми выпускниками школы, основанной Борзовым при ансамбле. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что влияние советской хореографической школы на развитие египетского народного сценического танца сохраняется до сих пор.

Ансамбль за первые 25 лет дал более 5000 представлений в Египте и 40 других странах, участвовал в международных фестивалях в арабских странах, Азии, Европе и является их многократным золотым и серебряным призером. Первое же зарубежное турне ансамбля — в октябре 1968 – апреле 1969 г. охватило 10 стран и 47 городов. Турне началось в Турции (2 города), продолжилось в Болгарии (5 городов) и Румынии (6 городов). В ноябре-декабре 1968 г. ансамбль гастролировал по СССР (очевидно, именно об этом периоде вспоминают родные Борзова) и дал 3 концерта в Ленинграде, 2 в Москве и 2 в Риге; сообщается, что в Москве ансамбль танцевал на сцене Кремлевского дворца и в Большом театре. После СССР коллектив гастролировал по Польше (6 городов), а также по ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Албании [3, с. 118–119].

¹ РГАЛИ, ф. 2329, оп. 26, ед. хр. 1249, л. 36.

² Напр.: Ступников И. Молодой балет Египта // Ленинградская правда. 17 октября 1972 г.

Итоги сотрудничества

В марте 1976 г. пришедший на смену Г. А. Насеру президент Египта А. Садат в одностороннем порядке денонсировал Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом от 27 мая 1971 г., после чего сотрудничество, в том числе и в культурной сфере, прекратилось. Однако то, что уже было создано, не исчезло.

Наследие советско-египетского сотрудничества в области народной хореографии продолжает жить в Египте и сегодня.

Важная ниточка тянется от упоминавшейся выше Наимы Акеф, о которой некоторые авторы сообщают, что после поездки в Москву и знакомства с советской системой танцевального образования, она открыла свою школу ракс шарки в Египте, где применила полученный опыт. К сожалению, установить подробности работы этой школы нам пока не удалось, однако известно огромное влияние, которое Наима Акеф оказала на своего кузена Ибрагима Акефа, который стал одним из трех важнейших педагогов и постановщиков ракс шарки в Египте второй половины XX в. В среде профессионалов ракс шарки распространена информация, что свои знания Акеф получил от своей знаменитой сестры. Он много работал с египетскими танцовщицами и ставил почти все танцевальные сцены ракс шарки в телепередачах на каирском телевидении и египетских кинофильмах 1960–1980-х гг. Легендарная исполнительница египетского ракс шарки Азза Шериф стала венцом его педагогической деятельности. Своего рода лебединой песней Акефа как педагога стала наша соотечественница Екатерина Щербакова, сделавшая весьма успешную карьеру исполнительницы ракс шарки в Египте в 1990–2000-е гг. и известная в Каире и сегодня под сценическим именем Katia Eshta (рис. 4).

В лице Щербаковой советско-египетское сотрудничество в области хореографии де-факто продолжается до сегодняшнего дня. Екатерина, будучи дочерью одного из первых солистов Государственного академического ансамбля «Березка» Владислава Щербакова, унаследовала талант отца и получила профессиональное образование артистки балета в училище при ансамбле имени Пятницкого под руководством выдающегося советского хореографа Т. Устиновой. Впоследствии она закончила также ГИТИС, причем ее дипломной работой стало танцевальное шоу, состоящее из народных египетских танцев и поставленное ею в Каире для представлений во время священного месяца рамадан. Вероятно, это было известно Эсмату Али Яхье, ректору Высшего института балета, ученику Борзова, которого мы упоминали выше, поскольку он рекомендовал именно ее для государственного концерта в честь визита лидера КНР в Каир в конце 1990-х гг. Любопытно, что к поступлению в училище Екатерина готовилась с Ларисой Рамазиной, и благодаря этому удивительному знакомству нам и удалось разыскать Рамазину и прояснить детали работы Рамазиных по созданию Государственного ансамбля народного танца Египта. Первые сведения о египетском танце Екатерина получила из бесед с Рамазиной. Оказавшись на гастролях в Каире в 1991 г., Е. Щербакова обучалась ракс

шарки у Ибрагима Акефа и другого значимого педагога, вышедшего из ансамбля Реды (соответственно, также получившего образование под влиянием советской школы народного танца), Ракии Хассан.

Рис. 4. Лариса Рамазина и Екатерина Щербакова (слева) на международном фестивале восточного танца Cairo Mirage в России. Москва, апрель 2023 г. (фото Н. Барсовой)

Figure 4. Larisa Ramazina and Ekaterina Shcherbakova (left) at the international festival of oriental dance Cairo Mirage in Russia. Moscow, April 2023 (photo by N. Barsova)

Сегодня Е. Щербакова является одним из главных наставников ракс шарки как в Египте, так и за его пределами, активно гастролирует с мастер-классами и проводит значимый международный фестиваль арабского танца. В частности, соавтор данной статьи Н. Барсова также является ее ученицей.

Помимо Ибрагима Акефа и Ракии Хассан третьим значимым педагогом ракс шарки в Египте стала Даулят Ибрагим – солистка первого состава Государственного ансамбля народного танца Египта, ученица Рамазиных, репетитор в школе при ансамбле, основанной Борзовым. Ибрагим Акеф, Ракия Хассан и Даулят Ибрагим работали со всеми ведущими египетскими и иностранными исполнительницами ракс шарки в Каире в 1970–1990-е гг.

Важно понимать, что все педагоги египетского сценического народного танца до сегодняшнего дня являются выходцами из ансамбля Реды и Государственного ансамбля народного танца Египта. Именно они являются источником знаний об этом танце по всему миру, поскольку именно на их выездных мастер-классах ценители египетского танца всех континентов получают базовую подготовку до того, как приезжают в Египет на работу. Мы можем назвать такие значимые имена, как Махмуд Реда, Фарида Фахми, Мохамед Геддави, Ракия Хассан, семья Имам (Любна, Осама и Назра), Мохамед Шахин, Мохамед Казафи, Хода Ибрагим и другие. Все ведущие иностранные танцовщицы, работающие на египетской сцене, обучались на мастер-классах этих педагогов. Таким образом, египетский народный танец, обработанный советскими хореографами, продолжил свою жизнь в творчестве их учеников и сегодня через 3–4-е поколения последователей бытует на сцене Египта.

Кроме того, уже в 1990-х египетский танец, совершив своего рода «круг», вернулся в Россию (и другие постсоветские страны), став здесь весьма популярным. Во-первых, помимо уже упомянутой Е. Щербаковой, Россия (а также Украина, Беларусь и Казахстан) за очень небольшое время дали целую плеяду ярких и талантливых исполнительниц стиля ракс шарки, завоевавших популярность в самом Египте и других арабских странах. Это и непосредственные ученицы Щербаковой, и не связанные с ней энтузиастки.

Во-вторых, египетский танец приобрел немалую популярность внутри России и как профессиональное, сценическое направление, и как некоторая разновидность фитнеса. Причем школы этого танца распространились необычайно широко, не только в столице, но и в регионах появились яркие, талантливые исполнительницы, вокруг которых сложились сообщества учениц. Надо сказать, что в их творчестве египетский танец значительно ушел от своего прототипа, появились новые формы. Как центры этого явления, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, где таких танцовщиц множество, можно отметить Екатеринбург, Мурманск, Тюмень, Орел, Ростов-на-Дону, Самару, Новосибирск, Владивосток и другие города. При этом помимо профессиональных танцовщиц есть большое количество любительниц, для которых танец является хобби (они за свой счет ездят на танцевальные фестивали), и еще намного больше тех, кто занимается этим танцем исключительно для саморазвития, вообще не выступая публично.

Заключение

Данная работа носит скорее историко-искусствоведческий, нежели социологический характер, однако она позволяет увидеть, как выявленный в исследованиях социокультурной специфики российских регионов опыт институционализации традиции и профессионализации народной культуры, будучи привнесенным в совершенно иную социальную среду, принес богатые плоды.

На рассмотренном в данном тексте примере можно видеть, что «культурная открытость» (т. е. восприимчивость и уважительное отношение к другим культурам), которую многие социальные мыслители считают особенностью русской (российской) цивилизации, действительно проявляется в реальных жизненных ситуациях. Рассмотренный кейс позволяет нам сделать некоторые выводы и более общего характера.

Уважительное отношение к другим культурам, способность воспринимать и творчески осваивать многие их элементы, не теряя при этом собственной самобытности, которые отмечаются многими авторами как значимые цивилизационные характеристики России, проявляются и в тех случаях, когда межкультурная коммуникация выходит далеко за пределы исторической России (или того, что можно было бы назвать Русским миром), осуществляется в совершенно иных географических и социальных условиях.

Рассмотренный в статье пример показывает, что советский опыт институционализации и профессионализации традиционной народной культуры может успешно применяться и в других странах, у народов, принадлежащих к совсем иным макросоциальным общностям. При этом он дает возможность сохранить элементы национальной самобытности и даже локального своеобразия в условиях индустриально-урбанистического, а возможно, и постиндустриального общества.

Каким образом россиянки (принадлежащие к разным этносам), воспитанные в совершенно иной культуре, смогли освоить эту танцевальную традицию на таком высоком уровне, что добились большого успеха даже в арабском мире? И почему столько женщин в России стали заниматься этим танцем для саморазвития, без цели выступления на сцене – чем их привлек именно он? – Эти вопросы требуют отдельного изучения, что открывает некоторую исследовательскую перспективу в указанной области.

Библиографический список

1. Абдель Малек Н. Египетский национальный костюм и его решение в современном театре и кино: дис. ...канд. иск. М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств, 1979. 169 с.
2. Алталли Т. М. М. Формирование ансамблей народного танца Египта: дис. ...канд. иск. М.: ГИТИС, 1990. 152 с.

3. Аль-Холи А. М. Х. И. Культурные преобразования в Египте и советско-египетские отношения в годы президентства Г. Абдель Насера (1952–1970 гг.): дис. ...канд. ист. н. М.: ИВ РАН, 1995. 171 с.
4. Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. 458 с.
5. Афифи А. О. Некоторые проблемы формирования педагогического и исполнительского мастерства школы классического танца АРЕ: дис. ...канд. иск. М.: ВНИИ Искусствознания, 1979. 160 с.
6. Ашрафи М. 105 дней в Египте // Звезда Востока. 1972. № 3. С. 35–49.
7. Беляцкая Т. Беседа С. А. Жукова // Советская музыка 1968. № 10. С. 158–164.
8. Беляцкая Т. Искусство Египта. Об истории возникновения каирской труппы // Театр. 1973. № 2. С. 164–168.
9. Беляцкая Т. Создание национальной хореографической школы // Советская музыка, 1968. № 10. С. 54–55.
10. Богаткова П. Н. Танцы разных народов. М.: Молодая гвардия, 1958. 279 с.
11. Горячкин Г. В. Египет в российских архивах. М.: Медина, 2017. 283 с.
12. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ-Москва, 2008. 655 с.
13. Землемеров В. Рождение классического балета // Советская музыка. 1968. № 10. С. 120–124.
14. Землемеров В. Статьи о балетном искусстве Египта с представлениями А. Кузнецова // Советская музыка. 1972. № 9. С. 116–118.
15. Камель А. М. А. В. Профессиональный балет Египта. Характерные особенности и первые национальные постановки: дис. ...канд. иск. М.: ГИТИС, 1979. 143 с.
16. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2-х кн. Кн. 1. М.: ЭКСМО-Пресс: Алгоритм, 2002. 537с.
17. Кожин В. В. История Руси и русского слова. Рыбинск: Медиа-рост, 2023. 544 с.
18. Кондратьева М. Классический балет Египта // Музыкальная жизнь. 1973. № 1. С. 32–48.
19. Лихачев Д. С. Русская культура. СПб.: Искусство – СПб, 2007. 440 с.
20. Новиков Н. В. Пути и перепутья дипломата. М.: Наука, 1976. 256 с.
21. Подъячев К. В. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах РФ // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4 (12). С. 126–135.

22. Социокультурные основания советского модерна / Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с.

23. Эзз Ф. М. Танцевальное развитие Древнего Египта и его развитие на современном этапе: дис. ...канд. иск. М.: ГИТИС, 1975. 159 с.

24. Яхъя Э. А. Народная египетская хореография : проблемы, методика и правила преподавания: дис. ...канд. иск. М.: ГИТИС, 1977. 179 с.

25. Saleh M. Egypt // International Encyclopedia of Dance. New York-Oxford: Oxford University Press, 1998. Vol. 2. P. 481–499.

Получено редакцией: 07.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсова Наталья Сергеевна, историк танца, хореограф, аспирантка, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

Подъячев Кирилл Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8

Participation of Soviet Specialists in the Creation of the Egyptian National Dance School as a Manifestation of Cultural Sensitivity Phenomenon

Natalia S. Barsova

Vaganova Ballet Academy, St. Petersburg, Russia

E-mail: natafari.russia@gmail.com

ORCID: 0009-0006-1187-2383

Kirill V. Podyachev

Institute of sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kirvik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-1342-7076

For citation: Barsova N. S., Podyachev K. V. Participation of Soviet specialists in the creation of the Egyptian national dance school as a manifestation of cultural sensitivity phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 14. No. 2. P. 149–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8; EDN: GJWNXL

Abstract. The paper presents a combination of historical and sociological research. The authors scrutinize the history of the work of Soviet choreographers, first of all related to the choreographic school of I. Moiseyev in Egypt in 1950–60s. As a result of this work, the Egyptian traditional dances, which probably originated in ancient times, including raks sharki, known worldwide as bellydance, were recorded and brought to the professional stage. The authors rely on the concept of institutionalization of culture, the essence of which is that folklore tradition in an industrial and urban society can no longer be transmitted naturally through the family, but can be preserved through fixation and institutionalization in the system of cultural institutions and supplementary education. This idea was realized in the USSR and in Egypt with the active participation of Soviet specialists.

The authors conclude that the successful experience of Soviet choreographers with Egyptian cultural heritage could be interpreted as empirical evidence of the “cultural openness” (i. e., sensitivity and respect for other cultures). Finally, the example discussed in the paper shows that the Soviet experience of the institutionalization and professionalization of cultural tradition can be successfully applied in other countries and among peoples belonging to completely different macrosocial communities. At the same time, it makes possible to preserve important elements of national identity and even local originality in urban milieu of industrial or post-industrial society.

Keywords: tradition, culture, intercultural communication, sociology, art history, Egypt, choreography, folk dance

References

1. Abdel Malek N. Yegipetskiy natsional'nyy kostyum i yego resheniye v sovremennom teatre i kino [Egyptian national costume and its solution in modern theater and cinema]: dis. ...cand. arts. Moscow, NII teorii i istorii izobrazitel'nykh iskusstv Akademii Khudozhestv, 1979: 169 (in Russ.).
2. Altali T. M. M. Formirovaniye ansambley narodnogo tantsa Yegipta [M. Formation of folk dance ensembles in Egypt]: dis. ...cand. arts. Moscow, GITIS, 1990: 152 (in Russ.).
3. Al-Kholi A. M. H. I. Kul'turnyye preobrazovaniya v Yegipte i sovetsko-yegipetskiye otnosheniya v gody prezidentstva G. Abdel' Nasera (1952–1970 gg.) [Cultural transformations in Egypt and Soviet-Egyptian relations during the years of the presidency of G. Abdel Nasser (1952–1970)]: dis. ...cand. hist. sci. Moscow, IV RAN, 1995: 171 (in Russ.).
4. Aristotle. Politika. Afinskaya politiya [Policy. Athenian polity]. Moscow, Mysl, 1997: 458 (in Russ.).
5. Afifi A. O. Nekotoryye problemy formirovaniya pedagogicheskogo i ispolnitel'skogo masterstva shkoly klassicheskogo tantsa ARE [Some problems of the formation of pedagogical and performing skills of the school of classical dance ARE]: dis. ...cand. arts. Moscow, VNII Iskusstvoznaniya, 1979. 160 (in Russ.).
6. Ashrafi M. 105 dney v Yegipte [105 days in Egypt]. *Zvezda Vostoka*, 1972: 3: ??? (in Russ.).
7. Belyatskaya T. Beseda S. A. Zhukova [Conversation S. A. Zhukov]. *Sovetskaya muzyka*, 1968: 10: 158–164 (in Russ.).
8. Belyatskaya T. Art of Egypt. On the history of the emergence of the Cairo troupe [Iskusstvo Yegipta. Ob istorii vozniknoveniya kairskoy truppy]. *Teatr*, 1973: 2: 164–168 (in Russ.).
9. Belyatskaya T. Sozdaniye natsional'noy khoreograficheskoy shkoly [Creation of a national choreographic school]. *Sovetskaya muzyka*, 1968: 10: 54–55 (in Russ.).
10. Bogatkova P. N. Dances of different peoples [Tantsy raznykh narodov]. Moscow, Moodaya Gvardiya, 1958: 279 (in Russ.).
11. Goryachkin G. V. Yegipet v rossiyskikh arkhivakh [Egypt in the Russian archives]. Moscow, Medina, 2017: 283 (in Russ.).
12. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, AST-Moscow, 2008: 655 (in Russ.).
13. Zemlemerov V. Rozhdeniye klassicheskogo baleta [Birth of classical ballet]. *Sovetskaya muzyka*, 1968: 10: 120–124 (in Russ.).
14. Zemlemerov V. Stat'i o baletnom iskusstve Yegipta s predstavleniyami A. Kuznetsova [Articles about the ballet art of Egypt with the performances of A. Kuznetsov]. *Sovetskaya muzyka*, 1972: 9: 116–118 (in Russ.).
15. Kamel A. M. A. V. Professional'nyy balet Yegipta. Kharakternyye osobennosti i pervyye natsional'nyye postanovki [Professional ballet of Egypt. Characteristic features and first national productions]. Diss.... cand. arts. Moscow, GITIS, 1979: 143 (in Russ.).
16. Kara-Murza S. G. Sovetskaya tsivilizatsiya [Soviet civilization]. In 2 books. B. 1. Moscow, EKSMO-Press, Algoritm, 2002: 537 (in Russ.).
17. Kozhinov V. V. Istoriya Rusi i russkogo slova [History of Rus' and the Russian word]. Rybinsk, Media-rost, 2023: 544 (in Russ.).
18. Kondratieva M. Klassicheskiy balet Yegipta [Classical ballet of Egypt]. *Muzykal'naya zhizn'*, 1973: No. 1: 32–48 (in Russ.).
19. Likhachev D. S. Russkaya kultura [Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB, 2007: 440 (in Russ.).
20. Novikov N. V. Puti i pereput'ya diplomata [Ways and crossroads of a diplomat]. Moscow, Nauka, 1976: 256 (in Russ.).
21. Podyachev K. V. Patrioticheskoye vospitaniye molodozhi kak pole vzaimodeystviya politicheskikh institutov i grazhdanskogo obshchestva v regionakh RF [Patriotic education of youth as a field of interaction between political institutions and civil society in the regions of the Russian Federation]. *Sotsiologicheskaya nauka i siotsialnaya praktika*, 2015: 4 (12): 126–135 (in Russ.).
22. Sociocultural foundations of Soviet modernity. Gener. ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FNISTS RAN, 2022: 300 (in Russ.).

23. Ezz F. M. Tantseval'noye razvitiye Drevnego Yegipta i yego razvitiye na sovremennom etape [Dance development of Ancient Egypt and its development at the present stage]: dis. ...cand. arts. Moscow, GITIS: 1975: 159 (in Russ.).

24. Yahya E. A. Narodnaya yegipetskaya khoreografiya : problemy, metodika i pravila prepodavaniya [Folk Egyptian choreography: problems, methods and rules of teaching]: dis. ...cand. arts. Moscow, GITIS, 1977: 179 (in Russ.).

25. Saleh M. Egypt. In International Encyclopedia of Dance. New York-Oxford, Oxford University Press, 1998: 2: 481–499.

The article was submitted on May 07, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia S. Barsova, oriental dance expert, choreographer, Post-graduate student, Vaganova Ballet Academy

Kirill V. Podyachev, Candidate of Political Sciences, leading research fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10

EDN: GHKWDO

Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического изучения¹

Ссылка для цитирования: Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Сычева О. А. Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического изучения // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO

For citation: Puzanova Z. V., Larina T. I., Sycheva O. A. The problem of suicidal behaviour in the student environment: experience of empirical study. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO

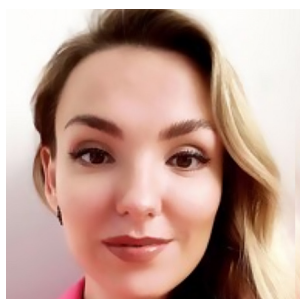

AuthorID ПИНЦ: 193540

Пузанова Жанна Васильевна¹

¹ Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

puzanova-zhv@rudn.ru

AuthorID ПИНЦ: 701812

Ларина Татьяна Игоревна¹

¹ Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

larina-ti@rudn.ru

Сычева Ольга Алексеевна¹

¹ Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

olya.sycheva.98@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной темы НИР РУДН № 100932-0-000 «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе».

Аннотация. В статье рассматривается проблема молодежного суицида, которая остается весьма актуальной и сегодня. Авторы указывают, что в официальную статистику попадают лишь зарегистрированные попытки суицида, а остается еще большое число попыток неуспешных и нигде не отмеченных. Также появление так называемых «групп смерти» на фоне масштабного вовлечения молодежи в социальные сети усугубляет проблему. Для изучения темы и профилактики формирования суицидального поведения необходимо использование определенного подхода, поскольку тема самоубийства является достаточно сенситивной. Для решения этой задачи авторами проведено эмпирическое исследование, направленное на разработку методики диагностики суицидального риска среди молодежи. Исследование состоит из трех этапов. На первом этапе проводился системный анализ научных источников, в результате которого были выделены факторы, влияющие на возникновение суицидальных наклонностей: демографические, психологические (личностные) и социальные. Далее была разработана анкета с методиками, которые диагностировали каждый фактор: модифицированный опросник суицидального риска Т. Н. Разуваевой, методика измерения выраженности одиночества С. Г. Корчагиной, проективные вопросы и семантический дифференциал. В результате на основании разработанной типологии уровня суицидальных наклонностей была осуществлена идентификация респондента с позиций суицидального риска. Вторым этапом стало проведение опроса 1000 студентов всех уровней обучения. Результаты данного анкетирования позволили оценить степень выраженности риска суицидального поведения у студентов. Завершающим этапом исследования явилось проведение биографических интервью (проверка методики), а также сам опрос по разработанной методике студентов, у которых были реальные суицидальные мысли (нереализованные попытки совершения самоубийства). Данный этап позволил проверить эффективность разработанного на основании уже существующих методик инструментария для диагностики суицидальных наклонностей студентов. В заключение авторы сравнивают полученные результаты с релевантными исследованиями других ученых, которые также использовали комплексный подход методик для диагностики. Результаты исследования можно использовать вузам в ходе реализации воспитательной работы со студентами.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, риск суицида, факторы суицидального поведения, суицидальное поведение, студенты

На сегодняшний день проблема самоубийства остается актуальной и важной темой. Суициды входят в число 10 ведущих причин смертности населения во всех странах, а для молодежи в возрасте 15–34 лет – в первую тройку [25]. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), критическим показателем смертности от суицида является более 20 на 100 тыс. населения. Россия по числу самоубийств занимает одну из высоких позиций – 25 самоубийств на 100 тыс. человек [24], хотя и не является лидером среди развитых стран.

Самоубийство является традиционной темой социально-психологических исследований, начиная с Э. Дюркгейма [3], М. Хальбвакса [21], Е. Шнейдмана [18], Л. Векштейна [23]. В психологическом аспекте причины, виды и детерминирующие факторы самоубийства изучали З. Фрейд [14], К. Меннингер [6], К. Юнг [20], Э. Эриксон [19] и К. Хорни [16]. Также психологи К. Лукас и Г. М. Сейден [22] исследовали особенности переживания людей, чьи близкие и родные совершили самоубийство.

В отечественной литературе проводились значимые исследования по данной проблеме в начале XX в., что было связано с всплеском суицидальных проявлений. Были выделены несколько школ, различающихся в определяющих факторах: биолого-психологическая и социальная. К 1970–1990-м гг. в России сложился междисциплинарный подход к изучению самоубийств и происходит становление, развитие и институционализация социологии девиантности и суицидологии как науки о самоубийствах. Исследованиям самоубийства были посвящены работы таких отечественных социологов и психологов, как П. Сорокин (хоть традиционно его относят к американским социологам, здесь он приведен в контексте российской социологии) [10], А. Г. Амбрумова [1], Я. И. Гилинский в соавторстве с П. И. Юнацкевич [2], А. Ю. Мягков в соавторстве с И. В. Журавлевой и С. Л. Журавлевой [7], В. А. Тихоненко [11].

Однако в связи с тем, что тема суицида является сенситивной, поскольку не все люди склонны сообщать информацию о том, что их близкие свели счеты с жизнью, или, например, собственные суицидальные мысли и попытки, то возникает проблема доступа к такому роду информации. Авторы книги «Начала практической социологии» Н. А. Шматко, Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань [17] поднимают вопрос о достоверности и надежности полученных данных по результатам исследования Э. Дюркгейма, заявляя, что методы сбора информации могли быть неэффективны, так как люди, исходя из своих мотивов и определенных причин, могли скрывать акты или попытки совершения самоубийства, что, в свою очередь, приводило к фальсификации полученной статистики. Следовательно, возникает вопрос: «Как правильно задавать людям вопросы, связанные с сенситивными темами?». В рамках развития различных методов для повышения надежности получения достоверных данных от респондентов были разработаны определенные методы и техники.

Согласно статистическим данным Росстата, на 2020 год показатель самоубийств на 100 тыс. человек составлял 11,3 [9, с. 105]. Если рассматривать показатели самоубийств в России в период с 2000 по 2020 г., то можно отметить положительную динамику снижения количества совершенных суицидов. На 2000 и 2010 гг. показатели равнялись 39,1 и 23,4 суицидов на 100 тыс. чел. соответственно. За последние три года отмечается тенденция снижения совершенных самоубийств – 12,4 (2018 г.), 11,7 (2019 г.) и 11,3 (2020 г.) [13]. Однако данная статистика не учитывает неудачные попытки, поэтому, если взять во внимание появление современных деструктивных организаций типа «Синий кит», проблема гораздо глубже.

Наиболее уязвимыми категориями являются подростки и молодые люди (рис. 1).

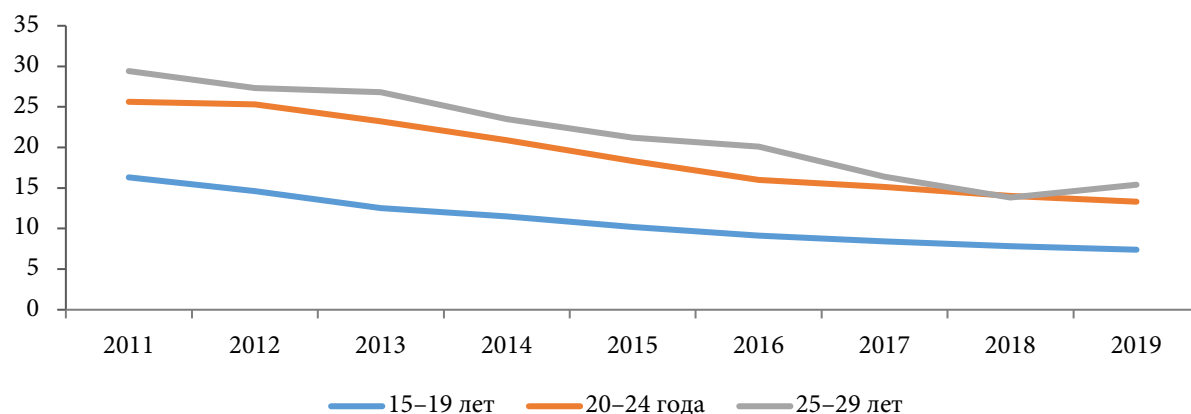

Рис. 1. Число самоубийств по возрастным категориям с 2011 по 2019 г.

Figure 1. Number of suicides by age category from 2011 to 2019

Дизайн исследования

На сегодняшний день для профилактики и предотвращения попытки совершения самоубийств разрабатываются различные методики как в рамках социально-психологического, так и медицинского подхода. В период с мая по ноябрь 2021 г. авторами статьи было проведено эмпирическое исследование, целью которого явилась разработка и апробация инструментария для изучения суицидального поведения молодых людей. В ходе исследования были поставлены следующие задачи: во-первых, на основе изученного теоретического материала разработать анкету, содержащую вопросы, направленные на измерение суицидального поведения студентов, во-вторых, провести опрос 1000 студентов по разработанной анкете и на его основе диагностировать уровень суицидального риска студенческой молодежи, в-третьих, провести интервью со студентами, которые имели реальные суицидальные мысли (пытались совершить самоубийство), с целью сравнения с результатами опроса и выявления эффективности разработанного инструментария для измерения суицидального поведения в студенческой среде. Целевая группа выборки определяется тем, что согласно статистическим данным молодежная группа является одной из самых уязвимых категорий в совершении самоубийства, поэтому для исследования была взята возрастная категория студентов от 18 до 25 лет, чтобы охватить возрастные группы всех курсов обучения – с 1 по 4 курс бакалавриата, 1 и 2 курсов магистратуры. 18–20 лет – 64%, 21–23 года – 31%, 24–25 лет – 5%.

На первом этапе разработки инструментария был проведен анализ научных источников, который позволил представить «суицидальное поведение» как сложный феномен, складывающийся из ряда факторных индикаторов: демографические (пол, возраст), психологические (личностные) – нестабильность эмоционального состояния, несостоятельность, чрезмерный максимализм во всех сферах жизни, конструирование будущего, а также наличие суицидальных мыслей во временном аспекте

(прошлом, настоящем, потенциально в будущем), и социальные (потребность во внимании со стороны людей и уровень одиночества). Для измерения всех вышеперечисленных факторных индикаторов необходимо было применить различные методики. Поэтому для выявления суицидальных мыслей во временной перспективе – прошлое и настоящее – задавались прямые вопросы. Для выявления суицидального поведения в будущем был сформулирован проективный вопрос. Чтобы измерить факторы, связанные с личностными особенностями или эмоциональным состоянием индивида, частично применялся апробированный опросник суицидального риска Т. Н. Разуваевой [12, с. 6]. Данная методика применяется для выявления суицидальных намерений с целью своевременного предупреждения попыток совершения суицида, опросник прошел психометрическую адаптацию. Он включает в себя 29 утверждений, результаты которых дают интегральный показатель по 9 шкалам демонстративность, аффективность, уникальность, несостоятельность, социальный пессимизм, слом культурных барьеров, максимализм, временная перспектива и антисуицидальный фактор. Стоит отметить, что 4 шкалы (аффективность, несостоятельность, максимализм, временная перспектива) могут охарактеризовать и дать значимые результаты по выделенным индикаторам. Для выявления уровня одиночества использована методика измерения выраженности одиночества С. Г. Корчагиной [5, с. 54]. Согласно данному опроснику, респонденту задаются 12 вопросов, на которые можно выбрать один из 4 вариантов ответа: всегда, часто, иногда, никогда. При обработке результатов каждому ответу респондента приписывается определенный балл, затем подсчитывается сумма набранных баллов и соотносится с классификацией по уровню выраженности одиночества. Также в рамках разработки инструментария использовался метод семантического дифференциала. Респондентам предлагается заполнить таблицу с 25 биполярными шкалами (классические шкалы Ч. Осгуда [8, с. 189]), характеризующими такие понятия, как самоубийство и моя жизнь. Такой метод позволит изучить представления респондентов о самоубийстве и образе собственной жизни, а семантическая разница, полученная в результате анализа, покажет, насколько эти понятия схожи или различны. Если разница будет незначительной, то это характеризует близкую смысловую интерпретацию представлений, а следовательно, можно сделать вывод, что человек представляет свою жизнь не в позитивном ключе, и потенциально можно будет предположить, что это будет показателем формирования суицидальных мыслей.

Анкета, с помощью которой можно измерить характеристики суицидального поведения, состоит из 3-х частей, на основе которых и формируется инструкция применения (табл. 1). Первый этап заключается в измерении уровня одиночества. Данный показатель замеряется с помощью подсчета баллов по 12 вопросам. Если респондент набирает 28–48 баллов – высокая склонность к суицидальным мыслям, от 17 до 27 баллов – средняя склонность, если 0–16 баллов – низкий уровень суицидальных наклонностей. Второй этап заключается в измерении суицидальных наклонностей по 3 временным вопросам – мысли в прошлом и в настоящем, потен-

циальная возможность возникновения мыслей в будущем. Данные вопросы являются дихотомическими. Третий этап заключается в измерении уровня суицидальных наклонностей по индикаторам, замеряемым с помощью 29 утверждений, – аффективность, несостоятельность, максимализм и «временная перспектива».

Таблица 1 (Table 1)

Расчет уровня суицидальных наклонностей
Calculation of the level of suicidal tendencies

Одиночество	Высокая склонность: 28–48 баллов	3 балла
	Средняя склонность: 17–27 баллов	2 балла
	Низкая склонность: 0–16 баллов	1 балл
Измерение по 3 временным вопросам возникновения суицидальных мыслей	Ответы высокой склонности: - если респондент выбирает и в прошлой, и в настоящей проекции – «да»	3 балла
	Ответы средней склонности: - прошлое – «нет», настоящее – «нет», «будущее» – да; - прошлое – «нет», настоящее – «да», будущее – «нет»; - прошлое – «да», настоящее – «нет», будущее – «да»	2 балла
	Ответы низкой склонности: - прошлое – «да», настоящее – «нет», будущее – «нет»; - на все три вопроса – «нет»	1 балл
Измерение по шкальным вопросам – аффективность, несостоятельность, максимализм, «временная перспектива»	Ответы высокой склонности: - если на 3 индикатора из 4 респондент получает максимальный балл (аффективность – от 5,4 до 6; несостоятельность – от 6,8 до 7,5; максимализм – 6,4; «временная перспектива» – от 5,9 до 6,6), который относится к высокой склонности	3 балла
	Ответы средней склонности: - если на 2 индикатора из 4 респондент получает максимальный балл (аффективность – от 5,4 до 6; несостоятельность – от 6,8 до 7,5; максимализм – 6,4; «временная перспектива» – от 5,9 до 6,6), который относится к высокой склонности	2 балла
	Ответы низкой склонности: - если на 1 индикатор из 4 респондент получает максимальный балл (аффективность – от 5,4 до 6; несостоятельность – от 6,8 до 7,5; максимализм – 6,4; «временная перспектива» – от 5,9 до 6,6), который относится к высокой склонности	1 балл

По результатам подсчета баллов по всем индикаторам можно определить, какой тип уровня суицидальных наклонностей присутствует у студента: высокий (от 8 до 9 баллов), средний (от 6 до 7 баллов) или низкий (от 0 до 5 баллов).

Результаты исследования

На основе разработанной авторами анкеты был проведен опрос 1000 студентов с 1 курса бакалавриата по 2 курс магистратуры. Согласно выделенной типологии суицидальных наклонностей были получены следующие результаты: высокий риск суицида представлен у 3% студентов, средний – у 38%, а низкий – у 59%. Рассматривая разницу по возрастам, можно подчеркнуть, что как раз у студентов в возрасте 18–23 лет преобладает показатель высоких суицидальных рисков, в то время как у студентов 24–25 лет такой тип суицидальных наклонностей диагностирован не был. Среди студентов данного возраста преобладает низкий показатель суицидальных наклонностей. Практически в равной степени средний и низкий показатели суицидального поведения представлены у студентов 21–23 лет.

В рамках исследования применялся метод семантического дифференциала. Для диагностики были взяты два понятия – «самоубийство» и «моя жизнь». В результате полученных данных были вычислены значения разницы между данными понятиями по каждому респонденту. Максимальная разница между данными понятиями по результатам опроса составила – 4,2, а минимальная – 1,9. Исходя из разброса данных показателей, можно составить градацию для классификации показателя семантического дифференциала – «значимая разница» (от -4,2 до -2,1), «средняя разница» (от – 2 до -0,1), «низкая разница» (от 0 до 1,9).

Согласно логике исследования методом семантического дифференциала, предположение о том, что преобладание высокого уровня суицидальных наклонностей характерно для «низкой разницы» между понятиями, подтвердилось на базе проведенного опроса. Семантический дифференциал, как доказательство наличия высокого и низкого уровней суицидальных намерений, может быть использован в рамках диагностики суицидального поведения.

В рамках третьего этапа эмпирического исследования с целью апробации анкеты для измерения суицидального поведения было проведено два интервью со студентами, которые пытались совершить самоубийство.

Для проведения интервью был составлен гайд, включающий в себя ряд вопросов для диагностики индикаторов суицидального поведения. Гайд состоял из нескольких блоков, направленных на идентификацию определенного индикатора суицидального поведения и ключевых факторов, детерминирующих его.

Первый респондент – девушка, 19 лет (В.), обучающаяся на 2 курсе бакалавриата по направлению «юриспруденция», второй – девушка, 20 лет (Н.), обучающаяся на 3 курсе биохимического факультета.

Первый блок включал в себя вопросы о себе и рассказ о своей семье. В. охарактеризовала себя как активную девушку, увлекающуюся волейболом на протяжении 6 лет и занимающуюся спортивной гимнастикой. Про свое окружение отметила, что друзей немного (два-три человека). В начале беседы сразу указала, что «есть какие-то проблемы с психологической точки зрения, они скорее всего связаны с учебой или с отсутствием друзей,

потому что я – экстраверт, и мне просто нужно общение...». Девушка проживает в неполной семье (с мамой и с 2 братьями и 2 сестрами), отношения со своими близкими хорошие, но с мамой натянутые, в то же время мама оказывает значимое и сильное влияние, контролируя девушку.

Н. в начале беседы рассказала о том, в каком университете и на каком направлении обучается. Н. воспитывалась и проживает на данный момент в полной, достаточно хорошо обеспеченной семье, взаимоотношения с родителями она характеризует так: «у меня с ними очень хорошие отношения, построенные на доверии и уважении. Они оба меня поддерживают в любых начинаниях, в любом решении, которое я приму...».

Второй блок вопросов был посвящен процессу формирования суицидальных мыслей. В данной части беседы респонденты делились значимыми обстоятельствами возникновения суицидального поведения. В. отмечала, что впервые столкнулась с суицидальными мыслями в начале первого курса обучения. В совокупности на это повлияли несколько факторов. Во-первых, неприятие себя, а именно своего внешнего вида, во-вторых, отсутствие общения с друзьями, а в-третьих, тревожное расстройство: «мне было страшно ходить в университет, страшно выходить на улицу, могла чувствовать себя комфортно только в своей комнате, лежать и не вставать, если только дверь в комнату закрыта на щелчок». В целом эти обстоятельства дали толчок к тому, что любая мелочь или ситуация, с которой не мог справиться респондент, вызывали чувство неуверенности и беспомощности, которое в процессе долгого времени накапливалось и порождало суицидальные мысли. Более значимым для В. был фактор отсутствия общения. В период формирования суицидального поведения респондент не поддерживал общения ни с друзьями, ни с родителем.

Н. столкнулась с суицидальными мыслями в переходный период – конец 11 класса в школе и начало 1 курса обучения в университете. Главной причиной, вызвавшей психологический дисбаланс респондента, является самоопределение. Вопросы поступления в нужный вуз и подходящее направление оставались значимыми и достаточно спорными для респондента. Невозможность определиться с целями на ближайшее будущее заставила Н. чувствовать себя неуверенной и неспособной предпринять определенные действия, чтобы реализовать себя в будущем: «И у меня возник такой глобальный вопрос, что я могу сделать в своей жизни, в этом мире – у меня возникали проблемы, которые были связаны с тем, что смогу ли я принести что-то полезное в общество, оставить какой-то след и реализовать себя. И на тот момент я глубоко задумалась об этом и считала себя настолько ничтожной и полностью не способной что-то делать на будущую жизнь». На вопрос о том, какие факторы могут значительно повлиять на возникновение мыслей о совершении самоубийства, Н. ответила – во-первых, это непонимание в семье (отсутствие хороших взаимоотношений с родителями), во-вторых, это любовные отношения (например, расставание с партнером и, как следствие, потеря значимого человека) и, в-третьих, влияние социальных сетей. Данный блок также содержал вопросы для диагностики уровня одиночества на тот момент, когда

у обеих девушек были суицидальные мысли. В ходе анализе были получены следующие результаты: у В. и Н. на тот момент был диагностирован очень высокий уровень одиночества (41 и 38 из 48 баллов соответственно).

На вопрос именно о совершении попытки самоубийства обе девушки ответили, что смогли преодолеть критический момент благодаря общению с друзьями или семьей. В. в процессе интервью отметила, что «чуть было я не совершила уже. Я была на грани...» – из-за конфликтной ситуации в своем личном окружении в университете. Конфликтная ситуация стала для В. решающей: «И просто в один момент на одной из последних пар она опять обсуждала меня, и вот все у меня встал вопросом ребром: либо я сейчас собираюсь уйду домой и наглотаюсь таблетками до смерти, либо я с кем-то сейчас поговорю». В итоге В. нашла свою старую подругу, к которой она обратилась за помощью. На вопрос, почему она не обратилась за помощью ко взрослым, В. ответила: «Я думала, они восприняли бы на тот момент важные проблемы моей жизни не всерьез. И сказали бы, что это лишь пустяки». Осознавая тот факт, что находится на грани, она не постеснялась обратиться за помощью к друзьям и родителям и высказать все свои мысли. Реакция со стороны родителей и друзей оказалась нормальной – «Да, они меня поддержали. Спокойно выслушали, нашли и сказали мне нужные слова».

Следующим блоком в интервью было диагностирование суицидальных мыслей согласно разным факторам – девушки отвечали на 29 утверждений, по результатам которых можно охарактеризовать суицидальное поведение по разным индикаторам (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Результаты, полученные при помощи методики Т. Н. Разуваевой
The results obtained using the technique of T. N. Razuvaeva

Показатель	В. (респондент 1)	Н. (респондент 2)
Аффективность	5,5 балла	6,6 балла (max)
Несостоятельность	7,5 балла (max)	7,5 балла (max)
Максимализм	6,6 балла (max)	6,6 балла (max)
Временная перспектива	6,6 балла (max)	6,6 балла (max)

У обеих девушек высокие показатели (> 90%) практически по всем измеряемым шкалам. Высокий показатель аффективности объясняет тот факт, что в критическом периоде девушек контроль над ситуациями брали эмоции (это ярко характеризует пример из ситуации В. в университете и вопрос с определением экзаменационных предметов у Н.).

Показатель по шкале несостоятельности описывает ситуацию, при которой человек чувствует себя неполноценным в моральном, физическом, интеллектуальном плане, – «Я плох». С такой ситуацией столкнулись В., рассказывая о непринятии своего, и Н., рассказав о намерении в школьный период обучаться по такой специальности, которая помогла бы ей реализовать себя в будущем.

Шкала максимализма соответствует таким событиям, когда конфликт или неудача в одной сфере жизни оказывают влияние на другие. Поэтому максимальный балл отмечается у В., которая при конфликте в группе не могла нормально продолжать учебный процесс, впадая в истерики, а также у Н., которая при выборе предметов для экзаменов, необходимых в дальнейшем для поступления в университет, не могла определиться, что и привело к проблеме самоидентификации – процессу самоунижения и обесценивания своих способностей.

Временная перспектива – показатель невозможности конструировать планы на будущее. В целом рассказ Н. о своем переходном процессе самоопределения с будущим направлением обучения в вузе является примером проблемы самоопределения в настоящем времени, ведущей к невозможности думать наперед, что в целостности стало толчком для возникновения мыслей о суициде.

Следующим заданием для девушек явилось заполнение таблиц со шкалами-антонимами для измерения семантического расстояния между понятиями «самоубийство» и «моя жизнь» в представлении респондентов. Оба респондента заполнили по две таблицы. В процессе анализа данных были получены следующие результаты: В. оценила понятие «самоубийство» в 1,84, а понятие «моя жизнь» в 1,24. Это говорит о том, что семантическое расстояние между двумя понятиями в представлении респондента составляет 0,6 – что, является маленьким разрывом. У Н. наблюдается достаточно схожая ситуация. Образ самоубийства был оценен ей на -1,52, а представление о собственной жизни – -1,1. Данная разница (0,52) между понятиями также достаточно маленькая. В результате можно отметить, что в сознании девушек представления о собственном жизненном пути и самоубийстве достаточно близки. Такие же результаты мы увидели в ходе анкетного опроса у респондентов с высоким суицидальным риском.

Завершающим вопросом интервью стала проективная ситуация, при которой в будущем могут возникнуть мысли о суициде. Оба респондента отметили, что не исключают тот факт, что через несколько лет смогут вновь столкнуться с суицидальными мыслями – Н.: «Скорее всего да. Ключевой проблемой является самоопределение и желание сделать все хорошо и оставить какое-то значимое достижение. И если в будущем я не смогу добиться цели, это может меня сломить...» и В.: «Все возможно, как для себя выяснила, мысли уже были...».

Таким образом, можно сделать ряд выводов по возможностям диагностирования суицидального поведения молодых людей. Во-первых, прямые вопросы, связанные с диагностикой суицидальных мыслей во временной проекции – прошлое, настоящее и будущее, работают и характеризуют текущие и потенциально будущие возможности возникновения мыслей о суициде. Во-вторых, включенные 12 вопросов для диагностики уровня одиночества показывают, что при глубоком переживании одиночества люди склонны думать о самоубийстве, поэтому одиночество является значимым фактором суицидального риска. В-третьих, 29 утверждений, направленных на диагностирование таких факторов, как демонстративность, эмоциональ-

ный дисбаланс, мысли о собственной несостоятельности, конфликтные ситуации, влияющие на все сферы жизни, невозможность планирования будущего, выявляют ключевые проблемные области в жизни человека, оказывающие значимое влияние на формирование суицидального поведения. Изучение представлений о самоубийстве и собственной жизни с помощью метода семантического дифференциала (а именно маленькой разницы в семантическом пространстве между понятиями), дополнительно показывает наличие или отсутствие суицидальных мыслей у молодых людей.

Верификация результатов

Для разработки профилактической программы Д. А. Хабибулин, Е. А. Овсянникова, Г. В. Тугулева, Д. В. Плохотнюк [15, с. 278] провели похожее исследование, материалы которого позволяют оценить степень выраженности риска суицидального поведения у студентов. В рамках исследования авторы использовали в совокупности несколько методов – логико-теоретический анализ проблемы самоубийства, методы сбора эмпирического материала (наблюдение, анкетирование, тестирование, беседа, интервью). В качестве основного эмпирического инструментария применялись несколько психодиагностических методик: методика выявления склонности к суицидальным реакциям (СР-45), опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой, методика психодиагностики суицидальных намерений ПСН – «А», личностный опросник «НПН-А» 02 (нервно-психическая неустойчивость). В исследовании приняли участие 105 студентов. В совокупности авторы пришли к следующим выводам:

- Согласно методике «Выявление склонности к суицидальным реакциям (СР-45)» у большинства студентов выявлен средний уровень проявления склонности.
- По результатам анализа суицидального риска по «Опроснику суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой» у студентов наиболее выражены факторы «максимализм» и «социальный пессимизм»
- По результатам «Методики психодиагностики суицидальных намерений ПСН – «А» выделили две наиболее распространенные причины формирования суицидальных намерений: взаимоотношения с окружающими и проблемы с деньгами.
- Данные по «Личностному опроснику «НПН-А» 02 показали, что у большинства студентов выявлены такие акцентуации характера, как психастения (высокая тревожность, неуверенность в себе, неумение брать на себя ответственные задачи) и истерия (наличие демонстративного поведения, желания показать себя в лучшем свете).
- В результате факторного анализа выделили три ключевых фактора: личностный (демонстративность, аффективность, уникальность, несостоятельность, социальный пессимизм и временная перспектива), эмо-

циональный (нервно-психическая неустойчивость, истерия, психопатия) и отношение к социальным нормам (положительная оценка изменам в любви, добровольному уходу из жизни и отрицательным взаимоотношениям с окружением) [15, с. 284].

Для анализа факторов формирования суицидального поведения у студентов В. М. Климов, Р. И. Айзман [4, с. 55] провели опрос 175 студентов, который включал в себя две методики: М. В. Горской и опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой. Авторы пришли к такому выводу, что наибольшее влияние на риск суицидального поведения, как у юношей, так и у девушек оказывали два фактора: аффективность и социальный пессимизм, и подчеркнули, что по многим факторным показателям девушки более склонны к формированию суицидального поведения чем юноши. Что касается методических аспектов, то авторы заявляют, что обе методики диагностики суицидального поведения, по Т. Н. Разуваевой и М. В. Горской, дают возможность оценить суицидальный риск, но в первой методике выделяется более расширенный спектр суицидоопасных признаков, которые можно объединить в эмоциональный, социальный и когнитивный, а во второй – анализ суицидального риска в основном построен на характеристике психоэмоциональных качеств. Но в целом две эти методики могут применяться совместно и взаимно дополнять друг друга [4, с. 63].

Проводя сравнение с похожими исследованиями, целями которых является разработка инструментария, позволяющего вовремя диагностировать возникновение суицидального поведения студентов, мы можем отметить, что разрабатываемая методика должна охватывать определенный ряд факторов. Как было описано выше в двух исследованиях, за основу авторы брали модифицированный опросник Т. Н. Разуваевой, позволяющий диагностировать эмоциональные и социальные индикаторы, и для измерения других факторных индикаторов (медицинских, психических) могут брать дополнительные апробированные методики, потенциально возможно совместимые с основной.

Поэтому в рамках проведенного собственного эмпирического исследования разработанный инструментарий включает в себя не только модифицированный опросник Т. Н. Разуваевой, но также и методику диагностирования одиночества С. Г. Корчагиной, вопросы временной проекции и метод семантического дифференциала. Такая совокупность методик позволяет охватить и диагностировать определенные факторные индикаторы, характеризующие суицидальные склонности человека.

Заключение

В целом можно отметить, что представленная авторская методика апробирована в ходе анкетного онлайн-опроса и путем интервьюирования студенческой молодежи: прямые вопросы, связанные с временной проекцией, – возникновение мыслей в прошлом, настоящем или буду-

щем – показывают свою эффективность, поскольку позволяют диагностировать присутствие или возможность формирования суицидальных намерений в будущем.

Поскольку самоубийство является многофакторным явлением, то необходимо оценивать определенные факторные индикаторы – эмоциональную нестабильность, чувство несостоятельности, максимализм (нарушение целостного образа жизни из-за локального конфликта в определенной сфере), невозможность конструировать планы на будущее. В рамках диагностики авторами применялся уже валидизированный опросник Т. Н. Разуваевой.

Большое значение имеет диагностирование одиночества – поскольку в ходе интервью со студентками, имевшими суицидальные мысли, были выявлены высокие показатели глубокого переживания одиночества (диагностированы по методике С. Г. Корчагиной). Также было установлено, что включение в диагностику метода семантического дифференциала по таким понятиям, как «самоубийство» и «моя жизнь» позволит дополнительно узнать о наличии или отсутствии суицидальных наклонностей. Это связано с тем, что в представлении респондентов образ суицида характеризуется схоже, как и образ собственной жизни, – низкий уровень разницы между понятиями.

Социологическое изучение суицидального поведения в эмпирическом плане – сложная задача ввиду сензитивности тематики и ее близости к психологической науке. На данный момент большинство имеющихся методик относятся именно к психологическим, поэтому представленный в статье подход интересен для методологии социологических исследований и может быть расценен как один из социологических инструментов оценки рисков суицидального поведения среди молодежи. Представленная авторская методика может быть использована в процессе реализации воспитательной работы в вузах.

Библиографический список

1. Амбрумова А. Г., Бородин С. В., Михлин А. С. Предупреждение самоубийств. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 164 с.

2. Гилинский Я. И., Юнацкевич П. И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учеб. пособие. СПб.: ИС РАН, 1999. 338 с.

3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. В. А. Базаров. М.: Мысль, 1994. 399 с.

4. Климов В. М., Айзман Р. И. Анализ факторов суицидального риска у студентов вуза // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 55–66. DOI: 10.15293/2226-3365.1705.04.

5. Корчагина С. Г. Психология одиночества: уч. пос. М.: МПСИ, 2008. 228 с.

6. Меннингер К. Влечение смерти. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 528 с.
7. Мягков А. Ю., Журавлева И. В., Журавлева С. Л. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 48–70.
8. Осгуд Ч. Метод семантического дифференциала в сравнительном исследовании культур (часть I). (Пер. с англ. – М. Б. Вильковский) // Социология: 4М. 2012. № 35. С. 172–201.
9. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2021. 692 с.
10. Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 104–114.
11. Тихоненко В. А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. С. 59–72.
12. Фаустова И. В., Комлик Л. Ю., Филатова И. Ю., Копылова Н. М. Социально-психологические детерминанты саморазрушающего поведения подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. Т. 8. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN420.pdf> (дата обращения: 05.06.2021). DOI: 10.15862/39PSMN420.
13. Федеральная служба государственной статистики. Смертность от самоубийств. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58547/> (дата обращения: 05.06.2021).
14. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Суицидология: прошлое и настоящее. М.: Когито-центр, 2013. С. 255–270.
15. Хабибулин Д. А., Овсянникова Е. А., Тугулева Г. В., Плохотнюк Д. В. Личностные детерминанты суицидального риска у студентов // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 271–281. DOI: 10.32744/pse.2020.1.19.
16. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2008. 224 с.
17. Шматко Н. А., Ленуар Р., Мерлье Д. и др. Начала практической социологии. Сер.: Gallicinium. М.: Алетейя, ИЭС, 2001. 401 с.
18. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
19. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Универ. книга, 1996. 592 с.
20. Юнг К. Г. Аналитическая психология и психотерапия: хрестоматия. СПб.: Питер, 2001. 512 с.
21. Halbwachs M. Les Causes du Suicide. Paris: Félix Alcan, 1930. 520 p.
22. Lukas C., Seiden H. M. Silent Grief: Living in The Wake of Suicide. Scribner's, 1987. 240 p.
23. Wekstein L. Handbook of Suicidology: Principls, Problems and Practice. N.Y., 1977. 319 p.

24. World Health Organization. Suicide data. URL: <https://www.who.int/teams/mental-health-and-substance-use/suicide-data/> (дата обращения: 05.06.2021).

25. World Health Organization. Suicide data. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates/> (дата обращения: 05.06.2021).

Получено редакцией: 25.11.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пузанова Жанна Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Российский университет дружбы народов

Ларина Татьяна Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, оссийский университет дружбы народов

Сычева Ольга Алексеевна, магистрант кафедры социологии, оссийский университет дружбы народов

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10

The Problem of Suicidal Behaviour in the Student Environment: Experience of Empirical Study¹

Zhanna V. Puzanova

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: puzanova-zhv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7405-3303

Tatyana I. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: larina-ti@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-6167-455X

Olga A. Sycheva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: olya.sycheva.98@mail.ru

For citation: Puzanova Z. V., Larina T. I., Sycheva O. A. The problem of suicidal behaviour in the student environment: experience of empirical study. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO

Abstract. The article deals with the problem of youth suicide, that remains very relevant today. The authors point out that only registered suicide attempts enter the official statistics, and there are still a large number of unsuccessful attempts that remain unregistered. Also, the emergence of so-called “death groups” against the backdrop of large-scale involvement of young people in social networks exacerbates the problem. To study the topic and prevent the formation of suicidal behaviour, a specific approach is required, since the topic of suicide is quite sensitive. To solve the problem, the authors conducted an empirical study aimed at developing a methodology for diagnosing suicidal risk among young people. The research consists of three stages. At the first stage, a systematic analysis of scientific sources was carried out, as a result of which the factors influencing the occurrence of suicidal tendencies were identified: demographic, psychological (personal) and social. Next, a questionnaire was developed with methods that diagnosed each factor: a modified questionnaire of suicidal risk by T.N. Razuvaeva, a method for measuring

¹ The article was prepared within the framework of the initiative topic of RUDN University research project No. 100932-0-000 “The dynamics of student youth’s value orientations in the process of studying at a university”.

the severity of loneliness by S. G. Korchagina, projective questions and a semantic differential. As a result, based on the developed typology of the level of suicidal tendencies, the respondent was identified from the standpoint of suicidal risk. The second stage was a survey of 1000 students of all levels of education. The results of the survey allowed to assess the severity of the risk of suicidal behaviour among students. The final stage of the study was the conduct of biographical interviews (testing the methodology), as well as the survey itself, according to the developed methodology, of students who had real suicidal thoughts (unrealised suicide attempts). This stage allowed to test the effectiveness of the tools developed on the basis of existing methods for diagnosing suicidal tendencies in students. In conclusion, the authors compare the results obtained with relevant studies by other scientists who also used an integrated approach of diagnostic techniques. The results of the study can be used by universities in the implementation of educational work with students.

Keywords: suicide, suicide, risk of suicide, factors of suicidal behaviour, suicidal behaviour, students

References

1. Ambrumova A. G., Borodin S. V., Mihlin A. S. *Preduprezhdenie samoubijstv* [Suicide prevention]. Moscow, Akad. MVD SSSR, 1980: 164 (in Russ.).
2. Gilinskij Ya. I., Yunackevich P. I. *Sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie osnovy suicidologii* [Sociological and psychological-pedagogical foundations of suicidology]. St. Petersburg, IS RAN, 1999: 338 (in Russ.).
3. Dyurkgejm E. *Samoubijstvo. Sociologicheskij etjud* [Suicide. Sociological study]. Transl. from Fr. by V. A. Bazarov. Moscow, Mysl, 1994: 399 (in Russ.).
4. Klimov V. M., Ajzman R. I. The analysis of suicide risk factors among students of higher education institutions. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017: 5: 55–66 (in Russ.). DOI: 10.15293/2226-3365.1705.04.
5. Korchagina S. G. *Psihologiya odinochestva: uchebnoe posobie* [Psychology of loneliness: study guide]. Moscow, MPSI, 2008: 228 (in Russ.).
6. Menninger K. *Vlechenie smerti* [Death attraction]. Ed. by K. Menninger. Moscow, Eksmo-Press, 2000: 528 (in Russ.).
7. Myagkov A. Yu., Zhuravleva I. V., Zhuravleva S. L. *Suicidalnoe povedenie molodyozhi: masshtaby, osnovnye formy i faktory* [Suicidal behavior of youth: scale, main forms and factors]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2003: 1: 48–70 (in Russ.).
8. Osgud Ch. The method of semantic differential in the comparative study of cultures (part I). Transl. by M. B. Vil'kovskij. *Sociologiya*: 4M, 2012: 35: 172–201 (in Russ.).
9. *Rossiiskij statisticheskij ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Stat.sb./Rosstat, 2021: 692 (in Russ.).
10. Sorokin P. A. *Samoubijstvo kak obshhestvennoe yavlenie* [Suicide as a social phenomenon]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2003: 2: 104–114 (in Russ.).
11. Tikhonenko V. A. *Klassifikaciya suicidal'nyh proyavlenij* [Classification of suicidal manifestations]. Ed. by V. A. Tikhonenko. *Actual problems of suicidology*. Moscow, 1978: 59–72 (in Russ.).
12. Faustova I. V., Komlik L. Yu., Filatova I. Yu., Kopylova N. M. Socio-psychological determinants of selfdestructive behavior of adolescents. *Mir nauki. Pedagogika i psixologiya*, 2020: 4 (8). Accessed 05.06.2021. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN420.pdf> (in Russ.). DOI: 10.15862/39PSMN420.
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal State Statistics Service]. *Smerntost' ot samobjstv* [Mortality from suicide]. Accessed 06.05.2021. URL: <https://www.fed-stat.ru/indicator/58547/> (in Russ.).
14. Frejd Z. *Pechal' i melanholiya* [Sadness and melancholy]. *Suicidologiya: proshloe i nastoyashchee* [Suicidology: past and present]. Moscow: Kogito-centr, 2013: 255–270 (in Russ.).
15. Khabibulin D. A., Ovsyannikova E. A., Tuguleva G. V., Plokhotnyuk D. V. Personal determinants of suicidal risk in students. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2020: 1 (43): 271–281 (in Russ.). DOI: 10.32744/pse.2020.1.19.
16. Horni K. *Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza* [Our internal conflicts. Constructive theory of neurosis]. Moscow, Akadem. proekt, 2008: 224 (in Russ.).
17. Shmatko N. A., Lenuar R., Merl'e D. et al. *Nachala prakticheskoy sociologii*. Ser.: Gallicinium [Beginnings of practical sociology. Serie: Gallicinium]. Moscow, Aletejya, IES, 2001: 401 (in Russ.).

18. Shnejdman E. Dusha samoubijcy [Suicide Soul]. Moscow, Smysl, 2001: 315 (in Russ.).
19. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]. Transl. from Eng. St. Petersburg, Lenato, AST, Univer. kniga, 1996: 592 (in Russ.).
20. Yung K. G. Analiticheskaya psihologiya i psihoterapiya: hrestomatiya [Analytical Psychology and Psychotherapy: chrestomathy]. Ed. by K. G. Yung. St. Petersburg, Piter, 2001: 512 (in Russ.).
21. Halbwachs M. Les Causes du Suicide. Paris, Félix Alcan, 1930: 520.
22. Lukas C., Seiden H. M. Silent Grief: Living in The Wake of Suicide. Scribner's, 1987: 240.
23. Wekstein L. Handbook of Suicidology: Principls, Problems and Practice. New York, 1977: 319.
24. World Health Organization. Suicide data. Accessed 05.06.2021. URL: <https://www.who.int/teams/mental-health-and-substance-use/suicide-data/>
25. World Health Organization. Suicide data. Accessed 05.06.2021. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates/>

The article was submitted on November 25, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhanna V. Puzanova, Doctor of Sociological Science,
Professor of the Department of Sociology, RUDN University

Tatyana I. Larina, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology, RUDN University

Olga A. Sycheva, master student, RUDN University

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11

EDN: GIOUZK

Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока

Ссылка для цитирования: Панфилова А. О. Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZK

For citation: Panfilova A. O. The problem of loneliness in the urban environment: experience of cities in Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZK

Панфилова Анна Олеговна¹

¹ Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

anna_pl.vl@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 835694

Аннотация. В статье рассматривается феномен одиночества человека в городе. Постоянно возрастающая роль города как жизненного пространства обуславливает изменения и в образе жизни человека, и в его внутреннем мире. Одиночество, будучи во все времена имманентным спутником бытия, в современных общественных реалиях также отличаются специфические черты. На их формирование повлияли динамические социальные факторы и агенты. Цель статьи – обозначить социальный контур городского одиночества путем анализа релевантных теоретико-методологических и эмпирических данных.

Методологию исследования вопроса определили: урбанистический дискурс в социологии (Г. Зиммель, Р. Парк, А. Лефевр); социальные концепции одиночества (Н. Покровский, Ж. Пузанова, Э. Кляйненберг); концепция современного сложного общества (З. Бауман, С. Кравченко), а также элементы социопространственного подхода. Эмпирическая основа исследования представлена серией полуформализованных фокусированных интервью с респондентами – жителями больших городов Дальневосточного федерального округа РФ с использованием нарративного принципа работы с данными, а также элементов контент-анализа.

Результаты исследования представлены эмпирически выделенными нарративами одиночества, интерпретацией их социального контекста. Отмечены основания для анализа одиночества как феномена, получающего дополнительное развитие в условиях разнонаправленных и нелинейных процессов городской жизни. Факторную социальную роль в этом играют многообразие и дифференциация общественной жизни, социальная анонимия и индивидуализация жизненных практик, кризис института доверия как ценности

коллективных взаимодействий, продолжающаяся «атомизация» домохозяйств. Большое значение имеют также коренные сдвиги в массовом сознании, обусловившие восприятие добровольного одинокого образа жизни как выгодного и ценного. Социальные контуры одиночества аффилированы с интенсивом городского образа жизни, индивидуализмом, неуверенностью в будущем.

Автором формулируется вывод о низком уровне социального капитала респондентов как одном из значимых факторов одиночества, а также о ресурсном характере города в развитии одиночества как личностного переживания и как практики одинокого образа жизни.

Ключевые слова: одиночество, одиночество в городе, город, пространство города, урбанизация, глобализация, аномия, социальное доверие, одинокий (сингулярный) образ жизни

Изменения, произошедшие за последние десятилетия в мировом социокультурном пространстве, огромны. Необходимость соответствовать быстро изменяющимся реалиям – глобальным, цифровым, общественно-политическим – предъявляет новые требования к нашим знаниям и компетенциям, заставляет пересматривать скорость адаптационных и идентификационных процессов, а также и обыденной, и научной рефлексии наступившего и происходящего. Трансформации подверглись и самые основания жизни современного человека, общая конфигурация социальных отношений.

Одиночество – тот феномен, дискурс которого безусловно актуален в контексте происходящих сейчас глобальных перемен. Будучи интуитивно понятным по своей сути каждому, тем не менее, это явление имеет и множественные смысловые и эмоциональные грани, а также обладает динамическими свойствами, способностью к развитию. «За кажущейся простотой данного явления скрываются глубинные изменения внутреннего мира человека, которые являются отражением острых социальных, духовных, личностных конфликтов, разъединяющих людей. В современном атомизирующемся обществе проблема одиночества приобретает все более острый характер, причины которого требуют постоянного серьезного осмысления» [6, с. 57].

Развитие же одиночества среди горожан – тот ракурс проблемы, который сегодня имеет актуальный статус, во-первых, в силу системной значимости города и урбанизации в современной жизнедеятельности человека. Во-вторых, формы и практики одиночества последних десятилетий, получившие, по мнению ряда исследователей, характер «пандемии», показывают, как и насколько на современном этапе общественной жизни меняются ее ценностные основания, происходит радикальный пересмотр ранее единственно приемлемых способов бытия. Так, например, прежний традиционно проблемный фокус восприятия одиночного (сингулярного) образа жизни сменился на прямо противоположный: в современных реалиях он становится желательным и выгодным, а за определенными демографическими изменениями стоит уже «структурное одиночество достатка» [31]. Соответственно, корректны и актуальны вопросы о том, как

и в какой мере соотносится «вечная» тема одиночества человека с современной жизнью в городских локациях; как рефлексруется и развивается одиночество в условиях городов, развитие которых в последние десятилетия приняло беспрецедентный по масштабу и значимости характер. Эти соображения обуславливают как собственно постановку вопроса, заявленного в теме, так и его теоретический анализ, и эмпирическое исследование.

Обзор литературы по проблеме

Как объект научного изучения одиночество представлено в различных гуманитарных дискурсах – социальном, культурологическом, психологическом, отображаясь с соответствующих предметных и методологических позиций. Свое отражение оно находит и в естественнонаучной мысли, например в психопатологии, поскольку может быть связано с рядом психических девиаций [12]. Соответственно, даже беглый просмотр его научных репрезентаций показывает многомерность проблематики.

Несмотря на кажущуюся внятность, дать одиночеству исчерпывающее предметное определение, даже оставаясь в рамках конкретного научного поля, весьма сложно. Социологически оно может быть осмыслено и представлено, к примеру, через «наиболее близко приближающиеся к нему традиционные понятийные инструменты» [20, с. 189] – например, отчужденность, аномию, изоляцию, социальную эксклюзию. Многие ученые – как значительно более ранних периодов (например, связка одиночества-отчужденности в работах К. Маркса) до современных авторов-исследователей одиночества и его граней (Н. Е. Покровский, Ж. В. Пузанова, Э. Кляйненберг, Л. Сведсен и др.) – так или иначе рассматривают его природу как релевантную миру социального. Последний же, получая свое наиболее концентрированное и «пестрое» выражение в условиях продолжающегося развития городских форм жизни, способен формировать и социальные сценарии развития одиночества.

Эта связка отмечается в фокусе внимания мыслителей-урбанистов еще в конце XIX в., хотя и более ранние философы эпизодически указывали на одиночество человека в городе¹. Позднее для социально-философской и социологической мысли стало почти типичным отмечать и анализировать влияние городской среды на личность, сознание и поведение человека (Э. Дюркгейм (через социальную аномию и слабую сплоченность горожан); М. Вебер (через множественность и обезличенность связей в городе); Г. Зиммель (через индивидуализм, отчужденность, высокую социальную дифференциацию)). Более предметно связь города с настроениями и состояниями его жителей показали в своих работах Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт. Общая и ключевая идея их анализа заключается в том, что город усиливает, простирает и выставляет напоказ человеческую природу во всех ее разнообразных проявлениях [18].

¹ Р. Декарту приписывается фраза о том, что одиночество следует искать в больших городах.

Значение этого тезиса для дальнейших размышлений о связи города и человека фундаментально, ведь, по сути, ни один общественный феномен не может рассматриваться вне влияния урбанизации – по ее линии «пролегалта сама граница между традиционным и современным обществом» [10]. В жизненной логике городского пространства сочетаются концентрированная дифференциация и неравенство, открытые каналы восходящей мобильности и эксклюзия, многовариантные риски по ходу социального движения – все то, что требует от человека принятия, понимания, адаптации, соотнесения со своим внутренним мироощущением.

Экономически феномен, получивший неформальное название «эпидемии одиночества», чаще всего выражается через большие цифры сингулярных домохозяйств (с одним проживающим человеком). «Тенденция к росту домохозяйств, состоящих из одного человека, распространяется на все регионы мира. Между странами существуют большие различия...» [30], но так или иначе, отмеченное есть общемировой тренд, интенсифицировавшийся во второй половине XX в. Так, Евростат приводит распределенные межстрановые данные (2006–2019 гг.), подтверждающие выраженную тенденцию этого роста¹. По данным Евростата и European Union Labour Force Survey (EU-LFS), за период с 2009 по 2021 г. количество домохозяйств в ЕС, состоящих из одного взрослого, живущего с детьми или без детей, выросло на 27,4%. Число домохозяйств, состоящих из одного человека и не имеющего детей, в ЕС увеличилось на 28,5%². Эти же источники указывают на рост числа одиноких взрослых во всех возрастных группах в 2021 г. по сравнению с 2009 г. Рост составил более 15% для всех категорий.

Данные предыдущих переписей населения РФ также показали рост числа таких домохозяйств. В 2002 г. их насчитывалось 11,7 млн, в 2010 г. их количество составило уже 14,02 млн (это 25,7% всех домохозяйств и 10% населения страны). Заметный вклад в картину социальной дифференциации «домохозяйственных» субъектов одиночества вносит фактор урбанизации. Основная группа регионов сконцентрирована по доле одиноких частных домохозяйств в городской местности России [2]. Авторами также отмечается, что «наивысшее число домохозяйств с одним проживающим человеком в основном находится в городских зонах...» [2].

Тем не менее тренд современной «эпидемии одиночества», выраженный в формате растущего числа таких домохозяйств, не однозначен. Во-первых, это – «косвенный показатель одинокого проживания» [30]. Во-вторых, большую роль играет фактор его добровольной или вынужденной практики. «Большая доля добровольно одиноких людей способствует экономическому росту, тогда как рост вынужденного одиночества

¹ Distribution of households by household size – EU-SILC survey // Eurostat. Data Browser. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_LVPH03_custom_1443305/default/table?lang=en (дата обращения: 23.08.2022).

² Household composition statistics // Eurostat Statistics Explained. Data extracted in May 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Household_composition_statistics#Increasing_number_of_households_consisting_of_adults_living_alone (дата обращения: 23.08.2022).

имеет разрушительные экономические последствия»¹. К такому выводу пришли А. Родригес-Позе и К. Бурлина в своем исследовании 2021 г. [29]. Соответственно, необходимо различать одиночество как проблемное переживание (недостаточного количества или качества социальных связей и/или их глубины) и одинокий образ жизни как собственный выбор.

Оптика «свежих» исследований высвечивает также важную связь одиночного проживания «с общим ростом благосостояния в мире» [31]. Этот образ жизни «часто выбирают люди, которые могут себе это позволить» [30]. Приводятся и экономические обоснования таких выводов. Так, В. Демьяненко, обобщая материалы современных западных исследований [30; 31], в частности, показывает, что «корреляция между уровнем доходов и числом одиноко живущих людей сохраняется и на внутривнутристрановом уровне», и отмечает, что «одиночек больше в тех регионах, где кипит деловая жизнь, а внутри городов таких людей особенно много в самых богатых районах»².

Продолжающееся развитие глобальных трендов капиталистического уклада общественной жизни репрезентирует ее во многом через категорию неравенства; через все то, что «пространственно воплощает фундаментальный принцип отчуждения и принуждения», а в крупных городских ансамблях – как «доведенное до крайних пределов расслоение» [13, с. 21]. Социальное пространство формируется в том числе «посредством функционирования и развития механизмов монетарного и немонетарных видов неравенства» [16]. В высококонкурентной городской среде они особенно усиливают разобщенность и индивидуализм, борьбу за обладание благами, редуцируют доверие и глубину групповых связей, усугубляют травмирующее восприятие реальности [21; 6].

Следуя логике урбанистов, к определению города можно подойти через понимание его как коллективно конструируемой социокультурной реальности. Следовательно, это пространство особого качества, подлежащее освоению все большим количеством игроков и представляющее собой «институционализированную практику, систематизированную сеть; ... потоки и открытые пространства испещрены множеством правил, конвенций, институтов контроля и регулирования» [1, с. 20]. Процессы развития, реконструкции и трансформации городского пространства имеют свои оценки в различных методологиях, к примеру в социально-географической, в трудах Э. Со́йа, А. Лефевра, Дж. Джейкобс. В современных «текущих» городских локациях стартуют и разворачиваются преобразования физические до максимальных высот интеллектуального. В трактовке А. Лефевра, «городские ансамбли, особенно самые большие,

¹ Кувшинова О., Демьяненко В. Экономика двух одиночеств // ЭКОНС. Экономический разговор. 22 декабря 2021 г. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomika-dvukh-odinochestv/?bx_sender_conversion_id=1091579&utm_source=newsletter&utm_medium=mail&utm_campaign=ekonomika_dvukh_odinochestv_riski_borby_s_riskami_koronakrizis_i_set_finansovoy_bezopasnosti (дата обращения: 11.07.2022).

² Демьяненко В. Мир самодостаточных одиночек // ЭКОНС. Экономический разговор. 21 октября 2021 г. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/mir-samodostatochnykh-odinochek/> (дата обращения: 26.08.2022).

демонстрируют в действии аналитическую мысль (или, если угодно, чисто аналитический разум), доведенную до крайних пределов» [13, с. 20]. Категория пространства может быть репрезентирована как динамический процесс [14], «надындивидуальная» техническая самоорганизация городской системы [15]. Оригинальная концепция отношений субъекта с пространством через категории (модусы) отчуждения, транзитивности и признания (теория «пересечения социальных пространств») представлена в работах А. Пирни [19]. Речь идет о наличии структурных ограничений (физических или культурных границ) внутри городского пространства, с которыми связаны социальная эксклюзия, процессы геттоизации. Отчуждение здесь выступает вариантом выстраивания отношений с ним. Методологически (а в нашей теме и предметно) важной здесь выступает функция социального производства, присущая пространству и создаваемой им реальности. Эта сила конструирует и определяет характер коллективно-групповых взаимоотношений, пространственных процессов идентификации (К. Тилли, А. Пирни, Ж. В. Николаева), маргинальности (С. Сассен, Л. Ваган, Е. Стариков, И. Ю. Лапова), миграции (Н. Е. Покровский).

Пространство города, понимаемое с такой позиции, – это не набор его географических обозначений и меток; оно многомерно, не имеет универсальных параметров. Потребление пространства, участие в его производстве и последующие эффекты становятся тем важным, что сопровождает жизнедеятельность жителей. Одиночество как внутреннее переживание разлада между собой и социальной средой становится одним из побочных результатов этих процессов, вплоть до его позиционирования «как продукт “полного отчаяния” городской жизни» [23, с. 51].

Теоретически близким одиночеству понятием является социальная аномия. «Аномия позволяет подвести под категорию одиночества прочную основу современной социальной теории» [20, с. 191]. Так, осмысление природы глобализации и ее влияния на состояние социальной системы и общественные отношения показывает скорее естественный и закономерный характер аномии в логике пространственно-городской организации. Аномия как ситуация слабости нормативных ориентиров и регуляторов, вариативности ценностно-нормативного поля «бьет» по социальным связям и солидарности (в логике Э. Дюркгейма), выступая своего рода яблоком «социального раздора», нарушая баланс отношений и связей субъекта с окружающей реальностью. «Люди чувствуют, что живут в мире с ослабленными человеческими связями» [8, с. 21; 28]. Ее развитие способствует большим уязвимостям человеческого сознания и мироощущения: ослаблению общей уверенности человека в заданном социокультурном поле. Как предмет научной мысли последних десятилетий аномия предстает во взаимосвязи с «современными формами самоотчуждения» (Э. Ингдал, М. Карлехеден) [9, с. 5]. Эта категория, впервые появившаяся в работах К. Маркса, была им представлена через отношение рабочего к своему труду, своей деятельности как к чему-то чуждому. Сегодня эти сценарии выражают себя в самоотчуждении человека от гораздо более

социально разнообразного – от места (в социопространственном смысле), способов действий и взаимодействий, значимых ориентиров. К примеру, самоотчуждение от пространства города проявляется в его фактическом неприятии, отторжении, даже ненависти. Иные варианты развития – разрушение коллективных ценностей, связей и субкультур, традиционных сообществ; выраженный индивидуализм и его ценности; самоотчуждение от действующих реалий в пользу виртуальной реальности¹, сетевых коммуникаций, чрезмерного потребления.

Можно заметить, что так или иначе понимание аномии связано с ее же свойством формировать, устанавливая границы и правила личных отношений с социальным, опосредовать их. Весомый вклад в современную картину аномии внесли факторы и феномены глобализации, например медиа-симулякры [3] как инструмент работы с массовым сознанием. «Симуляции и симулякры, пришедшие в нашу жизнь, стали фактором не только дисперсии ценностей и норм, но и сочетания прежде несочетаемого, что, естественно, внесло неопределенность в характер мотивации и деятельности людей, постоянно расширяя спектр социальных девиаций» [9, с. 7]. Глобализация как процессуальная доминанта общественного развития одновременно выступает и «испытанием на прочность традиционного характера институтов», и центрирует внимание к «пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности» [20]. Соответственно, современные контуры аномии определяются через глобально стимулируемые формы отчуждения, показывающие торжество индивидуального и дисперсию коллективного, развитие одиночных (сингулярных) практик жизнедеятельности.

Как свойство социальной реальности аномия имплицитно влияет на ее восприятие, утверждаясь сегодня «как норма современного социального» [8]. Такая ее оптика релевантна так называемой гипотезе «новой нормальности», которая возникла в период экономического кризиса 2008 года. Она была предложена для анализа и объяснения явлений в эпоху перемен, роста неопределенности, непредсказуемости мира. «В период коронакризиса эта гипотеза стала очень популярной, вышла на первый план, и под ней сегодня понимают не только экономические, но и социальные, психологические изменения в разных сферах жизни человека»². Как отмечает Г. В. Солдатова, важно то, что «требует смены привычного взгляда на окружающий мир, нового набора правил и идей».

Аномия есть макросоциологическое обстоятельство, препятствующее формированию «культуры доверия» [27]. Развитие аномии генерирует упадок доверия как особого качества отношений между субъектами, как традиционной ценности, элемента «социального капитала» [26].

¹ Примером является феномен хикикомори – фактический разрыв человеком всех реальных связей и контактов и «перенос» жизни в виртуальную среду; своего рода самоотчуждение от действующих реалий социума.

² Солдатова Г. В. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью». Доклад на 15 Санкт-Петербургском саммите психологов, 6 июня 2021 г. URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения: 07.07.2022).

Устойчивое воспроизводство и накопление последнего значительно осложнила критическая нехватка взаимного уважения, понимания и доверия [6]. Доверие инструментально формирует основу социальной уверенности. Характерной приметой времени и предметным полем научных размышлений является общее снижение его институциональной роли в контексте усиления глобализационных процессов (Э. Гидденс, Н. Луман, Ф. Фукуяма, П. Штомпка).

Таким образом, методологические основания анализа предмета данного исследования формируются на базе урбанистического и социопространственного подходов, а также с использованием элементов концепции сложного общества, формулируемой в трудах З. Баумана, С. А. Кравченко. Социальный ландшафт города конструируется через феномены «текучей» современности – формы неравенства, отчуждения, аномии, персонифицированного и краткосрочного поля взаимодействий, атомизации домохозяйств. Эти процессы, собственно, и актуализируют поиск оптики «новой нормальности», равно как и вопросы взаимоотношений людей с пространством, их традиционные и «новые нормальные» параметры, а также эффекты.

Опираясь на вышесказанное, концептуальные рамки предмета нашего исследования строятся, исходя из следующих методологических допущений:

1. «Смысловое наполнение пространства во многом определяет переживание внутреннего единства (или разлада) человека с миром» [17, с. 14]. Предметная сущность одиночества определяется как переживание субъектом недостаточного качества имеющихся связей и отношений как с близким, так и с неблизким окружением. Контент-анализ определений и категориальных репрезентаций показывает, что наиболее частыми смысловыми коннотациями с ним являются: дефицит социальных связей; потеря, нарушение связей с окружающей реальностью; разрушение целостности отношений; внутренний конфликт, разлад с самим собой. Так, в работе Ж. В. Пузановой [21] интегральная групповая дефиниция выводится «через социальные связи, их наличие/отсутствие, интенсивность, значимость. ... Социальные связи “наполняют”, поддерживают личность» [21, с. 44]. Указание на потерю или ослабление значимых социальных связей, неудовлетворенность их полнотой или содержанием в предметном контексте содержится в исследовании П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [6]. Определение же социального пространства города как «совокупности социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, проявления интересов разных групп горожан...» [7, с. 91–192] подчеркивает характер предметности нашего вопроса.

2. В оценке одиночества как социального феномена его природа релевантна природе аномии – неустойчивости и недостаточной крепости связей, их ценностной и духовной «пропитки». Аномия соединяет в социокультурном несочетаемое, бинарные конструкции, например «парадок-

сальное сочетание самого разного знания и незнания» [9, с. 8], становясь, по сути, типическим состоянием общественной системы. Соответственно, это специфицирует и социальное звучание нашего предмета.

3. Важным параметром глобального порядка, конструирующим место человека в социальной среде и отношения с ней, является неравенство, а также связанные с ним материальная незащищенность, бедность. «Недостаток финансовых средств ведет к снижению социальной активности человека, ограничивает число контактов с другими людьми, возможности общения» [6, с. 61]. В свою очередь, это играет большую роль в развитии тенденций разобщенности, отчуждения, индивидуализма [6; 21], которые, как было показано выше, аффилированы с социальными основаниями одиночества. Эмпирическое подтверждение этой связи можно увидеть в данных исследования П. М. Козыревой и А. И. Смирнова: «Свыше половины респондентов старше 70 лет, считающих себя самыми бедными, испытывают чувство одиночества практически всегда или часто, еще 20,7% – редко. Аналогичные результаты у одного из последних исследований Росстата в 2018 г., а именно – наличие корреляции между возрастом, низкими доходами, особенно когда оценка субъективна, и чувством одиночества» [6, с. 62]. Развитие последнего в такой логике представляет собой и своего рода «защиту от городской цивилизации со всеми ее последствиями: усреднением личности, господством конкуренции и т. д.» [23, с. 51], то есть необходимостью подчинения «дегуманизированным», рыночным правилам социальной игры.

4. Инструментальность связей и взаимодействий в плане освоения и потребления пространства города. Так, «сеть различных, пересекающихся между собой, городских практик сформирована множеством способов социального взаимодействия, экономическими и культурными трансформациями, специфическими соединениями повседневных действий, обусловленными реально существующими и виртуальными стратегиями освоения современного городского пространства» [17, с. 13]. Ослабленность социальных связей как важный фактор жизни в современном мире отмечал З. Бауман в своей последней (изданной посмертно) книге «Ретротопия» [28]. О роли связей как наиболее прочного «клея» человеческих отношений очень характерно писал Е. Н. Стариков: «Человеческие связи – это и есть социальность. Рвать их – значит десоциализировать человека. Надо избегать всего, что рвет человеческие связи – ненужных запретов, массовых миграций, принудительных распределений, насильственных выселений, тюремных заключений и т. д. и т. п., – чем мы, к сожалению, на сегодняшний день так богаты. Уже сверхдостаточно наломано и порвано – давно пора наращивать новые связи и восстанавливать утерянные. Как сказал Антуан де Сент-Экзюпери – “ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком”...» [25, с. 202–203].

Методика исследования

Исходя из сказанного, основной исследовательский вопрос данной статьи – насколько социально обусловленным является одиночество в городе и можно ли наметить его социальные контуры? Проблемная ситуация актуализируется в контексте влияния на предмет исследования описанных выше феноменов современного сложного социума, а также «исходя из понимания бесконечной и своеобразной энтропии современного города и городского метанарратива» [17, с. 17].

Реализованное качественное исследование представлено серией фокусированных полуструктурированных интервью и построено по принципу критериального отбора респондентов. Объем панели – 25 человек. Методически реализация исследовательской цели планировалась через выделение и описание объектных нарративов с использованием принципа насыщения. Продолжительность каждого интервью составила примерно 25–30 минут; нарративные данные в ходе исследования собирались до возникновения устойчивого эффекта повтора вербальных конструкций ответов, т. е. до достижения «порога насыщения». Ответы были получены от жителей больших городов (двух территориальных кластеров – дальневосточных городов – столиц субъектов РФ (Хабаровск и Владивосток)), на момент опроса постоянно проживающих в городе.

Критериально выборка построена по следующим формальным статусным признакам:

- работающие/учащиеся обоих полов. Объясняется исследовательской потребностью по возможности «выключить» из исследования влияние фактора маргинальности, неустроенности, разочарованности – хотя бы в его формальном проявлении;

- на момент опроса проживающие в городе не менее 3 последних лет (с тем, чтобы не принимать во внимание возможные угнетенные состояния, связанные с миграцией, и способные исказить текущее восприятие);

- возраст не ниже 20 и не выше 60 лет. Этот фильтр детерминирован необходимостью проявления представителями этой группы большей жизненной и социально-экономической активности, личного и творческого поиска; суммарной более высокой мобильностью в социуме (по сравнению с более юными и старшими возрастными когортами). Указанные критерии призваны «отфильтровать» тех участников, у которых в текущий момент времени имеются большие возможности социально-профессиональной активности и самореализации; соответственно, нарративные материалы, представленные в результатах, получены от этой группы горожан. Также была проведена сегментация по полу (в выборку были включены 11 мужчин и 13 женщин) и возрасту: 5 чел. – 20–25 лет; 6 чел. – 25–35 лет; 5 чел. – 35–45 лет; 5 чел. – 45–55 лет; 4 чел. – 55–60 лет.

Структурные блоки гайда: наличие и типичность ощущения одиночества; субъективная оценка влияния города и/или городского образа жизни на самочувствие и его качество; индивидуальные ассоциативные связи

одиночества (семантические единицы); отношение к одинокому (сингулярному) образу жизни в городских условиях. В работе с данными использовался метод контент-анализа с установлением частоты единиц контента; семантическая оценка единиц контента; построение синонимического ряда контент-единиц; интерпретативная работа с ассоциациями.

Использование нарративного принципа «предполагает, что описание жизненного опыта происходит на основе нарративных структур, сформированных в обществе» [4, с. 305]; нарративный же анализ подразумевает «описание феномена в контексте его существования» [22, с. 64]. Операцией, позволяющей увидеть и отметить некоторые смысловые ориентиры, выделить их из более разнообразной нарративной информации, является метафора. Е. Г. Власова отмечает, что базовая метафора – это дискурсивная операция, связанная с определением нового явления посредством частичного сходства, или аналогии, что, в свою очередь, обеспечивает точку зрения для объяснения явлений и событий [4]. Таким образом, нарративная метафоричность – это свойство вербальных конструкций «высвечивать» ключевые семантические и смысловые точки исследуемого предмета. В нашем случае вербальные конструкции были получены в ходе использования метода интервьюирования.

Результаты исследования

1. Два равных по выраженности тренда в ответах, – первый, признание релевантности одиночества как переживания/состояния респондентов, испытываемого либо часто, либо время от времени. Второй – противоположный и менее выраженный – отрицание у себя этого переживания как такового.

Примечательно, что представители самой молодой подгруппы отметили, что испытывают одиночество часто или периодически, соотнося его в большей степени с непониманием, некоторой личной отчужденностью, наличием сложностей в общении с близкими и друзьями. Субъективно молодые респонденты ощущают его наиболее тяжело, то есть с наибольшей степенью сенситивного дискомфорта (по предложенной измерительной шкале). Суждения типа: «Мне кажется, я могу остаться одна на всю жизнь»; «Одиночество – вообще страшное чувство»; «Это очень плохо. Я сильно переживал одиночество, и помню, как мне было плохо», ассоциативно репрезентируют его со страхом и внутренней болью. Выделены метафоры «одиночество-боль» и «одиночество-страх». Отметим также, что для респондентов старше 45 лет характерна более частая и острая его репрезентация. Аналогичный результат представлен в работе П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, которые отмечают, что «проблема одиночества обостряется после 40 лет» [6, с. 59], объясняя этот момент в своем исследовании.

2. Затруднение при оценке качества самого переживания. Контент в частотном распределении представлен в большей степени угнетенными состояниями: «грусть-печаль», «дискомфорт», «тяжесть», «когда

ничего не радует», «чувство бессилия», «меланхолия», «пессимистическое настроение», «грустное, но романтическое настроение». В целом, выделяется преобладание проблемного переживания, с трансляцией его негативного смысла.

«Несмотря на то, что вокруг меня всегда много людей, я очень часто чувствую свое одиночество. Живу в этом городе (Владивосток) уже более 10 лет. Могу сказать, что в первые годы это было редко. Тогда я учился в университете, только начал взрослую жизнь в большом городе... Иногда чувствую нехватку какого-то человеческого тепла» (м., 28 лет, сотрудник банка).

«Да, одиночество – мое почти постоянное ощущение. Это странно, потому что мы живем в большом городе. Для меня одиночество – это ... напряжение. Психологическое... Все время надо быть в “корпоративной маске”. Корпоративная этика... Я провожу на работе почти весь день, и практически все время надо “держаться лицо”. Мало остается времени побыть самой собой...» (ж., 36 лет, администратор торговой компании).

«Моя работа на 90% связана с людьми. Поэтому очень важен внешний вид. Надо выглядеть “как нужно”». Не могу сказать, что одиночество – моя проблема, но иногда бывает как-то грустно. Столько людей проходит за день, но всем нам, по сути, наплевать друг на друга...» (ж., 30 лет, менеджер-консультант торгово-выставочного зала).

3. Выделяется семантика традиционной связки «городская среда – внутреннее состояние человека»: формальность и интенсивность коммуникаций, высокое статусно-ролевое напряжение. Рамки повседневности упорядочивают индивидуальные практики, конструируют их по заданным правилам. Множественность контактов, дефицит личного времени, «подминание» работой прочих сфер жизнедеятельности, высокий темп жизни – все контекстуальные детерминанты, образующие проблемную нарративную репрезентацию. Заметим и то, что ее содержание не показывает как такового дефицита общения или ограниченности контактов.

По нарративному смыслу одиночество предстает здесь как неспособность (или субъективное восприятие такой неспособности) вписаться в реалии и получить удовлетворение (как минимум) и удовольствие (как максимум) от социального членства. Одна из женщин-респондентов рассказала случай: когда она находилась в очереди в банке, ее пыталась вызвать на разговор сидевшая рядом клиентка. Во время этой мимолетной беседы та обмолвилась, что вот в таких ни к чему не обязывающих ситуациях общения «приглушается» одиночество. *«Сыну-подростку неинтересно со мной, – у него своя жизнь. На работе – это не то; а когда вот так поболтаешь немного с человеком – видишь, что у всех есть трудности, не только у меня. И вроде уже не так одиноко...» (ж., 52 года, сотрудница службы клининга).*

Отмеченные респондентами неустойчивость или неустроенность социально-трудового положения и связываемая с этим неуверенность в будущем «нащупывают» сопряженность нашего предмета с прекариатностью и маргинальностью. *«Как-то беспокойно, неуверенно себя чувствую, ловлю себя на этом. Вдруг – потеряю работу, вдруг – заболелю надолго – и на что тогда жить, лечиться, все дорожает постоянно. Я без договора работаю, хоть и на хорошем счету, – а страшно, и вот реально одиноко от этого бывает»* (ж., 38 лет, консультант). *«Фриланс – это, прежде всего, free, свобода. Но, как и за все, за нее надо платить. Я плачу да, тем, что пашу, как конь, сплю по 4–5 часов в сутки. Случись что – ипотеку мою платить будет некому. Иногда кажется, что весь мир против тебя. Ты один – и борешься за выживание, за “бабки”...»* (м., 35 лет, фрилансер). *«У меня, в общем, стабильная работа... Но прямо уверенным свое положение назвать не могу. Скорее я не уверена в будущем, в благополучии – смогу ли я его и дальше обеспечивать – жизнь так беспокойна. По большому счету ведь каждый сам за себя. Одиноко бывает на фоне этого»* (ж., 40 лет, риэлтор, работает без оформления трудового договора).

Кажущееся внешнее благополучие множества других как способное усугублять переживание одиночества – еще один контент-фактор, выделенный из ответов. *«У всех все хорошо, все куда-то бегут, знают куда, и чего хотят знают... А я как будто «не в теме» – часто вообще не знаю, что делать... Вот тогда одиноко... И тяжело»* (ж., 42 года, сотрудница рекламного агентства). *«Уже довольно долго я не могу найти работу по специальности. Это при том, что я вижу, много таких как я – в таком же положении. Грустно от этого, никому мы не нужны. Выучились и барахтайся, как хочешь. Как повезет – в городе вроде и много всего... А “поймать” свое трудно... Наверно, для меня – одиночество – это неустроенность. Чувство, когда ты никак не можешь занять нужное место. Какая-то ненужность... И вроде знаешь его и где искать знаешь, а не получается»* (ж., 27 лет, безработная). Контекст маргинальности, выделяемый из данной реплики респондента, по своей выраженности и представленному характеру показывает способность отягощать ситуацию «самоотчужденности-неустроенности». Вообще, маргинальность городского пространства как свойство последнего «размывать» и обесценивать индивидуально-топологические связи и идентичности, вероятно, способно развивать отчуждение и в иных плоскостях отношений – например, деформировать субъективное «право на город», нивелировать социальную активность и оптимизм.

4. Самоотчужденность предстает здесь как форма вынужденного неучастия в значимых социальных практиках и последующее отношение к происходящему как чему-то чуждому, хотя мы делим одно пространство и де-юре обладаем равными возможностями. Эта отстраненность дает ощущаемое субъектом равнодушие среды к подобному положению дел. Соответственно, данная форма отчужденности и равнодушия – выделяемая семантическая коннотация. В таком их понимании они укладываются в го-

родскую «диалектику гибкости и безразличия» [24]; тому, что «люди подвержены “нео-отчуждению”, субъективно испытывают на себе то, что мир «мертв и глух» к их проблемам» [8].

«Человек сильно чувствует свое одиночество в городе. Мой любимый сериал “Секс в большом городе” об этом. “Толкучка”, суета отнимают много сил... Это безразличие... Ты на самом деле безразличен этой толпе. Да и мне она безразлична. Мне нужна эта городская суета, я городской житель, но жить в городе нелегко» (ж., 46 лет, фрилансер).

«Не могу сказать, что чувствую одиночество часто. Но когда вижу в транспорте или на улице как люди целиком уходят в телефоны... Какое-то беспокойство, что ли... Как будто каждый только в своем мире живет. А что вокруг – вообще все равно. Иногда это тревожно, как будто ты совсем один... Никому нет до тебя дела» (ж., 21 год, студентка).

«Последнее время очень устаю на работе. Общение однотипное... Я заранее знаю, что мне скажут в ответ на мой вопрос, и что нужно дальше сказать мне. Меня можно было бы записать на диктофон – треть рабочего времени точно сэкономили бы...» (м., 38 лет, офис-менеджер).

5. Отметим элементы прагматичного восприятия одинокого (сингулярного) образа жизни. Последний в работе Э. Кляйненберга «Жизнь соло» [5] представлен следствием изменений конфигурации городских пространств, расширением индивидуальных возможностей риска, эксперимента, независимости как ценности с обновленным перечнем бытийных смыслов. Практика одинокого образа жизни в городе предстает как более выгодная экономически, позволяющая сохранять высокую меру личной мобильности и наращивать ее под собственные цели, а также ограничивать личную ответственность (за партнера, за качество отношений с ним). В этом смысле одинокий образ жизни работает как средство психологической страховки от нежелательных эмоций, как способ защиты личного пространства, которое ценно. Таким образом, полученные данные схожи с выводами исследования, которое реализовали А. Родригес-Позе и К. Бурлина [29].

В практике сингулярного образа жизни также имеются очевидные психологические преимущества в виде метафоры свободы – от личных обязательств (характерно для респондентов молодого возраста), ответственности и рисков, связанных с ними. Тем не менее интегральный нарративный тренд выражается в неполезности и неправильности его затягивания. Это проявляется через такие вербальные оценки, как: «Длительное его состояние нехорошо»; «Так быть не должно»; «Люди начинают жить не тем, чем нужно». Последний при уточнении дальнейшего смысла формулируется как деформация привычных семейных ценностей и последующая ориентация на нетрадиционные и неполезные в оценках респондентов практики – чрезмерную увлеченность работой, различными развлечениями и увлечениями, а также рисками злоупотребления алкоголем. Таким

образом, нарратив сингулярного образа жизни до определенной временной черты предстает полезным. Это своего рода ресурс, повышающий шансы на успешность и личностное развитие, также говорит об актуальном ценностном статусе свободы и персональной мобильности. При затягивании его практики – оценочно сопрягается с девиантными рисками.

Помимо этого, сингулярный образ жизни в нарративах горожан дальневосточников способен явиться катализатором трудовой и профессиональной активности и, как следствие, индивидуальной мобильности. Прагматическое его восприятие, сформулированное нашими респондентами, является созвучным данным, которые приводят в своих работах К. Снелл [31], А. Родригес-Позе и К. Бурлина [29]. В таком понимании он также обретает некоторые очертания социального лифта. *«Да, я одинок и одиночка – у меня пока нет своей семьи. Зато я могу сосредоточиться на работе и отдавать ей свое время, если вижу, что оно того стоит. В плане карьеры – мой одинокий образ жизни – явный плюс»* (м., 28 лет, сотрудник банка). *«Я умею сосредоточиться на деле, если это нужно. После развода я сильно переживала, но потом с головой ушла в работу, и сейчас есть реальные шансы на повышение. Учитывая, какие расходы в городе – а у меня еще ипотека – это для меня сейчас самое важное. Так что мое одиночество сейчас для меня даже полезно, надеюсь и квартиру я скоро выкуплю»* (ж., 34 года, сотрудница социальной сферы). *«Я чувствую одиночество, и довольно часто. Но, в принципе, я довольна своей жизнью, хотя времени реально не хватает. Наверно, потому и бывает одиноко – что не успеваешь, что нужно бы. Иногда и подумать толком нет то времени, то сил... Нужно многое успеть, пока не связана семьей»* (ж., 25 лет, госслужащая).

Выводы

На основании проведенного теоретического анализа и полученных в ходе полевого исследования данных мы полагаем возможным обобщенно выделить два нарративных тренда к пониманию одиночества и практики сингулярного образа жизни. Сущность первого – в собственно проблемном статусе этого переживания, его тяжести, рисках психологических расстройств (депрессии, апатии, пессимизме) и девиаций. Является характерным для вынужденного одиночества.

Второй – условно ресурсный – нарратив показывает сингулярный образ жизни как источник дополнительных возможностей при разумном «использовании» и относительно недолгой практике. Это, в свою очередь, подразумевает наращивание личной и социальной активности и мобильности, а также показывает актуальность личной свободы и независимости как инструментальной ценности. Этот нарратив релевантен части данных исследований, приведенных выше.

Сингулярный образ жизни в оценках дальневосточных горожан сопряжен с:

- психологической деструктивностью при его затягивании (многолетней практике – как вынужденной, так и добровольной);
- определенной экономической целесообразностью и психологической комфортностью;
- сознательным выбором в пользу временно одинокого образа жизни по индивидуалистическим мотивам.

Представлены определенные семантические корреляции. В выделенных нарративах смысловые и перцептивные грани одиночества сопряжены с¹:

- общей нестабильностью жизни. Нарративный тренд – неуверенность в текущих обстоятельствах и беспокойство за завтрашний день: «каждый бьется в одиночку» (по словам респондентов); что рассчитывать на взаимную помощь в ее широком понимании не приходится. Полученные данные обнаруживают субъективно выраженный низкий уровень социального капитала респондентов. Полагаем корректным репрезентировать это как один из социальных факторов одиночества – в формате «вынужденной отчужденности», неуверенности в будущем, его благополучии. Проведенный анализ дает основания позиционировать одиночество в городе как феномен, имеющий факторную социальную обусловленность;

- ощущением «тяжести равнодушия» города. Городской контекст показан упоминанием многочисленности и даже избыточности его социально-пространственных субъектов и объектов – людях, связях, ролях, нагрузке;

- нехваткой свободного времени на реализацию личных желаний и потребностей, высокой профессионально-ролевой нагрузкой;

- необходимостью увеличения заработка, профессиональным ростом; как следствие, большими индивидуальными усилиями, постоянным поиском новых возможностей, ростом психологического и психического напряжения;

- «давлением» большого количества людей (масса-декорум). Ключевая нарративная метафора – «одиночество в толпе».

Есть эмпирические основания отметить также инструментальный смысл выбора сингулярного образа жизни – его способность сработать на прагматические цели субъекта. Здесь отмечены также его функциональность и рациональность при условии «незатягивания» – тогда его практика в представлениях респондентов вполне вписывается и в субъективную картину благополучия, не противоречит ей. Четкие временные/возрастные рамки, за которыми полезность переходит в деструктивность, не установлены.

Поскольку современный город имеет высокую значимость как жизненное пространство огромного количества людей, очень важным видятся его исследования в контексте «жизненного мира»²; продолжение перехода

¹ По итогам подсчета семантических единиц – начиная с наиболее частой и далее в порядке частотного убывания.

² Термин введен выдающимся мыслителем Э. Гуссерлем (1859–1938); в социологии его применяли А. Шюц, Ю. Хабермас.

от функционального, практического восприятия городского пространства к феноменологическому дискурсу. Авторы, работающие в «городском» предметном поле, практически единодушно отмечают необходимость гуманизировать развитие городского пространства с тем, чтобы обеспечить человеку более спокойное и гармоничное существование и самоощущение в условиях онога. Фактически это означает продолжение поиска форм и условий жизненного социального оптимума в многофакторных и динамичных условиях «сложного» общества. Собственно, этим объясняется целесообразность работы по изучению феноменов одиночества, маргинальности, девиантных практик и рисков, субъективного благополучия в контексте их развития в логике городского пространства. В дальнейшей работе перспективными и интересными автору видятся исследования феномена одиночества в контексте темы городских идентичностей; о предметном соотношении социального доверия и его роли в укреплении межгрупповых и коллективных связей и отношений. Очевидна необходимость развития междисциплинарных дискурсов одиночества как феномена, способного «подпитываться» социальным влиянием и энергией города.

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3-4 (34). С. 1–25.
2. Берзин Б. Ю., Кузьмин А. И., Пышминцева О. А. Траектории воспроизводства институтов социальной изоляции отдельных групп населения в регионах России // Экономика региона. 2015. № 3. С. 123–133.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Рипол-Классик, 2017. 320 с.
4. Власова Е. Г. Я-нарративы и конструирование городской идентичности в урбанистически ориентированных медиа // Медиалингвистика. 2019. № 6 (3). С. 303–314. DOI: 10.21638/srbu22.2019.302.
5. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 279 с.
6. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 56–69. DOI: 10.31857/S013216250009617-1.
7. Костко Н. А. Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1 (25). С. 190–216. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
8. Кравченко С. А. Новации в социологическом знании: по итогам XIII конференции ЕСА // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24. DOI: 10.7868/S0132162518020034.
9. Кравченко С. А. «Нормальная» аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

10. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? / Ред.-сост. И. Фурман. М.: Стрелка-Пресс, 2017. 216 с.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
12. Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 491 с.
13. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. № 2 (3). С. 19–26.
14. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
15. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 408 с.
16. Мареева С. В. Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664.
17. Николаева Ж. В., Троицкая А. А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 1 (17). С. 11–28. DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10001.
18. Парк Р., Баньковская С. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12. URL: <https://jsps.hse.ru/index.php/sociologica/article/view/586> (дата обращения: 12.06.2022).
19. Пирни А. Отчуждение, транзитивность и признание: нормативные архетипы для пересечения городских социальных пространств // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 1 (17). С. 29–39. DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10002.
20. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества. М.: Логос, 2008. 408 с.
21. Пузанова Ж. В. Социологическое исследование одиночества: проблема построения концептуальной модели // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2009. № 2. С. 42–46.
22. Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? Социология: 4М. 2003. № 17. С. 56–82.
23. Пузанова Ж. В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2003. № 4-5. С. 47–58.
24. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.
25. Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М.: Мысль, 1989. С. 180–203.
26. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 480 с.
27. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. 440 с.
28. Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

29. Burlina C., Rodríguez-Pose A. Alone and Lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe // *Environment and Planning A: Economy and Space*. April 2023. DOI: 10.1177/0308518X231169286.

30. Ortiz-Ospina E. The rise of living alone: how one-person households are becoming increasingly common around the world // *Our World in data*. December 2019. URL: <https://ourworldindata.org/living-alone> (дата обращения: 25.08.2022).

31. Snell K. The rise of living alone and loneliness in history // *Social History*. 2017. Vol. 42. Iss. 1. P. 2–28. DOI: 10.1080/03071022.2017.1256093.

Получено редакцией: 01.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Панфилова Анна Олеговна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11

The Problem of Loneliness in the Urban Environment: Experience of Cities in the Russian Far East

Anna O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: anna_pl@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6156-828X

For citation: Panfilova A. O. The problem of loneliness in the urban environment: experience of cities in the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 191–211. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.11; EDN: GIOUZX

Abstract. The article deals with the phenomenon of human loneliness in the city. The ever-increasing role of the city as a living space causes changes both in the way of life of a person and in his inner world. Loneliness, being at all times an immanent companion of being, is also distinguished by specific features in modern social realities. Their formation was influenced by dynamic social factors and agents. The purpose of the article is to outline the social contour of urban loneliness by analysing relevant theoretical, methodological and empirical data.

The methodology for researching the issue was determined by the urban discourse in sociology (G. Simmel, R. Park, A. Lefebvre); social concepts of loneliness (N. Pokrovsky, Zh. Puzanova, E. Klinenberg); the concept of a modern complex society (Z. Bauman, S. Kravchenko), as well as elements of the socio-spatial approach. The empirical basis of the research is represented by a series of semi-formalised focused interviews with respondents – residents of large cities of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation using the narrative principle of data processing, as well as elements of content analysis.

The results of the study are presented by empirically identified narratives of loneliness, the interpretation of their social context. The grounds for the analysis of loneliness as a phenomenon receiving additional development in the conditions of multidirectional and non-linear processes of urban life are noted. A factor social role in this process is played by the diversity and differentiation of public life, social anomie and individualisation of life practices, the crisis of the institution of trust as a value of collective interactions, and the ongoing “atomisation” of households. Also of major importance are the fundamental shifts in the mass consciousness, that led to the perception of a voluntary solitary lifestyle as beneficial and valuable. The social contours of loneliness are affiliated with the intensity of the urban lifestyle, individualism, and uncertainty about the future.

The author formulates a conclusion about the low level of social capital of respondents as one of the significant factors of loneliness, as well as about the resource nature of the city in the development of loneliness as a personal experience, and in the practice of a lonely lifestyle.

Keywords: loneliness, urban loneliness, city, city space, urbanisation, globalisation, anomie, social trust, lonely (singular) lifestyle

References

1. Amin Je., Trift N. Vnyatnost' povsednevnogo goroda [The visibility of the everyday city]. *Logos*, 2002: 3-4 (34): 1–25 (in Russ.).
2. Berzin B. Ju., Kuz'min A. I., Pyshminceva O. A. The reproduction trajectories of institutions of social isolation of individual population groups in the regions of Russia. *Ekonomika regiona*, 2015: 3: 123–133 (in Russ.). DOI: 10.17059/2015-3-11.
3. Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow, Rapol-Klassik, 2017: 320 (in Russ.).
4. Vlasova E. G. Self-narrative and urban identity construction in the urban-oriented media. *Medialinguvistika*, 2019: 6(3): 303–314 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu22.2019.302.
5. Kljajnenberg Je. A solo life. New social reality. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2014: 279 (in Russ.).
6. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Loneliness: age features. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 56–69 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009617-1.
7. Kostko N. A. Indicators of urban identity as an element of the city's social space. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2022: 25 (1): 190–216 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.7.
8. Kravchenko S. A. Innovations in Sociological Knowledge: following the results of the XIII conference ECA. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 2: 18–24 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518020034.
9. Kravchenko S. A. «Normal'naya» anomiya: kontury kontseptsii ["Normal" anomie: the contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 8: 3–10 (in Russ.).
10. Kurennoj V. A. The power of weak connections. Citizen and the right to loneliness. In *Citizen: what do we know about a resident of a big city?* Moscow, 2017: 216 (in Russ.).
11. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor Network-Theory. Transl. from Eng. by I. Polonskaya. Moscow, VSHE, 2014: 384 (in Russ.).
12. Lebedev V. I. Psihologiya i psihopatologiya odinochestva i gruppovoj izolyacii [Psychology and psychopathology of loneliness and group isolation]. Moscow, Unity-Dana, 2002: 408 (in Russ.).
13. Lefevr A. Ideas for the concept of new urbanism. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2002: 2(3): 19–26 (in Russ.).
14. Lefevr A. Space production. Transl. from Fr. I. Staf. Moscow, Strelka Press, 2015: 432 (in Russ.).
15. Mamford L. The myth of the machine. Technics and Human Development. Transl. from Eng. by T. Azarkovich, B. Skuratov (1 chapter). Moscow, Logos, 2001: 408 (in Russ.).
16. Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 3: 78–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664.
17. Nikolaeva Zh. V., Troitskaya A. A. Discourse on identity as a way of understanding urban space. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2020: 1(17): 11–28 (in Russ.). DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10001.
18. Park R., Bankovskaya S. City as a social laboratory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 2002: 2: (3): 3-12 (in Russ.).
19. Pirni A. Exclusion, transition, and recognition: normative archetypes for crossing urban social spaces. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2020: 1 (17): 29–39 (in Russ.). DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10002.
20. Pokrovsky N. E., Ivanchenko G. V. Universum odinochestva [Universum of Loneliness]. Moscow, Logos, 2008: 408 (in Russ.).
21. Puzanova Zh. V. Sociological study of loneliness: the problem of conceptual model development. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2009: 2: 42–46 (in Russ.).
22. Puzanova Zh. V., Trotsuk I. V. Narrative analysis: concept or metaphor? *Sotsiologiya: 4M*, 2003: 17: 56–82 (in Russ.).
23. Puzanova Zh. V. Philosophy of loneliness and loneliness of the philosopher. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2003: 4-5: 47–58 (in Russ.).
24. Sennet R. Capitalism in a big city: globalization, flexibility and indifference. *Logos*, 2008: 3 (66): 95–107 (in Russ.).

25. Starikov E. N. Marginals. In: In the human dimension. Moscow, Mysl, 1989. 180–203 (in Russ.).
26. Fukuyama F. The Great Disruption. Moscow, AST, 2003. 474 (in Russ.).
27. Shtompka P. Trust is the foundation of society. Moscow, 2016. 440 (in Russ.).
28. Bauman Z. Retrotopia. Trans. from Eng. by V. L. Silayeva. Moscow, VTSIOM, 2017: 160 (in Russ.).
29. Burlina C., Rodríguez-Pose A. Alone and Lonely. The economic cost of solitude for regions in Europe. *Environment and Planning A: Economy and Space*. April 2023. DOI: 10.1177/0308518X231169286.
30. Ortiz-Ospina E. The rise of living alone: how one-person households are becoming increasingly common around the world. *Our World in data*. December 2019. Accessed 09.07.2022. URL: <https://ourworldindata.org/living-alone>
31. Snell K. The rise of living alone and loneliness in history. *Social History*, 2017: 42 (1): 2–28. DOI: 10.1080/03071022.2017.1256093.

The article was submitted on September 01, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna O. Panfilova, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University

Трибуна молодого ученого

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.12
EDN: XVQAMD

Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей (EVS)

Ссылка для цитирования: Гречаная А. А. Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей (EVS) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 212–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.12; EDN: XVQAMD
For citation: Grechanaya A. A. Perceptions of russians and europeans about gender roles in the context of the problem of gender inequality: a comparative analysis on the data of the European values study (EVS). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 212–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.12; EDN: XVQAMD

Гречаная Анна Александровна¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

njuta-gel@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 1120589

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства в европейских странах на данных международного социологического исследования European Values Study. Несмотря на произошедшие в мире за последние полвека изменения в основных сферах жизни общества, неравенство между мужчинами и женщинами все еще является частью глобального социального неравенства и остается важной проблемой современного мира. Достижение гендерного равенства в современном мире признается приоритетной общемировой задачей. Целью статьи было сравнить представления мужчин и женщин о гендерных ролях в России и Европе и выявить влияние факторов, воздействующих на эти представления. В работе рассматривается взаимосвязь между представлениями респондентов о гендерных ролях и гендерным неравенством с точки зрения полоролевого подхода, выделяется взаимосвязь между этими представлениями и уровнем гендерного неравенства в различных европейских странах, уточняются факторы, влияющие на уровень патриархальности/эгалитарности представлений респондентов о гендерных ролях. Также систематизированы результаты основных международных исследований гендерного неравенства, описаны результаты основных современных социологических исследований представлений о гендерных ролях. Автор делает акцент на социологическом изучении данной проблемы, а также на количественном анализе данных. Исследование показало, что в большинстве европейских стран уровень гендерного неравенства совпадает с уровнем патриархальности представлений о гендерных

ролях; женщины в целом имеют более эгалитарные представления о гендерных ролях, чем мужчины; высшее образование, оплачиваемая работа, высокий уровень квалификации и доходов повышают вероятность эгалитарных представлений о гендерных ролях; высокий уровень воцерковленности, наличие детей и зарегистрированного брака повышают вероятность патриархальных представлений о гендерных ролях.

Ключевые слова: гендер, гендерное равенство, гендерные роли, полоролевой подход, эгалитарные представления, патриархальные представления, мужчины, женщины, EVS, межстрановое сравнение

Введение

Социологи, как зарубежные, так и отечественные, уже во второй половине XX в. указывали на кризис традиционной системы взаимоотношений полов и прогнозировали отказ от патриархального разделения ролей мужчин и женщин в частной и публичной сферах [4, с. 773; 35].

Однако, несмотря на произошедшие в мире за последние полвека изменения в основных сферах общества (изменения способов производства и развитие сферы услуг, политические реформы, усиление глобализации и цифровизации, трансформация культурных ценностей и норм) и связанные с ними прогнозируемые изменения в гендерных отношениях, неравенство между мужчинами и женщинами все еще является частью глобального социального неравенства и остается важной проблемой современного мира. Экспертами МОТ, ПРООН, ВЭФ, ОЭСР и Всемирного банка отмечается, что гендерное неравенство является международной проблемой и препятствием на пути человеческого развития и экономического роста. Ущерб от гендерного неравенства для общемировой экономики оценивается экспертами из ОЭСР в 6 триллионов долларов (7,5% от мирового ВВП). В ежегодном отчете «Gender Gap Index» от ВЭФ сообщается о том, что для преодоления глобального гендерного разрыва понадобится еще 100 лет, по данным МОТ, для достижения справедливости в оплате труда в мире понадобится еще как минимум 65 лет, а исследователи ПРООН в отчете 2020 г., оценив последствия пандемии COVID-19, сделали вывод, что для устранения гендерного разрыва в экономических возможностях человечеству необходимо 257 лет (на 55 лет больше по сравнению с прогнозом 2019 г.).

В самом общем виде гендерное неравенство может определяться как различия между мужчинами и женщинами в их правах, обязанностях, положении в обществе, образовательных и политических возможностях, а также в доступе к экономическим ресурсам [41]. Это связано с устоявшимися в обществе ролями для мужчин и женщин, которые включают в себя различные социальные атрибуты и функции, предписывающиеся мужчинам и женщинам, а также обуславливают взаимодействия между полами. Формирование гендерных ролей зависит от исторического и культурного контекста каждого конкретного общества, они изменяются с течением времени и усваиваются индивидами в процессе социализации [12; 33; 38].

Как отмечают исследователи МОТ, ПРООН, ВОЗ и ОЭСР, патриархальные представления о гендерных ролях, а также соответствующее им поведение играют важную роль в воспроизводстве гендерного неравенства. Такие представления ограничивают участие женщин на рынке труда, так как представления о том, что женщина должна брать на себя все домашние обязанности и заботиться о детях и стариках, часто оказываются препятствием для карьеры женщин. Патриархальное разделение гендерных ролей ограничивает доступ женщин к ресурсам, в том числе и продовольственным, что негативно отражается на здоровье женщин и их детей. О влиянии патриархальных представлений на воспроизводство гендерного неравенства писали Р. Инглхарт [26], Н. Смелзер [35], Дж. Е. Уильямс и Д. Бест [2] и др. Такие представления формируют властные отношения между мужчинами и женщинами и становятся причиной профессиональной сегрегации, высокой степени гендерного насилия и разрыва в оплате труда, не связанного с квалификацией работника. Решение многих проблем, связанных с гендерным неравенством, во многом зависит от изменения представлений о гендерных ролях.

В России, как и во всем мире, остро стоит проблема гендерного неравенства. Анализ результатов международных исследований¹ за 2018–2020 гг. («Global Gender Gap», «Global Wage Report», «Human Development Report», «Social Institutions and Gender Index») показывает, что на практике принципы равенства не всегда соблюдаются. Гендерное неравенство в России сконцентрировано в экономической, политической и семейной сферах (разрыв в оплате труда [5], недопредставленность женщин на рынке труда и на высших управленческих должностях в бизнесе и в политике [42], декриминализация насилия в семье [6], неравное распределение домашних обязанностей² и др.). При этом в статье 19 Конституции РФ указано, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». А также законодательная база РФ запрещает дискриминацию в том числе по признаку пола: в трудовой сфере дискриминация запрещена статьей 3 и статьей 64 ТК РФ, Семейный кодекс устанавливает равенство прав супругов (ст. 1, ст. 31, ст. 61–66), Гражданский кодекс гарантирует равенство прав и свобод в сферах гражданства, наследования, владения имуществом, политического и экономического участия и т. д., а уголовный кодекс (ст. 136) и кодекс об административных правонарушениях (ст. 5.62) определяют дискриминацию как нарушение прав и свобод и устанавливают наказание в виде штрафа или лишения свободы. Таким образом, в связи с тем, что с законодательной стороны барьеров для равенства мужчин и женщин в нашей стране нет, можно полагать, что в России гендерное неравенство объясняется укоренившимися патриархальными представлениями о гендерных ролях мужчин и женщин.

¹ Результаты зарубежных исследований могут интерпретироваться с осторожностью в связи с изменением гендерной повестки на Западе.

² Анализ данных РМЭЗ показал, что российские женщины больше времени тратят на готовку, уборку, уход за детьми и т. д., а продолжительность их рабочей недели меньше.

Проблема данного исследования заключается в том, что, несмотря на декларируемое в законодательстве РФ равенство между мужчинами и женщинами, принципы гендерного равенства не всегда соблюдаются и в стране остаются нерешенными проблемы, связанные с неравными возможностями мужчин и женщин: должностная и отраслевая гендерная асимметрия на рынке труда, неравная заработная плата мужчин и женщин¹, недопредставленность женщин в политике, неравное распределение домашних обязанностей, распространенность домашнего насилия и др. Неравенство между полами, а также полоролевая дифференциация в семье и на работе могут определяться доминирующими в обществе представлениями о гендерных ролях: более эгалитарные представления повышают вероятность того, что установленное равенство прав и возможностей в законах будет исполняться на практике, в то время как патриархальные, наоборот, снижают. Таким образом, прогресс в достижении гендерного паритета зависит от понимания того, какие представления о гендерных ролях имеет население, и изменения этих представлений. В связи с этим необходимо определить, каковы представления мужчин и женщин о гендерных ролях в России и сравнить представления россиян с представлениями жителей других европейских стран, где уровень гендерного неравенства выше или ниже российского, а также выделить факторы, которые влияют на эти представления.

Изучение гендерных ролей в социологии и современные исследования

В социальных науках изучением гендерных ролей занимались: Т. Парсонс, Р. Инглхарт, Г. Хофстеде, Дж. Хубер, Я. Л. Морено, И. С. Кон, И. С. Клецина и др. Их концепции составили полоролевой подход к изучению гендерного неравенства. Все они имеют общие положения, которые можно сформулировать следующим образом:

1. Гендерные роли являются социально-сконструированными моделями поведения для индивидов [2; 26; 30].
2. Гендерные роли формируются культурой, социальной структурой в процессе исторического развития общества [23; 25; 31].
3. Гендерные роли меняются с течением времени под воздействием глобальных общественных изменений [4; 25; 37].
4. Гендерные роли в том числе определяют отношения между полами [12; 22; 38].
5. Гендерные роли усваиваются в процессе первичной и вторичной социализации под влиянием различных ее агентов [32; 33; 35].

¹ Разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами // Департамент многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/daydzhest_zhenshchiny_v_ekonomike_mart_2021.html (дата обращения: 12.08.2022).

Р. Коннелл описывает четыре основных подхода к объяснению неравенства между полами [16]. Одним из таких подходов является теория половых ролей, которая объединяет в себе различные концепции по изучению гендерных ролей. В широком смысле ролевая теория рассматривает существующие ограничения социальной структуры в сфере стереотипных межличностных ожиданий. Таким образом, данную парадигму можно применить к изучению практически любого типа человеческого поведения, в том числе и гендерных отношений. Помимо описания и обнаружения существующих гендерных ролей, исследования данного направления могут сосредотачиваться на том, что «быть» мужчиной или женщиной означает выполнять определенную роль для конкретного пола («половую роль»). Таким образом, в обществе всегда существуют мужская и женская роли (иногда их называют маскулинной и фемининной). Теория половых ролей позволяет исследователю сконцентрировать свое внимание не на биологических различиях полов, а на том, как различные социальные ожидания обосновывают различия в поведении мужчин и женщин. Наиболее важным для нашей работы представляется то, что с точки зрения теории половых ролей неравное положение мужчин и женщин определяется, главным образом, ролевыми ожиданиями, и основным путем решения данной проблемы будет изменение этих ожиданий [16].

Поскольку нет теории, которая бы предлагала конкретные методы по изучению отношений гендерного неравенства через изучение представлений о гендерных ролях, мы опирались на общие положения теоретиков и совокупный опыт предыдущих исследований. В связи с тем, что гендерные роли формируются в процессе исторического развития каждого конкретного общества, важным представляется межстрановое сравнение представлений о гендерных ролях. В рамках изучения проблемы гендерного неравенства очень важно увидеть, насколько различаются представления о гендерных ролях в странах с разным уровнем гендерного неравенства. Р. Инглхарт уже писал о том, что изменение отношения к гендерным ролям можно рассматривать как необходимое условие для укрепления гендерного равенства [26]. Соответственно мы также поставили для себя задачу выделить факторы, которые могут влиять на изменение представлений о гендерных ролях. В социологических концепциях изучения гендерных ролей теоретики не делают указаний на влияние конкретных факторов, однако большинство писали о том, что гендерные роли усваиваются в процессе социализации под воздействием ее агентов (семья; институты образования, государства, религии; СМИ; группы сверстников) [3; 35; 38].

Отметим, что как среди европейских, так и среди российских исследований тема представлений о гендерных ролях является малоизученной. В России практически отсутствуют исследования, посвященные данной проблеме, а те, что существуют, в основном концентрируются на семейной сфере, осуществляются на маленьких выборках преимущественно среди студенчества. Важным выводом, касающимся как российских, так и европейских исследований, является значение пола респондента: все исследования без исключения показали, что мужчины имеют более патриархаль-

ные представления, чем женщины. Зарубежные исследования в большей степени позволили нам выделить факторы, которые могут влиять на представления о гендерных ролях. Такими факторами стали: культурные нормы и ценности, религиозные традиции, уровень развития общества, представленность женщин на рынке труда и в законодательных органах, социально-культурный статус-кво, ожидания общества, воспитание и социализация, самооценка, образование и статус занятости родителей, раса, национальность, возраст, пол, образование, статус занятости, продолжительность оплачиваемой работы, уровень квалификации, экономическое положение, религиозность, семейное положение, дети.

В настоящее время не существует исследований, позволяющих проверить все выделенные факторы. В рамках используемой базы данных, с опорой на проведенные ранее исследования, нами были подобраны переменные для проверки влияния следующих факторов: пол¹ [8; 10; 17; 19; 26; 36; 40], возраст² [8; 10; 17; 26; 29; 36; 40], образование³ [10; 26; 29; 36], образование родителей⁴ [17; 19], статус занятости⁵ [26; 29], уровень квалификации⁶ [10], доход⁷ [26], религия⁸ [8], частота посещаемости церкви⁹ [26], семейное положение¹⁰ [26; 36], наличие детей¹¹ [26].

Также на основе изученной литературы нами был сформулирован ряд гипотез:

1. Респонденты, исповедующие какую-либо религию и участвующие в религиозных мероприятиях, будут иметь более патриархальные представления о гендерных ролях, чем респонденты, не исповедующие никакую религию.

2. В странах с более высоким уровнем гендерного равенства респонденты будут разделять более эгалитарные представления о гендерных ролях по сравнению со странами с более низким уровнем гендерного равенства.

3. Женщины будут выражать более эгалитарные представления, чем мужчины, во всех странах.

¹ Пол респондента.

² В каком году Вы родились?

³ Какой наивысший уровень образования Вы получили?

⁴ Какой наивысший уровень образования получил Ваш отец?; Какой наивысший уровень образования получила Ваша мать?

⁵ Каково Ваше нынешнее трудовое положение?

⁶ Скажите, пожалуйста, как называется Ваша должность, в которой Вы сейчас работаете (работали на последнем месте работы)?

⁷ Скажите, к какой группе принадлежит Ваша семья по общему доходу всех членов семьи в месяц после вычета всех налогов?

⁸ Исповедуете ли Вы какую-либо религию?

⁹ Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?

¹⁰ Каково Ваше официальное семейное положение в настоящее время?

¹¹ Скажите, пожалуйста, у Вас есть дети?

4. Чем старше респондент, тем более патриархальны его представления о гендерных ролях.
5. Чем выше уровень образования индивида и его родителей, тем более эгалитарными будут представления о гендерных ролях.
6. Респонденты, имеющие детей и состоящие в зарегистрированном браке, имеют более патриархальные представления о гендерных ролях, чем респонденты, не состоящие в браке и не имеющие детей.
7. Чем выше уровень дохода и квалификация респондента, тем более эгалитарны его представления о гендерных ролях.
8. Работающие респонденты будут иметь более эгалитарные представления о гендерных ролях, чем неработающие.

Данные и метод

Для изучения представлений о гендерных ролях была выбрана база данных The European Values Study (EVS). Это исследовательский проект, изучающий социальные представления, установки и ценности граждан европейских стран. Исследование проводится с 1981 г. среди населения старше 18 лет. Отбор респондентов производится исключительно по вероятностной репрезентативной выборке, представления о гендерных ролях анализировались на данных пятой волны (2017–2021 гг.): 59438 респондентов, 34 страны, в России данные собирались в 2017 г.

Для измерения представлений о гендерных ролях были выбраны семь переменных, содержащие в себе утверждения о ролях мужчин и женщин в частной и общественной жизни. Респондентам предлагалось выразить степень своего согласия¹ со следующими утверждениями: (1) когда мать работает на оплачиваемой работе, это плохо сказывается на детях; (2) работа – это хорошо, но в действительности большинство женщин хотели бы заниматься домом и детьми; (3) в конечном счете, когда женщина занята на работе полный рабочий день, это идет в ущерб семейной жизни; (4) зарабатывать деньги – это мужское дело, а женское дело – заниматься домом и семьей; (5) в целом мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины; (6) высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки; (7) в целом мужчины становятся лучшими руководителями предприятий, чем женщины. Степень согласия с переменными отражает уровень патриархальности представлений о гендерных ролях: чем более респондент согласен с приведенными утверждениями, тем более патриархальны его представления.

Для анализа представлений о гендерных ролях и проверки гипотез были выбраны следующие методы статистического анализа:

¹ 4-балльная шкала, где 1 – полностью согласен, 4 – полностью не согласен.

1. Создание индекса из группы переменных, измеряющих представления о гендерных ролях. Позволило построить рейтинг стран в соответствии с уровнем патриархальности или эгалитарности представлений о гендерных ролях и сравнить его с рейтингом гендерного неравенства.

2. Метод мультиномиальной регрессии. Позволил проверить влияние выделенных факторов на представления респондентов о гендерных ролях. Благодаря данному методу можно оценить влияние всех выделенных факторов, поскольку он допускает использовать номинальную переменную в качестве зависимой, а также выбрать в качестве независимых как порядковые, так и номинальные переменные.

Результаты проверки гипотез

Для проверки первой гипотезы о том, что в странах с более высоким уровнем гендерного неравенства население будет иметь более патриархальные представления о гендерных ролях, был составлен индекс из дихотомизированных ранее переменных с утверждениями о гендерных ролях мужчин и женщин при помощи вычисления средних значений по всем переменным. Предварительно был проведен анализ надежности, коэффициент альфа Кронбаха показал высокую степень согласованности между исходными переменными (0,79), что подтверждает адекватность создания индекса. Рейтинг может принимать значения от 0 до 1, где 0 – наиболее патриархальные представления, а 1 – наиболее эгалитарные представления. Таким образом, мы получили рейтинг стран по уровню патриархальности представлений о гендерных ролях среди населения.

Далее мы сравнили полученный рейтинг с рейтингом гендерного неравенства, рассчитанным ВЭФ [41]. Данный рейтинг был выбран исходя из того, что он строился по четырём основным показателям, отражающим отношения между полами в четырех сферах общества: политической, образовательной, экономической и здравоохранительной. Эти показатели наиболее перекликаются с показателями, по которым нами были отмечены значимые различия в представлениях о гендерных ролях между мужчинами и женщинами. Также рейтинг ВЭФ подходит для сравнения, так как включает в себя те же страны, что и база данных EVS. Данные ВЭФ собирались по репрезентативным выборкам и отражают основные свойства генеральной совокупности населения изучаемых стран. Отметим, что данные обоих рейтингов были собраны в 2017 г.

На рисунке 1 наглядно представлены различия в занимаемых местах по двум рассмотренным рейтингам. Рядом с названиями стран указана разница между рангом, занимаемым страной в рейтинге по уровню патриархальности представлений и в рейтинге по уровню гендерного неравенства. Страны выстроены в порядке увеличения этого разрыва.

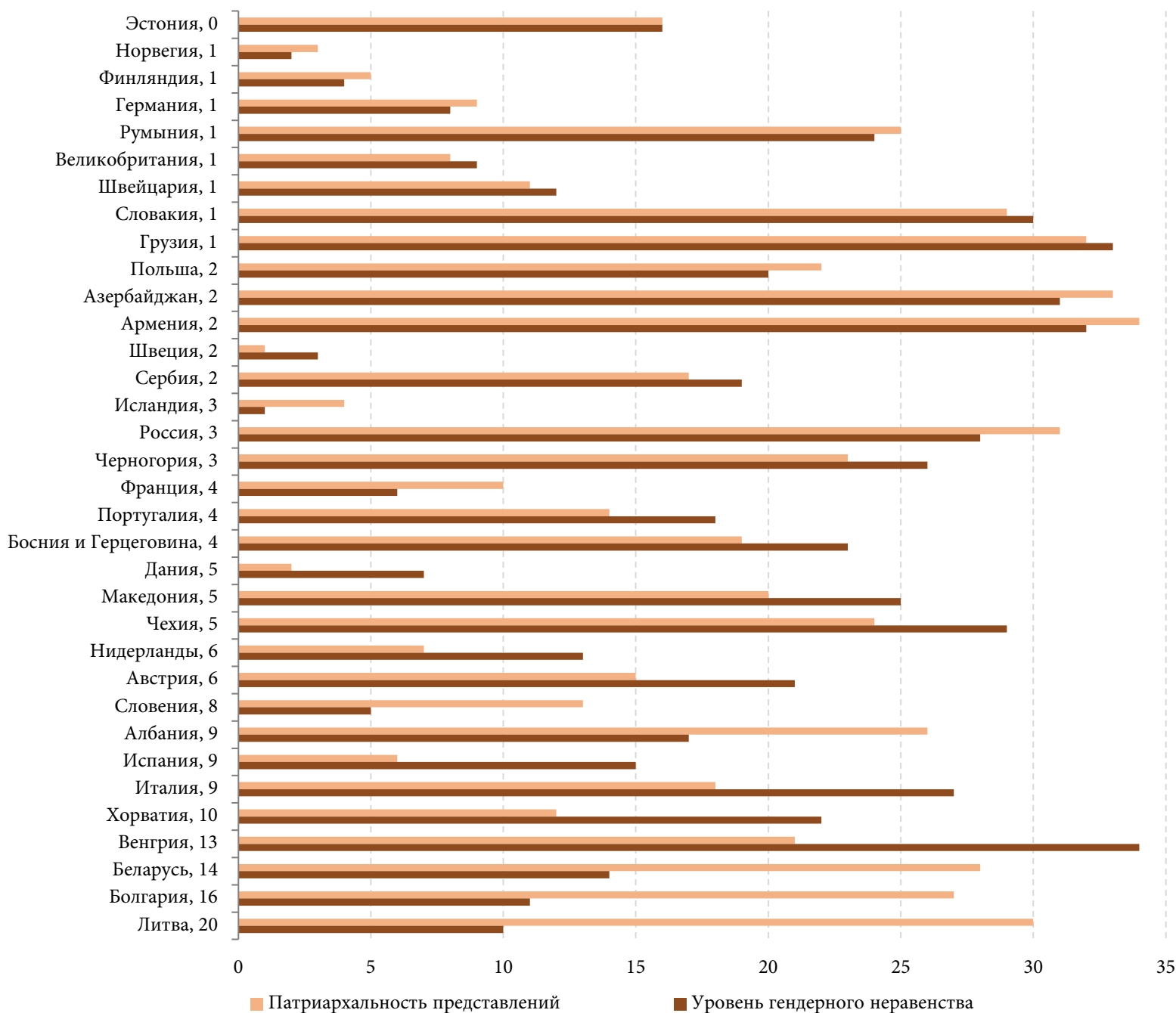

Рис. 1. Разница в рейтинге стран по уровню патриархальности представлений о гендерных ролях и уровню гендерного неравенства

Figure 1. Difference in the ranking of countries by the level of patriarchy of ideas about gender roles and the level of gender inequality

Таким образом, мы видим, что в большинстве стран (20 из 34) места в двух рейтингах не различаются более чем на четыре позиции, что говорит о том, что действительно представления о гендерных ролях могут быть взаимосвязаны с уровнем гендерного неравенства в стране. Отдельного внимания заслуживают страны, где разрыв превысил десять позиций: Венгрия, Беларусь, Болгария и Литва. Можно предположить, что в этих странах представления респондентов о гендерных ролях не будут иметь взаимосвязи с уровнем гендерного неравенства.

В результате можно выделить три группы стран:

1. Страны, в которых степень патриархальности представлений о гендерных ролях *совпадает* с уровнем гендерного неравенства: Эстония, Норвегия, Финляндия, Германия, Румыния, Великобритания, Швейцария, Словакия, Грузия, Польша, Азербайджан, Армения, Швеция, Сербия, Исландия, Россия, Черногория, Франция, Португалия, Босния и Герцеговина.

2. Страны, в которых степень патриархальности представлений о гендерных ролях *частично совпадает* с уровнем гендерного неравенства: Дания, Македония, Чехия, Нидерланды, Австрия, Словения, Албания, Испания, Италия.

3. Страны, в которых степень патриархальности представлений о гендерных ролях *не совпадает* с уровнем гендерного неравенства: Хорватия, Венгрия, Беларусь, Болгария, Литва.

Страны были разделены в соответствии с тем, насколько уровень гендерного неравенства в стране соответствует тому, какие представления о гендерных ролях разделяет ее население. Так как рейтинг стран был составлен нами по уровню патриархальности представлений, а рейтинг ВЭФ – по уровню гендерного неравенства, мы сопоставили их. И если в конкретной стране уровень гендерного неравенства был низким и представления были эгалитарными, как, например, в Швеции, Финляндии, Исландии, то соответственно страна попадала в первую группу. То же самое касалось и стран, где уровень неравенства был высоким и представления были очень патриархальными, например Грузия, Армения. А такие страны, как Латвия, где представления патриархальные, а уровень неравенства низкий, или Беларусь, где представления эгалитарные, а уровень неравенства высокий попадали в третью группу.

Таким образом наша гипотеза о том, что в странах с более высоким уровнем гендерного равенства респонденты будут разделять более эгалитарные представления о гендерных ролях по сравнению со странами с более низким уровнем гендерного равенства, подтвердилась частично, для 20 из 34 стран.

Далее мы постарались ответить на вопрос о том, почему страны разделились на три группы и есть ли различия в факторах, влияющих на представления о гендерных ролях между группами стран. Для проверки влияния выделенных факторов на представления мужчин и женщин о гендерных ролях мы использовали метод мультиномиальной регрессии. Именно данный метод позволяет проверить одновременно влияние всех факторов, поскольку отобранные для анализа переменные измерены по разным шкалам. В качестве зависимой переменной использовался составленный ранее индекс¹, отражающий степень патриархальности и эгали-

¹ Для построения регрессионной модели индекс был перекодирован в 3-балльную переменную, где 1 – респонденты с патриархальными представлениями о гендерных ролях, 2 – респонденты со смешанными представлениями о гендерных ролях, 3 – респонденты с эгалитарными представлениями о гендерных ролях.

тарности представлений респондентов о гендерных ролях, независимыми переменными стали выделенные нами ранее факторы. Таким образом, были получены три регрессионные модели (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Регрессионная модель для трех групп стран
Regressive model for three country groups

Независимые переменные	Представления о гендерных ролях (значения Exp(B))					
	Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
	Смешанные	Эгалитарные	Смешанные	Эгалитарные	Смешанные	Эгалитарные
Уровень образования отца	1,017	1,027**	1,015	1,025	1,031	1,332**
Уровень образования матери	0,968**	0,973*	1,007	1,016	0,907	0,874
Уровень образования респондента	1,036	1,199**	1,288**	1,326**	1,250**	1,219*
Возраст респондента	1,001	0,997	0,997	0,999	0,990**	0,992*
Уровень квалификации (EGP11)	0,912**	0,833**	0,925**	0,841**	0,933**	0,908**
Частота посещения религиозных служб	1,107**	1,266**	1,128**	1,268**	1,071**	1,171**
Доход	1,092**	1,269**	1,119**	1,195**	1,016	1,135*
Пол: женский	1,502**	1,775**	1,536**	1,762**	1,520**	2,039**
Религия	1,298**	1,701**	0,898	0,836*	0,802**	1,146
Наличие детей	1,01	1,310**	1,103	1,357**	1,107	1,835**
Семейное положение	1,097*	1,139**	0,982	1,173*	0,997	0,926
Статус занятости	1,316**	1,557**	1,220**	1,717**	1,02	1,049
Константа (B)	-0,427	-1,938	-0,258	-1,315	0,091	-2,258
Псевдо R ² Нэйджелкера	0,165		0,145		0,101	

Примечание. *p < 0,05, **p < 0,01; Опорная категория: патриархальные представления.

В результате интерпретации регрессионных моделей была составлена таблица с факторами, которые имели значимое влияние в каждой группе стран (табл. 2).

Наиболее сильно выделился фактор «возраст», он имел значимое влияние только в третьей группе стран. В то же время для третьей группы оказались незначимыми факторы «статус занятости», то есть наличия оплачиваемой работы и «семейное положение», которые были значимы в первых двух группах.

Неожиданным результатом стало направление связи для фактора «принадлежность к религии» в первой группе стран: респонденты, не относящие себя к какой-либо религии, имели большую вероятность выра-

жать более патриархальные представления. Также неожиданным оказалось влияние образования матери в той же первой группе, более высокий уровень образования матери увеличивал вероятность, что респондент будет иметь более патриархальные представления, однако с образованием отца была противоположная ситуация и направление связи было ожидаемым. Также в первой группе стран значимым оказался уровень образования обоих родителей, в третьей группе – только образование отца, а во второй группе этот фактор в целом оказался незначимым.

Таблица 2 (Table 2)

Факторы, оказывающие значимое влияние на представления о гендерных ролях в каждой группе стран

Factors that have a significant impact on perceptions of gender roles in each group of countries

Влияющие факторы	Группа 1 (совпадает)	Группа 2 (частично совпадает)	Группа 3 (не совпадает)
Пол	+	+	+
Возраст	-	-	+
Образование	+	+	+
Статус занятости	+	+	-
Доход	+	+	+
Уровень квалификации	+	+	+
Семейное положение	+	+	-
Дети	+	+	+
Принадлежность к религии	+	+	+
Частота посещаемости религиозных служб	+	+	+
Образование родителей	+	-	+*

Примечание. *Только образование отца.

Результаты проведенного анализа можно сформулировать следующим образом:

1. Женщины в целом имеют более эгалитарные представления о гендерных ролях, чем мужчины.

2. Высшее образование, оплачиваемая работа, высокий уровень квалификации и доходов повышают вероятность того, что респондент будет разделять эгалитарные представления о гендерных ролях.

3. Сильная воцерковленность, наличие детей и зарегистрированного брака повышают вероятность того, что респондент будет разделять патриархальные представления о гендерных ролях.

4. В большинстве европейских стран уровень гендерного неравенства совпадает с уровнем патриархальности представлений о гендерных ролях, соответственно и достижение гендерного паритета в этих странах может осуществляться через изменение представлений о гендерных ролях.

Выводы

Для начала отметим, что между странами действительно есть различия в факторах, влияющих на представления о гендерных ролях. Возраст оказывает значимое влияние только в странах, где степень патриархальности представлений о гендерных ролях не совпадает с уровнем гендерного неравенства, причем, чем старше респондент, тем больше вероятность, что он будет придерживаться патриархальных представлений о гендерных ролях. Это подтверждает нашу гипотезу о влиянии возраста, но только для одной группы стран. Также в третьей группе стран не оказывают влияния такие факторы, как «статус занятости» и «семейное положение», хотя они являются значимыми в двух других группах. Есть также различие между группами по фактору «образование родителей», в первой группе стран значимое влияние оказывал уровень образования и отца, и матери, во второй группе образование родителей не имело статистически значимого влияния, а в третьей – значение имело только образование отца. Мы можем предполагать, что различия в факторах, влияющих на представления о гендерных ролях, могли привести к разделению стран по степени совпадения уровня гендерного неравенства и степени патриархальности представлений о гендерных ролях, однако данный вопрос требует отдельного исследования, имеющиеся данные не могут ответить на вопрос о том, насколько различия в факторах объясняют вероятность попадания страны в ту или иную группу.

Фактор принадлежности к религии показал неожиданные и противоречивые результаты: в первой группе стран респонденты, исповедующие какую-либо религию, оказались склонны иметь более эгалитарные представления, чем респонденты, не исповедующие никакой религии. Однако во второй и третьей группах стран принадлежность к религии, наоборот, повышала вероятность, что респондент будет иметь патриархальные взгляды, причем в третьей группе это влияние было более сильным, чем во второй. Что касается частоты посещения религиозных служб, то во всех группах стран направление влияния было одинаковым: чем реже респондент посещает религиозные службы, тем более вероятно, что он будет иметь эгалитарные представления о гендерных ролях. Наиболее сильным это влияние было в странах, в которых степень патриархальности представлений частично совпадает с уровнем гендерного неравенства. Таким образом, наша первая гипотеза о том, что респонденты, исповедующие какую-либо религию и посещающие религиозные службы, будут иметь более патриархальные представления о гендерных ролях, чем респонденты, не исповедующие никакой религии, подтверждается только частично. Можно предположить, что неожиданный для нас результат в странах первой группы может быть связан с тем, что в первую группу вошло большое количество скандинавских стран, в которых самый низкий уровень религиозности в мире (по данным института Gallup). Во многих странах принадлежность к религии больше не является показателем высокой религиозности индивида. Так, например, в России (которая также входит в первую

группу стран), по данным того же опроса Gallup¹, 55% назвали себя религиозными людьми, независимо от того, посещают ли они места общественного богослужения. При этом, по данным Левада-Центра² и Pew Research Center³, в ответ на вопрос о вероисповедании около 70% россиян назвали себя православными, но при ответе на вопрос о роли религии 58% респондентов ответили, что религия не играет роли в их жизни или играет не слишком важную. По данным EVS 2017, 47,1% православных респондентов молятся не чаще одного раза в месяц, а 73,1% посещают религиозные службы только по праздникам или еще реже. Однако фактор «частота посещения религиозных служб» отражает именно влияние религиозности на представления о гендерных ролях, причем ожидаемым образом и это логически связано с характерным для авраамических религий представление о мужском лице Бога-Творца.

В каждой группе стран пол оказался важным фактором, влияющим на представления о гендерных ролях. Проанализированные данные подтверждают нашу третью гипотезу о том, что женщины будут выражать более эгалитарные представления, чем мужчины, во всех странах. Данный вывод не является удивительным, статистика по всем странам, по всем международным исследованиям показывает, что женщины более эгалитарны в своих представлениях, чем мужчины.

Уровень образования является значимым влияющим фактором во всех группах стран, полученные данные подтверждают гипотезу о том, что более высокий уровень образования повышает вероятность того, что респондент будет иметь эгалитарные представления о гендерных ролях. Этот ожидаемый вывод может быть обоснован тем, что более высокий уровень образования связан с более высоким уровнем квалификации и соответственно более высокой оплатой труда, что в свою очередь сокращает разрыв в возможностях между полами и степень зависимости женщины от мужчины. Этим же объясняется значимое влияние статуса занятости в первых двух группах стран и дохода во всех группах, так как направление этой связи показало, что работающие респонденты и респонденты с более высоким уровнем дохода с большей вероятностью будут иметь эгалитарные представления о гендерных ролях.

Что касается образования родителей, то в первой группе стран значимым оказался уровень образования как матери, так и отца, однако направление этого влияния различно. Выявлено, что чем выше уровень образования матери, тем более вероятно, что респондент будет иметь патриархальные представления, в то же время, чем выше уровень образования отца, выше вероятность наличия у респондента эгалитарных представле-

¹ Crabtree S. Religiosity Highest in World's Poorest Nations // Gallup News. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/142727/religiosity-highest-world-poorest-nations.aspx#2>

² АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Религиозность в период пандемии [Электронный ресурс]. URL: www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pandemii/

ний о гендерных ролях. Во второй группе стран образование родителей оказалось незначимым фактором, а в третьей значимо только влияние уровня образования отца, причем направление влияния совпадает с первой группой.

Семейное положение оказало значимое влияние в первых двух группах стран в ожидаемом направлении, фактор наличия детей оказался значимым во всех трех группах стран, что в целом согласуется с нашей гипотезой о том, что респонденты, имеющие детей и состоящие в зарегистрированном браке, имеют более патриархальные представления о гендерных ролях, чем респонденты, не состоящие в браке и не имеющие детей. Мы можем предположить, что это связано с большим количеством домашней работы, которая по большей части ложится на женщину после замужества и рождения детей, ее уходом с рынка труда и соответственно экономической зависимостью от мужчины. Для мужчин же в целом характерно выбирать патриархальную гендерную модель, а брачные отношения только закрепляют эти представления. По оценкам ПРООН, во всем мире только половина замужних женщин имеют оплачиваемую работу вне дома. Даже в России, где очень высокий уровень участия женщин на рынке труда по сравнению с западными странами, работу имеют 85,6% замужних женщин и 96,7% женатых мужчин¹.

Заключение

Целью данной работы было сравнить представления мужчин и женщин о гендерных ролях в России и Европе и выявить влияние факторов, воздействующих на эти представления. Представления о гендерных ролях были рассмотрены в рамках проблемы гендерного неравенства, так как они являются одним из важнейших факторов воспроизводства неравенства между полами, наравне с политической и экономической структурами общества. Представления о гендерных ролях отражаются в культуре, нормах, ценностях и образцах поведения индивидов. Гендерное неравенство все еще остается важнейшей проблемой для всего мира, по прогнозам исследователей ВЭФ, ОЭСР и ПРООН человечеству понадобится не менее века, чтобы достичь гендерного паритета. Гендерное неравенство не только препятствует общему человеческому развитию, оно находит отражение и в экономическом прогрессе общества. В настоящее время многие страны ставят своей целью достижение и обеспечение гендерного равенства, в том числе и Россия, однако, несмотря на общемировой прогресс в этой области, в нашей стране гендерный разрыв увеличился в последние годы. С точки зрения полоролевого подхода, на который мы опираемся в настоящей работе, а также по мнению социологов, описывавших гендерные роли в контексте проблемы гендерного неравенства (например, Р. Коннелл, Н. Смелзер, Р. Игнлхарт и др.), путь к достижению гендерного паритета лежит через изменение пред-

¹ ООН: лишь немногим более половины замужних женщин в мире работают вне дома // Новости ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/06/1358161>.

ставлений о гендерных ролях. Это происходит потому, что во многих обществах гендерные роли определяют права и возможности мужчин и женщин и особенно влияют на разделение труда дома и на рабочем месте [26]. Обзор основных международных исследований гендерного неравенства позволил выделить ряд основных проблем и сфер их концентрации. В первую очередь это проблемы в экономической сфере: недостаточная представленность женщин на рынке труда; должностная и отраслевая гендерная асимметрия на рынке труда; разница в зарплате и доходах. Наиболее сильный гендерный разрыв во всем мире наблюдается в политической сфере: низкая представленность женщин в политике; отсутствие мер, способствующих вовлечению женщин в политику и т. н. «стеклянный потолок». Не менее важными являются проблемы в семейной сфере: неравное распределение домашних обязанностей, в результате которого женщины тратят минимум в два раза больше времени на работу по дому и уход за членами семьи, что, в свою очередь, усугубляет разницу в доходах и распространенность домашнего насилия. Эксперты из ОЭСР отмечают, что причиной гендерного неравенства в экономической и политической сферах являются «стеклянный потолок», патриархальное отношение к женщинам и ожидание от них исполнения стереотипных ролей и обязанностей в обществе. В доступе к правосудию со стороны закона нет никаких различий в правах между женщинами и мужчинами, тем не менее эксперты сообщают о том, что женщины часто не знают своих прав и свобод и сталкиваются с препятствиями в данной сфере (в том числе с социальной стигматизацией и стереотипами).

Рассмотренные нами социологические и социально-психологические подходы к определению гендерных ролей позволяют говорить о том, что гендерные роли являются социально-сконструированными моделями поведения для индивидов, формируются культурой, социальной структурой в процессе исторического развития общества, меняются с течением времени под воздействием глобальных общественных изменений, определяют отношения между полами и усваиваются в процессе первичной и вторичной социализации под влиянием различных ее агентов. Обзор теоретических исследований позволил выделить факторы, влияющие на представления о гендерных ролях, но в то же время показал малоизученность темы. Как среди европейских, так и среди российских исследований редко встречаются посвященные представлениям о гендерных ролях. В России практически отсутствуют исследования по данной проблематике, а те, что существуют, в основном концентрируются на семейной сфере и осуществляются на маленьких выборках, охватывающих преимущественно студентов. В то же время изменение представлений о гендерных ролях, которое является необходимым условием для достижения гендерного равенства [26], невозможно без описания этих представлений и изучения факторов, на них влияющих.

В настоящей работе было проверено влияние следующих факторов, выделенных на основе анализа современных исследований: пол, образование, статус занятости, доход, уровень квалификации, семейное положение, дети, принадлежность к религии, частота посещаемости религиозных служб и образование родителей.

Исследование показало, что во всех европейских странах, в том числе и в России, женщины придерживаются более эгалитарных представлений по сравнению с мужчинами. Это во многом объясняется тем, что патриархальное устройство общества выгодно именно мужчинам, и свидетельствует о том, что женщины хотят иметь возможности для самореализации во всех сферах общественной жизни. Однако и среди европейских женщин как минимум пятая часть выражают патриархальные представления и соглашались, например, с тем, что мужчины становятся лучшими политическими лидерами, зарабатывать деньги должен мужчина, а женщина – заниматься домом и семьей. Исключение составляют страны Скандинавии: Швеция, Норвегия, Исландия, Финляндия и Дания. Эти страны характеризуются не только самым низким уровнем гендерного неравенства в мире, но и наиболее эгалитарными представлениями как среди женщин, так и среди мужчин. Это может объясняться высоким уровнем развития стран [15], высоким уровнем экономического развития и доходов на душу населения¹ и низким уровнем экономического неравенства. В этих странах не менее чем на 80% закрыт гендерный разрыв в экономике (за исключением Дании – 73%) [27]. Все эти показатели говорят о том, что у мужчин и женщин нет большой разницы в доступе к ресурсам, а значит сокращается и степень зависимости женщин от мужчин. Как уже показали социологические исследования [26], в том числе и наши, увеличение уровня доходов повышает вероятность иметь эгалитарные представления о гендерных ролях.

В ходе нашего исследования страны разделились на три группы по степени совпадения уровня гендерного неравенства в стране и степени патриархальности представлений о гендерных ролях. В большинстве европейских стран уровень гендерного неравенства совпал с уровнем патриархальности представлений о гендерных ролях. Причем в эту группу вошли и страны с наиболее низким уровнем как гендерного неравенства, так и патриархальности представлений, и страны с наиболее высоким уровнем гендерного неравенства и наиболее высоким уровнем патриархальности представлений (Азербайджан, Армения, Грузия). Такое разделение свидетельствует о том, что представления о гендерных ролях тесно связаны с уровнем гендерного неравенства в самых разных странах. То, что в эту группу стран вошла и Россия, позволяет нам говорить о том, что в нашей стране уровень гендерного неравенства обусловлен распространенными в обществе патриархальными представлениями о гендерных ролях. Следовательно, для России очень важно изучение этих представлений и изменение их для достижения гендерного равенства. Важным выводом также стало влияние практически всех выделенных нами факторов на представления о гендерных ролях в данной группе стран (за исключением фактора возраста). Следовательно, в России изменение представлений о гендерных ролях может проводиться как на макро-, так и на микроуровне, работа в данном направлении важна как со стороны государства, так и со стороны отдельных индивидов.

¹ Россияне превращаются в «вечных детей», заявили эксперты [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180808/1526131597.html> (дата обращения: 12.08.2022).

Дополнительно отметим, что ввиду ограничений имеющейся базы данных ряд выделенных факторов не мог быть проверен в ходе данного исследования. Такими факторами стали: культурные нормы и ценности, уровень развития общества, представленность женщин на рынке труда и в законодательных органах, социально-культурный статус-кво, ожидания общества, воспитание и социализация, самооценка, раса и национальность. Данная тема требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Гендерная психология / Под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
2. Клецина И. С. Гендерная социализация: уч. пос. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
3. Кон И. С. Социология личности. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. 383 с.
4. Кон И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального в человеке: Мат. к симп. в г. Москве. Сентябрь 1975. М.: ИП АН СССР, 1975. С. 763–776.
5. Ощепков А. Ю. Гендерные различия в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ, 2006. № 4. С. 590–619.
6. Писклакова-Паркер М. П. Насилие в семье: системы профилактики, преодоления и регулирования (социологический анализ). Дис. ... к. социол. н. ИГСУ, 2014. 195 с.
7. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М.: Вариант, Невский Простор, 2005. 368 с.
8. Тихомиров Д. А., Новицкая К. В. Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 90–102. DOI: 10.17805/ggz.2018.3.6.
9. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 304 с.
10. Baxter J., Kane E. W. Dependence and independence: A Cross-National Analysis of Gender Inequality and Gender Attitudes // Gender & Society. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 193–215.
11. Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. No. 2 (42). P. 165–172. DOI: 10.1037/h0036215.
12. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. England: Penguin Books, 1966. 249 p.
13. Burn S. M. The Social Psychology of Gender. N.Y.: McGraw-Hill Education, 1995. 233 p.
14. Conceicao P. Human Development Report // United Nations Development Programme. N.Y.: One United Nations Plaza, 2019. 366 p.

15. Conceicao P. Human Development Report // United Nations Development Programme. N.Y.: One United Nations Plaza, 2020. 412 p.
16. Connell R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Stanford University Press, 1987. 334 p.
17. Crespi I. Socialization and gender roles within the family: a study on adolescents and their parents in Great Britain // MCFA Annals. 2004. Vol. 3. P. 1–8.
18. Deutsch M., Krauss R. M. Theories in Social Psychology. N.Y.: Basic Books, 1965. 244 p.
19. Dotti Sani G. M., Quaranta M. The Best Is Yet to Come? Attitudes Toward Gender Roles Among Adolescents in 36 Countries // Sex Roles. 2017. No. 1-2 (77). P. 30–45. DOI: 10.1007/S11199-016-0698-7.
20. Eagly A., Wood W. Social role theory // Handbook of theories in social psychology. 2012. Vol. 2. P. 458–476. DOI: 10.4135/9781446249222.n49.
21. Hartmann H. Capitalism, patriarchy, and job segregation by sex // Signs. 1976. No. 3 (1). P. 137–170. DOI: 10.1086/493283.
22. Hartmann H. The family as the locus of gender, class, and political struggle: The example of housework // Signs. 1981. No. 3 (6). P. 366–394. DOI: 10.1086/493813.
23. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills: Sage Publications, 1984. 327 p.
24. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations, Software of the Mind. N.Y.: McGrawHill, 2010. 561 p.
25. Huber J. A Theory of Family, Economy, and Gender // Journal of Family Issues. 1988. No. 1 (9). P. 9–26. DOI: 10.1177/019251388009001002.
26. Inglehart R. D., Norris P. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 226 p.
27. International Labour Organization Global Wage Report 2018/19: What lies behind gender pay gaps. Geneva: ILO, 2018. 172 p.
28. International Labour Organization Global Wage Report 2020–21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 International Labour Office. Geneva: ILO, 2020. 212 p.
29. Kenny C., Patel D. Gender Laws, Values, and Outcomes: Evidence from the World Values Survey. CGD Working Paper 452. Washington, DC: Center for Global Development, 2017. 38 p.
30. Linton R. The study of man: an introduction. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1936. 503 p.
31. Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. N.Y.: William Morrow, 1935. 335 p.
32. Mead G. H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 401 p.

33. Myers D. Social Psychology. 7th Ed. Boston: McGraw Hill, 2002. 820 p.
34. OECD SIGI 2019 Global Report: Transforming Challenges into Opportunities, Social Institutions and Gender Index. Paris: OECD Publishing, 2019. 232 p. DOI: 10.1787/bc56d212-en.
35. Smelser N. J. Sociology. New Jersey: Prentice Hall, 1988. 449 p.
36. Tabassum N., Nayak B. S. Gender Stereotypes and Their Impact on Women's Career Progressions from a Managerial Perspective // IIM Kozhikode Society & Management Review. 2021. No. 9 (10). P. 1–17. DOI: 10.1177/2277975220975513.
37. Toffler A. The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. USA: Random House, 1984. 537 p.
38. Turner J. H. The Structure of Sociological Theory. Homewood, IL: Dorsey Press, 1974. 351 p.
39. Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior // American Journal of Sociology. 1956. No. 4 (61). P. 316–328. DOI: 10.1086/221763.
40. Valentova M. Age and sex differences in gender role attitudes in Luxembourg between 1999 and 2008 // Work, employment and society. 2013. No. 4 (27). P. 639–657. DOI: 10.1177/0950017013481638.
41. World Economic Forum Global Gender Gap Report 2018. Geneva: World Economic Forum, 2018. 367 p.
42. World Economic Forum Global Gender Gap Report 2020. Geneva: World Economic Forum, 2020. 371 p.

Получено редакцией: 22.08.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гречаная Анна Александровна, магистр социологии,
старший лаборант с высшим образованием, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.12

Perceptions of Russians and Europeans About Gender Roles in the Context of the Problem of Gender Inequality: A Comparative Analysis on the Data of the European Values Study (EVS)

Anna A. Grechanaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: njuta-gel@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9430-8097

For citation: Grechanaya A. A. Perceptions of russians and europeans about gender roles in the context of the problem of gender inequality: a comparative analysis on the data of the European values study (EVS). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 212–233. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.12; EDN: XVQAMD

Abstract. The article covers the study of ideas about gender roles in the context of the problem of gender inequality in European countries based on the data of the international sociological project European Values Study. Despite the changes that have taken place in the world over the past half century in the main areas of society, inequality between men and women is still part of global social inequality and remains an important problem of the modern world. Achieving gender equality in the modern world is recognised as a global priority. The purpose of the article was to compare the ideas of men and women about gender roles in Russia and Europe and to identify the factors influencing these ideas. The paper examines the relationship between respondents' perceptions of gender roles and gender inequality from the point of view of the gender-role approach, highlights the relationship between these perceptions and the level of gender inequality in various European countries, clarifies the factors influencing the level of patriarchy/egalitarianism of respondents' perceptions of gender roles. The results of the main international studies of gender inequality are also systematised, the results of the main modern sociological studies of ideas about gender roles are described. The author focuses on the sociological study of the problem, as well as on the quantitative analysis of data. The study shows that in most European countries the level of gender inequality coincides with the level of patriarchal ideas about gender roles. Women in general have more egalitarian ideas about gender roles than men. Higher education, paid work, high levels of qualifications and income increase the likelihood of egalitarian perceptions of gender roles. A high level of churchgoing, the presence of children and a registered marriage increase the likelihood of patriarchal ideas about gender roles.

Keywords: gender, gender equality, gender roles, gender role approach, egalitarian views, patriarchal views, men, women, EVS, cross-country comparison

References

1. Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. Ed. by I. S. Kletsina. St. Petersburg, Piter, 2009: 496 (in Russ.).
2. Kletsina I. S. Gendernaya sotsializatsiya [Gender socialization]. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gerzena, 1998: 92 (in Russ.).
3. Kon I. S. Sotsiologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow, IP AN SSSR, 1967: 383 (in Russ.).
4. Kon I. S. Polovyye razlichiya i differentsiatsiya sotsialnykh roley. Sootnosheniye biologicheskogo i sotsialnogo v cheloveke [Sex differences and differentiation of social roles. The ratio of biological and social in a person]. Moscow, Akadem. proyekt, 1975: 763–776 (in Russ.).
5. Oshchepkov A. YU. Gendernyye razlichiya v oplate truda v Rossii [Gender differences in wages in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*, 2006: 4: 590–619 (in Russ.).
6. Pisklakova-Parker M. P. Nasiliye v sem'ye: sistemy profilaktiki, preodoleniya i regulirovaniya (sotsiologicheskii analiz) [Violence in the family: systems of prevention, overcoming and regulation (sociological analysis)]: dis. ... k. sotsiol. n. IGSU, 2014 (in Russ.).
7. Tartakovskaya I. N. Gendernaya sotsiologiya [Gender sociology]. Moscow, Variant, Nevskii Prostor, 2005: 368 (in Russ.).
8. Tikhomirov D. A., Novitskaya K. V. Moscow Youth's Representations of Gender Roles and Characteristics of a Modern Woman. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2018: 3: 90–102 (in Russ.). DOI: 10.17805/ggz.2018.3.6.
9. Khrestomatiya feministских текстов. Perevody [Reading book of feminist texts. Translations]. Ed. by E. Zdravomyslova, A. Temkina. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Press, 2000: 304 (in Russ.).
10. Baxter J., Kane E. W. Dependence and independence: A Cross-National Analysis of Gender Inequality and Gender Attitudes. *Gender & Society*, 1995: 2(9): 193–215.
11. Bem S. The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974: 2(42): 165–172. DOI: 10.1037/h0036215.
12. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. England, Penguin Books, 1966: 249.
13. Burn S. M. The Social Psychology of Gender. New York, McGraw-Hill Education, 1995: 233.
14. Conceicao P. Human Development Report. United Nations Development Programme. New York, One United Nations Plaza, 2019: 366.
15. Conceicao P. Human Development Report. United Nations Development Programme. New York, One United Nations Plaza, 2020: 412.
16. Connell R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. *Stanford University Press*, 1987: 334.

17. Crespi I. Socialization and gender roles within the family: a study on adolescents and their parents in Great Britain. *MCFE Annals*, 2004: 3: 1–8.
18. Deutsch M., Krauss R. M. Theories in Social Psychology. New York, Basic Books, 1965: 264.
19. Dotti Sani G. M., Quaranta M. The Best Is Yet to Come? Attitudes Toward Gender Roles Among Adolescents in 36 Countries. *Sex Roles*, 2017: 1-2 (77): 30–45. DOI: 10.1007/S11199-016-0698-7.
20. Eagly A., Wood W. Social role theory. *Handbook of theories in social psychology*, 2012: 2: 458–476. DOI: 10.4135/9781446249222.n49.
21. Hartmann H. Capitalism, patriarchy, and job segregation by sex. *Signs*, 1976: 3 (1): 137–170. DOI: 10.1086/493283.
22. Hartmann H. The family as the locus of gender, class, and political struggle: The example of housework. *Signs*, 1981: 3 (6): 366–394. DOI: 10.1086/493813.
23. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills, Sage Publications, 1984: 327.
24. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations, Software of the Mind. New York, McGrawHill, 2010: 561.
25. Huber J. A Theory of Family, Economy, and Gender. *Journal of Family Issues*, 1988: 1 (9): 9–26. DOI: 10.1177/019251388009001002.
26. Inglehart R. D., Norris P. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge, Cambridge University Press, 2003: 226.
27. International Labour Organization Global Wage Report 2018/19: What lies behind gender pay gaps. Geneva, ILO, 2018: 172.
28. International Labour Organization Global Wage Report 2020–21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 International Labour Office. Geneva, ILO, 2020: 212.
29. Kenny C., Patel D. Gender Laws, Values, and Outcomes: Evidence from the World Values Survey. CGD Working Paper 452. Washington, DC, Center for Global Development, 2017: 38.
30. Linton R. The study of man: an introduction. New York, Appleton-Century-Crofts, 1936: 503.
31. Mead M. Sex and temperament in three primitive societies. New York, William Morrow, 1935: 335.
32. Mead G. H. Mind, Self, and Society. Chicago, University of Chicago Press, 1934: 401.
33. Myers D. Social Psychology 7th Seventh Edition. Boston, McGraw Hill, 2002: 820.
34. OECD SIGI 2019 Global Report: Transforming Challenges into Opportunities, Social Institutions and Gender Index. Paris, OECD Publishing, 2019: 232. DOI: 10.1787/bc56d212-en.
35. Smelser N. J. Sociology. New Jersey, Prentice Hall, 1988: 449.
36. Tabassum N., Nayak B. S. Gender Stereotypes and Their Impact on Women's Career Progressions from a Managerial Perspective. *IIM Kozhikode Society & Management Review*, 2021: 9 (10): 1–17. DOI: 10.1177/2277975220975513.
37. Toffler A. The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. USA, Random House, 1984: 537.
38. Turner J. H. The Structure of Sociological Theory. Homewood, IL, Dorsey Press, 1974: 351.
39. Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior. *American Journal of Sociology*, 1956: 4 (61): 316–328. DOI: 10.1086/221763.
40. Valentova M. Age and sex differences in gender role attitudes in Luxembourg between 1999 and 2008. *Work, employment and society*, 2013: 4 (27): 639–657. DOI: 10.1177/0950017013481638.
41. World Economic Forum Global Gender Gap Report 2018. Geneva, World Economic Forum, 2018: 367.
42. World Economic Forum Global Gender Gap Report 2020. Geneva, World Economic Forum, 2020: 371.

The article was submitted on August 22, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Grechanaya, Master of Sociology, Senior Laboratory Assistant,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2023. Том 14. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2023.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>